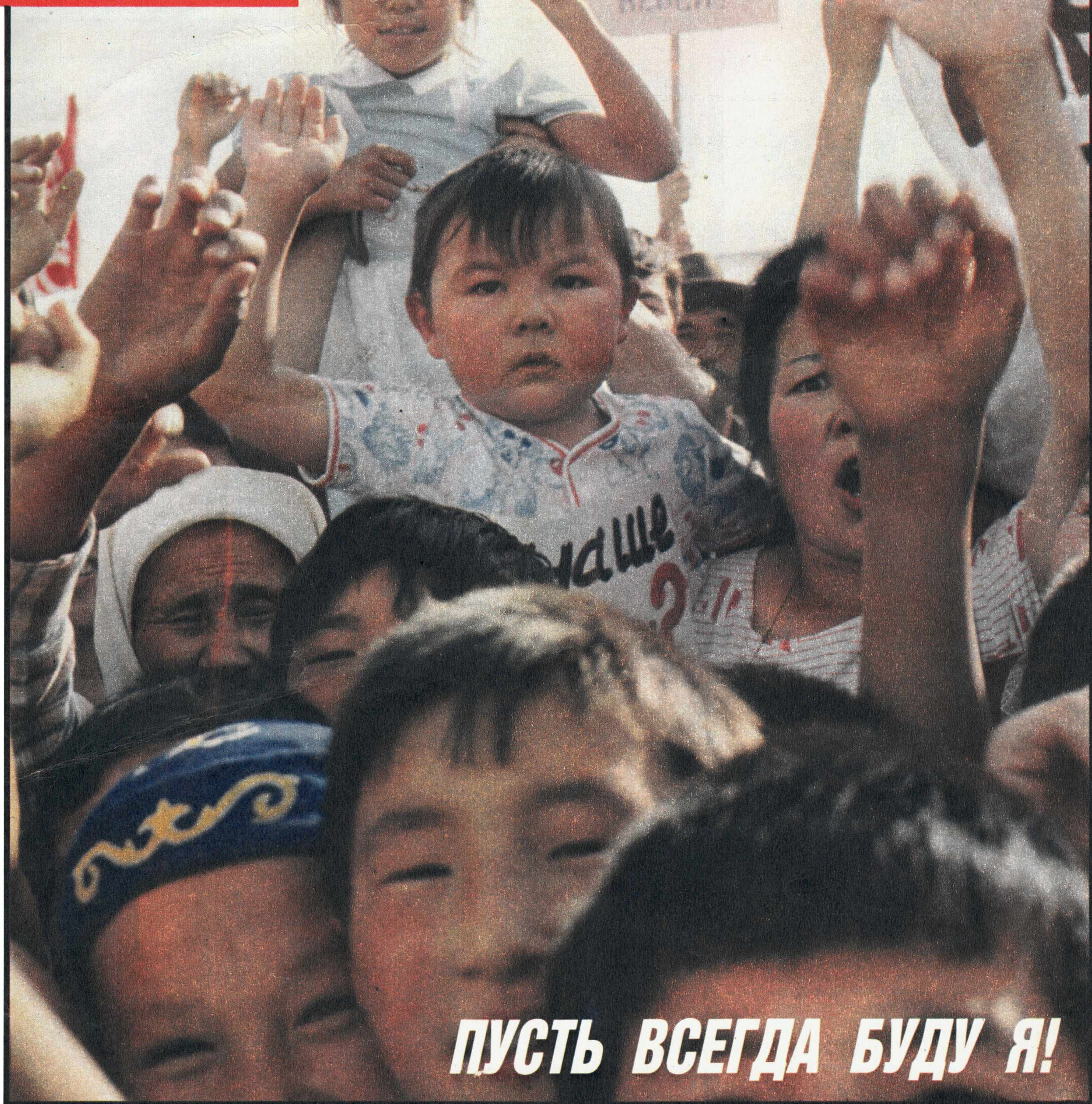
ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 22 МАЙ 1990

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 22 (3280)

ИЗДАТЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

26 мая — 2 июня

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Нет ядерным испытаниям! Мы хотим мира и мирных игр... (См. в номере материал Ю. Лушина «Надежда...»)

Фото Владимира СУМОВСКОГО

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 04.05.90. Подписано к печати 22.05.90. А 09449. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2257. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

СЪЕЗД ИЗБРАННИКОВ РОССИИ

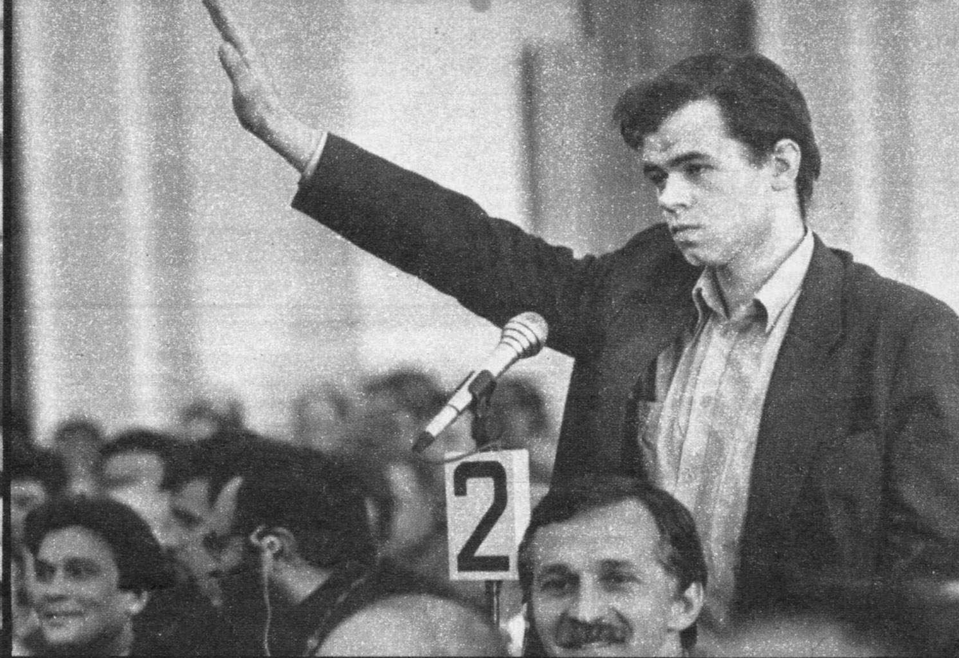

Фото Алексея ГОСТЕВА.

Слава богу, как говорится, наконец-то дошла очередь до России... На фоне яростных национальных схваток, потрясших различные регионы страны, как-то потерялись в нашем сознании глубокие беды самой большой и самой, пожалуй, трагичной республики, которая приняла на себя львиную долю тягот на долгом пути к неизведанному социализму. Как спасти Россию, как решить ее многочисленные проблемы, как вернуть ей статус цивилизованной державы? Эти вопросы в центре внимания первого Съезда народных депутатов Российской Федерации, который вторую неделю работает в Большом Кремлевском дворце.

Как и можно было ожидать, Съезд начался нервозно. Дефицит парламентской культуры был особенно ощутим на первых заседаниях — иногда казалось, что народные депутаты не только высказывают мысли, но и попутно состязаются в крепости своих голосовых связок. Не обошлось, увы, и без уже ставшей традиционной раздачи ярлыков — с высокой трибуны прозвучали такие далеко не парламентские выражения, как «демагоги-раскольники», «авторы первомайских авантюр», «региональные проходимцы» и т. д.

Пометка «шум в зале» стала реже встречаться в стенографических отчетах, когда депутаты приступили к рассмотрению третьего пункта повестки дня. Во всяком случае, доклад о социально-экономическом положении России, с которым выступил Председатель Совета Министров РСФСР А. В. Власов, был выслушан с предельным вниманием. Экономическое состояние республики, по словам докладчика, более чем плачевно. Красноречиво свидетельствует об этом хотя бы такой факт: Российская Федерация занимает последнее место среди союзных республик по удельному весу расходов национального дохода на социальные нужды.

Покончить со сверхцентрализованным диктатом ведомств, открыть экономике простор для широкой инициативы и предприимчивости, по словам докладчика, должна была экономическая реформа 1987 года, однако она не сработала. Более того, за эти прошедшие три года положение ухудшилось, произошло дальнейшее падение темпов роста производства. Жить, как ни крути, россиянам стало еще хуже. И российскому парламенту необходимо искать радикальный выход из тупика.

Даже располагая выступающих в дискуссии по алфавиту, нельзя не ощутить серьезности проблем, нарастающих прежде всего в сферах национальной и социальной. Об этом за кремлевскими стенами идет бурная дискуссия, в которой решается будущее России.

■

Как быстротечны политические перемены! В памяти еще свежи события второго Съезда народных депутатов СССР, на котором была отвергнута даже сама возможность обсуждения вопроса многопартийности и отмены 6-й статьи Конституции СССР. И вот через несколько месяцев третий Съезд народных депутатов СССР принимает Закон об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию СССР, в которой 6-я и 7-я статьи, изложенные в новой редакции, закладывают основу многопартийности и равноправия всех политических партий, общественных и массовых организаций.

Главный недостаток проекта, как мне представляется, состоит в том, что КПСС, формально провозгласившая в пункте 35 проекта Устава равноправие всех общественно-политических сил в борьбе за лидерство в обществе на основе свободных выборов, фактически сохраняет в неприкосновенности производственно-территориальный принцип построения партии, а следовательно, и монополию на власть, которой она лишена по ныне действующей Конституции СССР.

Если ранее данное организационное строение партии в условиях однопартийности было вполне оправданно и понятно, то сохранение в дальнейшем этой жесткой структуры построения партии едва ли может быть оправдано или сколь-либо разумно объяснимо.

Это положение имеет принципиальное значение в новых и необычных для нас условиях политической борьбы, свидетелями которой мы являемся. Не за горами принятие Закона о партиях, в котором, как я полагаю, все партии, в том числе и КПСС, будут поставлены в равные условия. Поэтому мне трудно представить, каким образом на равных с КПСС будет отстаивать свои взгляды и бороться за лидерство в обществе, скажем, недавно образованная либерально-демократическая партия, не имеющая своих структур на предприятиях и организациях наряду с КПСС. Проект Устава не оставляет нам надежд на это и ставит изначально в невыгодное и неравное с КПСС положение своих политических конкурентов.

Конечно, мне могут возразить: а зачем нашей партии вообще какие-то конкуренты, провозглашающие сомнительные цели и лозунги, если в преамбуле проекта Устава КПСС ясно и четко записано, что КПСС ставит своей целью создание в стране гуманного демократического социализма, руководствуется идеями Маркса, Энгельса и Ленина, исходя из коммунистической перспективы?

Однако в условиях бедственного положения нашей экономики совершенно очевидно, что обновление и полноценное творческое развитие общества и любой политической партии в нем, даже самой прогрессивной, невозможно без демократии, борьбы идей и взглядов, в которой побеждают те из них, которые оказываются наиболее жизнеспособны и завоевывают умы и сердца миллионов людей. В противном случае это ведет к монополизму, кризису в обществе и партии. Сегодня уже недостаточно просто декларативно провозгласить цель — светлое будущее, ожидая, что все общество безудержно потянется за такой политической силой.

М. С. ФОМИНОВ
г. Химки Московской обл.

■

В 15-м номере журнала «Огонек» за этот год напечатана статья «Страсти по Филонову» Александра Мосякина.

В этой статье упоминается имя Михаила Казачкова — «валютчика и контрабандиста, ставшего платным агентом ЦРУ (он до сих пор отбывает срок в пермских лагерях)».

Я сидел с Михаилом Казачковым в Чистопольской тюрьме и в Мордовии, знаком с его делом и смело могу утверждать, что ни валютчиком, ни контрабандистом, ни платным агентом ЦРУ Казачков не является, да и сидит он сегодня не в пермских лагерях (в Пермской области, кстати, остался всего один лагерь), а в Чистопольской тюрьме, куда его, если мне не изменяет память, администрация лагеря направила в четвертый раз.

Я не сомневаюсь, он — политический заключенный, независимо от того, что сидит не по 70-й статье. На совести Ленинградского КГБ много скандальных дел, в том числе и дела таких «уголовников», как Л. Лубман (см. «Юность» № 4 за 1990 год) и М. Казачков.

Американские конгрессмены, «Эмнисти интернейшнл», А. Д. Сахаров неоднократно призывали освободить всех без исключения политзаключенных, в том числе и М. Казачкова.

Автор статьи не мог сам знакомиться с делом М. Казачкова, поскольку оно не выдается вот уже несколько лет даже его адвокату для написания надзорной жалобы, а характеристика, приведенная в статье, написана со слов ленинградских чекистов, которые, мягко говоря, не заинтересованы в открытии правды.

Г. О. АЛТУНЯН,
народный депутат УССР

■

В Белом доме США учрежден зал почетных граждан Америки. На стенд почета заносятся со всеми почестями государственные деятели, ранее занимавшие высокие посты в правительстве, обществе, лишь через 40 лет после их смерти. В течение этих лет общественностью изучаются достоинства будущих кандидатов для занесения на Доску Почета Америки. У нас в стране воздавались почести вплоть до культа личности еще при жизни. Воздвигались бронзовые бюсты, восхвалялась личность и часто незаслуженно. После смерти, как правило, выявляются со стороны «личностей» грубейшие нарушения Конституции СССР, злоупотребления властью и другие отрицательные действия. Но имена уже успели увековечить: прах замурован в Кремлевской стене, состоялись пышные, дорогостоящие похороны, именами покойников названы города, институты и т. д. Но история об этих деятелях начинает говорить обратное. Почти у всех руководителей партии, которые работали при Сталине, руки омыты кровью честных людей Отчизны. Не пора ли обратиться к Верховному Совету с вопросом о статусе Кремля? Не пора ли строго охранять весь архитектурный ансамбль, ведь Кремль — это символ исторического могущества нашего государства? Необходимо создать комиссию о пересмотре похороненных у Кремлевской стены и опозоривших себя, а в будущем запретить похороны на Красной площади.

Ф. СИБИРЯКОВ
Армавир

■

К вам обращается душевнобольной. Нет, не пугайтесь, не сумасшедший... Сейчас стало наконец возможным говорить о злоупотреблениях в психиатрии по отношению к лицам инакомыслящим. Появляется множество публикаций в прессе, но странно: почему-то сочувствия авторов подобных статей удостаиваются лишь жертвы незаконной госпитализации. В обществе утвердилось мнение, что душевнобольной и сумасшедший — одно и то же. Отсюда — соответствующее отношение.

В свое время я писал в «Советский Красный Крест» в рубрику «Зовущие строки» (там печатают объявления инвалидов, желающих завязать переписку), и в первые дни приходило много откликов. Но стоило в ответном письме обмолвиться о своем диагнозе — и из 300 человек, ответивших мне, осталось лишь 9 желающих продолжить переписку.

В свое время в журнале «Советский Красный Крест» (№ 10, стр. 22) публиковалась статья члена правления Всероссийского общества инвалидов (ВОИ) В. Шатилова, который резко возражает против приема в ВОИ психических больных. Считается, что людей, имеющих хронические психические заболевания, не интересуют вопросы социальной реабилитации и трудоустройства, что им не нужна интересная работа, чувство не напрасно прожитой жизни. Действует знакомая схема — «ну что с них взять — психи...».

Мы говорим о консолидации общества. О единении. Но неужели это касается только здоровых? А если и инвалидов, то почему это не затрагивает людей с больной психикой?

И кто может гарантировать в наш бурный век, полный стрессов, что психически здоровый сегодня не окажется сломленным завтра?

Я бы многое мог сказать. Но это сейчас уже не секрет: и условия содержания в психостационарах, и обязательная госпитализация, и невозможность отдыхать в санаториях общего типа...

А что ждет таких, как я, в конце жизненного пути? Это не обычный интернат для престарелых, а психоинтернат, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Я сейчас пишу не о себе — я хочу напомнить о милосердии, о котором сейчас так пышно говорят. О милосердии не для Человечества, а для конкретных людей, страдающих конкретным недугом.

В. А.
г. Клин
Московской обл.

■

Когда мы уже совсем «доходили», мама поменяла свои золотые часики у какого-то военного на килограмм масла и буханку хлеба. Потом за продукты ушли шуба, медальон с цепочкой, вещи отчима, погибшего в ополчении. Почему я это вспомнил? Ленинградское телевидение довольно часто обращается к своим зрителям с просьбой о милосердии — нужна валюта, чтобы сделать сложную операцию тем, кого не могут вылечить здесь. Буквально на днях шла речь о трех детях, больных лейкемией. 160 тысяч долларов! Первым — через несколько часов — откликнулся Б. Н. Ельцин. 50 тысяч из своего гонорара. Спасибо Борису Николаевичу за душевную щедрость. Откликнулись Детский фонд и еще несколько организаций, имеющие свой валютный счет. Спасибо и им. И тут же вопрос: а может ли отдельно взятый гражданин нашей страны спасти собственную жизнь или жизнь своих близких, не протягивая руку за милосердной помощью?

У читающего эти строки уже возникла самая простая и нормальная мысль: откуда у отдельно взятого советского человека может быть валюта? Ну, наверное, есть исключения — наследство из-за границы, суперзвезда мирового класса, спортсмен, ставший профи, лауреат международных премий... Как вариант: жутко крутой фарцовщик или очень теневой мафиози; лично у меня фантазии больше не хватает. Но вот о чем мы забываем: есть довольно много обыкновенных, нормальных людей с довольно скромными доходами, одержимых страстью собирательства. Сам я не коллекционер, но вполне допускаю, что за одну собственную редкую монету, марку или фарфоровый сервиз можно было бы лечиться там, где медицина лечит. Можно? Нет, не можно. Потому что вам только кажется, что это ваша собственность. На самом деле это собственность народная и народу она — так получается — гораздо дороже, чем ваша жизнь.

Допускаю — государство не желает, чтобы раритеты уходили за рубеж. Их уже и так ушло более чем много, причем разбазаривал их не народ, а его слуги, вынося потихоньку ценности из общего дома. Теперь все. Точка. Граница на замке. А может, и не надо раритеты через границу? Пусть государство купит их здесь. Только не за бумажки. А за ту же валюту.

Если тогда, в блокаду, можно было спасти или попытаться спасти собственную жизнь за собственные вещи, то, может быть, пришла пора разорвать еще одно блокадное кольцо?

Г. РЯБКИН
Ленинград

В № 20 нашего журнала, в письме — обращении группы деятелей культуры с просьбой помочь смертельно больному актеру Никите Михайловскому была допущена ошибка: неточно указан номер валютного счета «Для Михайловского». Правильный № 70400002.

АНАШУ ПРОДАЮТ В ТЕХНИКУМЕ ●
СОБСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ — ЗА СОБСТВЕННУЮ КОЛЛЕКЦИЮ ●
ВРЕМЯ УХОДИТ — ПОРА ДЕЙСТВОВАТЬ ●

■

Невозможно без боли читать и слышать о наших соотечественниках, участвовавших в афганской войне,— и это в мирное время, спустя десятилетия после Великой Отечественной... Молодые инвалиды, калеки. Недопустимо, чтобы их постигла участь инвалидов прошлой войны — о тех вспомнили, когда их осталось немного, когда они состарились. Поэтому я всем сердцем поддерживаю открытие счета № 708 Фонда социальных изобретений для строительства Центра социальной и физической реабилитации воинов, вернувшихся из Афганистана, имеющих ранения и увечья. Они должны чувствовать нашу помощь и поддержку. Пройти мимо таких начинаний невозможно, и поэтому я перечислил 150 рублей и уверен, что эти взносы не последние.

Но вот что плохо: работники сбербанков не всегда знают назначение этих счетов. А ведь было бы хорошо, если бы вкладчик знал, куда пошли его деньги. Если бы он извещался о получении денег и о направлении их по его желанию. Достаточно краткого текста на открытке. Это лишний раз бы подчеркнуло важность события, связь между вкладчиком и получателем.

И еще об одном. Я узнал, что будет строиться Центр реабилитации для воинов-«афганцев». А мне постоянно не дает покоя другая мысль: а нельзя ли сейчас организовать строительство жилищно-производственного комплекса для инвалидов-«афганцев»? Пусть это будет жилой дом с квартирами, спланированными для инвалидов: двери пошире, коридор попросторнее, удобная сантехника, пристройка для колясок и другое. Ведь это нетрудно перепланировать на месте и выполнить. А рядом с такими жилыми корпусами строить производственные мастерские с оборудованием, хотя бы самым простейшим. Чтобы инвалид мог даже на коляске работать, а главное — общаться с людьми, да и заработок к пенсии не повредит. А превыше всего — сознание того, что он трудится и полезен обществу.

Я считаю, что пора действовать — время уходит! Места для строительства найти можно, было бы желание помочь бывшим воинам. Конечно, это непросто. Хотелось бы узнать мнение других. А главное — кто-то должен сказать «а»...

Н. И. КУВШИНОВ,
пенсионер
пос. Андреевка
Московской области

■

Прошло несколько месяцев со дня принятия постановления Верховного Совета СССР «О решительном усилении борьбы с преступностью», документа, встреченного нами, работниками милиции, с надеждой и уверенностью в завтрашнем дне. Что же изменилось за это время? Если сказать честно, то лишь надежд прибавилось, а уверенности в каких-либо действительно масштабных изменениях в нашей службе и быте как не было, так и нет.

С каждым днем все пренебрежительнее отношение к нам со стороны граждан, особенно молодежи, и каких только гадостей не наслушаешься за день службы! По-прежнему много работников уходит из органов, и по-прежнему подбор и расстановка кадров в большинстве случаев осуществляются в нашей системе по анкетным данным, а не на деловой основе. Не изжиты протекционизм и кумовство, «телефонное право».

В сфере социального обеспечения мы также живем одними надеждами, не более. Что я имею в виду? Работник милиции может быть уволен по состоянию здоровья, а травмы и заболевания, полученные им в период прохождения службы, не будут учитываться, если только не будет назначена пенсия по инвалидности. И тогда сотрудник, получив двухнедельное пособие, будет в прямом смысле слова «выброшен» на улицу без средств к существованию. Давно настало время рассмотреть вопрос о назначении минимальной пенсии сотрудникам МВД, прослужившим, допустим, 20 лет и получившим травму или заболевание, не связанное с назначением пенсии по инвалидности, уравняв нас хотя бы в этом с военнослужащими Советской Армии и Комитета государственной безопасности.

Безудержный рост преступности, несомненно, связан и с недостатками работы МВД, отсутствием надежной правовой и социальной защищенности его сотрудников. Судите сами: человека, который ежедневно рискует своей жизнью и здоровьем, государство не может (или не желает) застраховать за свой счет, хотя при добровольном страховании, например, сотрудника ОУР с него берется повышенный страховой взнос, учитывающий степень опасности, риска его профессии. Общий порядок назначения пенсии по случаю потери кормильца также не учитывает специфики нашей милицейской работы. И уж нередки разговоры в милицейской среде: «Как закон охраняет меня, так и я буду охранять его». А это очень тревожный симптом: растет недоверие среды личного состава к своему руководству. То, что решение насущных вопросов неоправданно затягивается, проблема не ведомственная, а государственная. Лично я вижу один выход для решения многочисленных проблем, накопившихся в нашей системе: создание независимого профессионального союза сотрудников органов внутренних дел.

В. ШИРОЧЕНКО,
старший лейтенант милиции
ЛОВД в аэропорту «Киев»

■

Отшумели выборные страсти, сопровождавшиеся ажиотажем и неразберихой вокруг кандидатов, спорами на площадях, в метро и троллейбусах, на работе и дома. Каковы же результаты? Кто победил? А никто. Как говорится, «гора родила мышь». Уважаемый центризбирком проинформировал нас в основном о том, сколько процентов в состав Советов избрано рабочих, представителей интеллигенции, тружеников села, молодежи, женщин и т. д. и сколько среди них членов КПСС.

О таких ли подсчетах хотел узнать народ? И каковы вообще должны быть результаты выборов, отмеченных предвыборной борьбой? Подобная информация центризбиркома (пусть даже предварительная) неизбежно наводит на размышления и вызывает вопросы.

Если судить по официально объявленным результатам, то можно подумать, что предвыборная борьба шла между мужчинами и женщинами, молодежью и немолодежью, партийными и беспартийными и т. д. Каждому ясно, что не в этом был пафос предвыборных баталий. Иначе многие номенклатурно-руководящие товарищи, настойчиво подчеркивающие свою принадлежность к партии рабочего класса, не стремились бы баллотироваться как можно дальше от промышленных центров и от этого класса, на сельских окраинах.

Я уверен, что во многом именно из-за такого способа представления результатов выборов резко снизилась активность избирателей, возросли апатия и разочарование. Да и как иначе, если даже у наших восточноевропейских соседей, вступивших на путь преобразований гораздо позже, поражения на выборах оцениваются как поражения, а победы отмечаются как победы, превращаясь порой в подлинные национальные праздники. У нас же выборы завершаются самой банальной застойно-бюрократичной «процентовкой», которая, по-видимому, должна подтвердить в очередной раз «монолитное единство», отсутствующее, как всем известно, даже внутри самой КПСС.

Между тем определенно существуют и другие «проценты», рассчитанные по совершенно другим параметрам, которые особенно интересуют избирателей, но эти проценты «не для печати».

А. КУЗНЕЦОВ
Москва

■

Прежде чем писать, оговорюсь, что фамилию свою по определенным причинам называть не буду. Мой сын учится в рыбопромышленном техникуме в Баку. И уже не первый год у меня такое ощущение, что и я, и сын находимся на пороховой бочке, которая вот-вот взорвется. Никогда не предполагала, что в учебном заведении может твориться такое. Определенная часть молодежи курит в стенах техникума анашу. Потом, естественно, начинается дебош. Драки здесь — обычное явление. Не стоит, думаю, говорить о том, какую угрозу для окружающих представляет собой одурманенный анашой человек. А какой процесс обучения может проходить в подобной атмосфере?

Анашу приносят торгаши прямо в техникум. Некоторые студенты продают автоматические ножи. А в начале марта один из учащихся принес в здание боевую гранату, играл ею в коридоре во время перемены, приговаривая, что вот, мол, сейчас дерну за кольцо, и все мы взлетим на воздух.

Товарищи дорогие, я писала о безобразиях уже и в МВД Азербайджана, и в республиканский комитет народного контроля, но реакции никакой, судя по тому, что атмосфера в техникуме не изменилась.

З. Г.
Баку

НАДЕЖДА...

Если есть у народа такие дети — у нас есть надежда. Вглядываюсь в их лица и глаза, ненормально серьезные для их возраста, вчитываюсь в наивные и простые слова на плакатах, которые держат детские руки. Эти дети об очередном ядерном взрыве узнавали раньше, чем об этом сообщали газеты. Они узнавали о нем по внезапным подземным толчкам, по жалобному звону стекол, по трещинам, которые рвут стены отчего дома. В селениях, расположенных поблизости от полигона, их родственники — и взрослые, и малыши — чаще, чем люди в других местах, умирают от непонятных болезней. И тогда аксакалы печально и наивно объясняют: умер от полигона. Впрочем, военные тут же с оптимизмом контробъясняют, что полигон тут ни при чем, что дозиметры постоянно показывают нормальный радиационный фон после всякого испытания «изделия», как они ласково называют бомбу. Вот один из них, полковник Н. С. Петрушенко, народный депутат СССР, говорит в своем интервью газете «Фрунзенец»: «Начну с того, что характер деятельности полигона далек от того, чтобы сравнивать его с парфюмерным производством. Воздушные и наземные взрывы бесследно, естественно, не могли пройти, но они проводились в 50-е годы, когда население Семипалатинской, Павлодарской, Карагандинской областей, часть территории которых занимает полигон, было малочисленным. К тому же предпринимались жесткие меры безопасности, вплоть до эвакуации населения». Увы, эвакуация проводилась только однажды, при испытании водородной бомбы в 1953 году. При всех других взрывах люди оставались на местах, в лучшем случае «укрывались» в оврагах или траншеях. А землю как защитить, домашний скот (вспомним Чернобыль)?.. Уверяя нас в полной безвредности подземных взрывов, Петрушенко втолковывает: «Если сегодня уровень радиации измеряется в рентгенах, степень радиоактивной зараженности в кюри, а гласность после феномена Ельцина в «ельцах», то применительно к радиофобии пора ввести единицу измерения, связанную с именем некоторых журналистов».

Вот это по-военному прямо и без затей, хотя и грубовато. Браво, полковник! Но как вы объясните, почему иссохли сотни колодцев и родников, существовавшие в селениях близ полигона сотни лет, почему после каждого испытания отмечаются в течение десяти дней вспышки самых разных болезней у людей разного возраста?

На обложке этого номера «Огонька» — дети с плакатами протеста. Они хотят знать ответ на эти вопросы. Они хотят прекращения ядерных испытаний повсеместно, на всей планете, они хотят мира и мирных игр... Всматриваюсь в их лица и с тревогой думаю об их судьбе. Многие из них принадлежат к третьему поколению, рожденному от тех людей, которые на себе испытали наземные и атмосферные ядерные взрывы на Семипалатинском полигоне с 1949 по 1963 год. Бомбы тех лет только сейчас взрываются в генах этого третьего поколения, только сейчас полученные людьми огромные дозы радиации сказываются на их внуках. Какие патологические изменения они вызовут в их организме, не могут предсказать даже медики. Они только знают, что патология будет иметь цепную реакцию... Нас уверяют: полигон сейчас безопасен.

А дети протестуют. Они тоже не против обороны, но не такой тяжкой ценой. Им давно объяснили в школе, что человечество накопило столько ядерного оружия, что им можно уничтожить самих себя, всю нашу планету много десятков раз. Неужели не страшно? Неужели есть смысл испытывать и производить новое ядерное оружие? Разделяю мысли пятиклассника Алмаса Асылбекова, которые он выразил в своих стихах:

Читаю газеты, опять полигон,
Подземные взрывы до 20 килотонн.
Читаю газеты: Семипалатинск, Невада...
Нам не нужна такая награда.
Читаю газеты... Мне страшно и тяжко:
Что будет, что будет потом?
Все говорят — светлое завтра...
А я им не верю, ведь у нас полигон.

Я смотрю в их серьезные не по возрасту лица и снова думаю: если есть у народа такие дети — у нас есть надежда.

Юрий ЛУШИН

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Меня продолжает тревожить ситуация, когда целый ряд граждан заботу о самих себе объявляют заботой о благе отечества.

Рвут и мечут функционеры, теряющие власть и считающие эту потерю угрозой системе и государству нашему в частности. Отрекаются от перестройки профессионально патриотические мастера слова, понявшие, что лично им перестройка ничего хорошего не сулит.

Делаются попытки унять гласность, решительно подмять прессу; неприлично тормозится принятие закона о средствах массовой информации. Мне официально сообщили о подготовке повышения цен на печатную продукцию — да таком повышении, что демократический читатель вовсе отпадет от изданий — купить будет не на что...

Но самое главное — внутри страны продолжает вздуваться костер для «врагов внутренних», поиски этих врагов чрезвычайно интенсивны, они и определяют ряд санкций против гласности, на которые в последнее время особенно гораздо Гостелерадио. Но, к сожалению, не только оно...

Сегодня, когда не только у нас — в мировой погоде — барометр клонится к «ясно», любые попытки взорвать надежду, возродить недоверие к народам мира и к своему собственному по меньшей мере легкомысленны. А если это сознательная тенденция — она просто опасна до самоубийственности.

Постоянно слышу о происках зловещих сил, стремящихся нас уничтожить, без конкретного называния этих сил, без вдумчивого анализа губительных тенденций. И напротив — раз за разом раздаются панические выкрики об опасности, исходящей то от невидимых «масонов», то от (в ряде изданий это определение сделали ругательным) «прорабов перестройки».

Вся политика советского государства направлена на улучшение отношений между народами; поездка М. С. Горбачева в Северную Америку еще одно тому доказательство. И, теряя «внешних врагов» (а для существования ряда ведомств в их нынешнем объеме таковые враги жизненно необходимы), иные наши деятели угрюмо ищут «врагов внутренних», прежде всего для оправдания собственного раздутого и расточительного существования.

В последнее время наш журнал и я пребываем под плотным огнем армейского начальства, обвиняющего нас в чем угодно, включая ослабление отечественной обороноспособности. Иногда к огню подключаются ветераны, как это было сделано с бывшим партизаном и полковником С. М. Шабашовым, сказавшим неправду об «Огоньке» и обо мне во время недавней встречи с руководством страны в ЦК. Все это мелко и, как правило, неизобретательно, но обидно.

Тем не менее мне важно ответить на вопрос, который задается некоторыми военачальниками столь часто, что можно подумать, будто сформулирован он «на засыпку». Маршал Ахромеев, в частности, настойчиво требует высказаться об отношении к «военной опасности для СССР». Если это еще не ясно, то рискну сообщить, что не поверю в реальную военную опасность для моей страны, пока мне не объяснят, **зачем** на нас нападать и **кому** это выгодно. Разговоры о натовских базах у нас и о советских базах у них ведутся давно уже в одной и той же тональности. Военно-промышленные комплексы (ВПК) с обеих сторон убеждают себя, нас и друг друга, что надо блюсти вооруженность, ибо на них собираются на днях напасть, а тем временем народные миллиарды расходуются с кощунственной безответственностью.

Строятся новые авианосцы и танки, а значит, измышляются злодеи, против которых все это направлено, подстегивается атмосфера недоверия, истерии, ибо выжить в чистом воздухе ВПК не умеют.

Я очень был бы благодарен нашим военным специалистам за аргументированный, конкретный рассказ о том, **кто именно** и **почему** намерен напасть на нас. Наверное, этим будет объяснена необходимость военной гонки, содержания четырехмиллионной армии, невнимания к солдатам, сержантам и офицерам, живущим столь неуютно.

Вопросы эти задавались неоднократно. Меня за них требовали сделать объектом парламентского дознания; майора Лопатина подвергали наказаниям прямо по месту прохождения службы, дабы не высказывал сомнений в непогрешимости своего начальства. И все это облекалось в рамки борьбы за идею; возможно, такова и была идея — подольше сохранить удобную для себя страну, где можно будет говорить, перефразируя достославного императора: «Государство — это я!», «Партия — это я!», «Армия — это я!»

А как же мы?

Виталий КОРОТИЧ

ПРОШУ СЛОВА

ЗАЧЕМ ПИСАТЬ НЕПРАВДУ?

Георгий АРБАТОВ

Пять месяцев назад я выступил на Съезде народных депутатов СССР, предложив в связи с экономическими трудностями, переживаемыми страной, а также улучшившейся международной обстановкой более решительно сокращать военные расходы. Уже на Съезде меня атаковали генерал Овчинников и адмирал Чернавин. После Съезда против моего выступления и написанных в ходе полемики двух статей в «Огоньке» (№ 5 и № 17 с. г.) «беглый огонь» открыли генерал-майор Медведев («Огонек» № 9), генерал-майор Кириленко (дважды — в «Литературной России» и «Красной звезде») и маршал С. Ф. Ахромеев (дважды — в «Красной звезде» и в «Советской России»), не говоря о малоизвестном отставном полковнике, выступившем в той же «Литературной России».

Я внимательно прочел написанное своими оппонентами и, в общем, удовлетворен тем, что дискуссия позволила включить в открытый спор, вынести на суд общественности немало проблем военной политики, до тех пор закрытых завесой молчания. Но одна объединяющая эти публикации черта меня разочаровала — присутствующий во всех них элемент политического доноса, столь знакомого нам по мрачным временам прошлого. Выражен этот элемент, конечно, с разной степенью откровенности (и грубости) — от обвинения в «Литературной России» в том, что я по наущению ЦРУ (?!) убедил советское руководство принять принцип «разумной достаточности» (кстати, вроде бы одобренный и Министерством обороны СССР), до не очень остроумных, но достаточно прозрачных шуточек генерала Кириленко насчет того, что, может быть, и институт, в котором я работаю, является вовсе не частью Академии наук СССР, а американским учреждением.

Но больше всего меня огорчил маршал С. Ф. Ахромеев. Сергей Федорович, человек, к которому я отношусь с личным уважением, хотя по ряду вопросов мог не соглашаться, спорить, пошел на откровенную неправду, не только позволив себе недостойные замечания насчет неких таинственных, одному мне «известных целей», но и приписав мне позицию «сторонника одностороннего разоружения Советского Союза и превращения в конечном итоге нашей страны в государство, попавшее в зависимость от других».

Маршал полностью извращает как предмет идущего спора, так и суть наших с ним разногласий. Он утверждает, в частности, что он за то, чтобы «бороться за снижение военной опасности, ведя терпеливые переговоры с США и другими странами по сокращению вооружений, поддерживая одновременно оборону страны на должном уровне», а я за то, чтобы «разоружаться в одностороннем порядке».

Я решительно не могу принять ни такого тона, ни такого метода ведения дискуссии. Я не сторонник одностороннего разоружения страны и никогда к нему не призывал [1]. И спор наш идет о другом — о том, что же такое тот должный уровень, на котором, и по мнению маршала, и по моему мнению, безусловно, должна поддерживаться оборона страны? Наше огромное численное превосходство по всем статьям, кроме крупных надводных кораблей и ударной тактической авиации (о должном качестве при таких количествах, естественно, не приходится говорить)? И потом: как определять этот должный уровень — по каким критериям, кому, на какой основе? В обстановке тайны, молчком, в узком кругу «посвященных», так, чтобы потом и спросить было не с кого? Или же на основе обстоятельной демократической дискуссии, выслушав разные мнения, ставя решения под контроль парламента (что, конечно, не исключает и секретности — в разумных пределах — некоторых параметров военных программ)? Маршалу не хуже, чем мне, известно, как у нас все это делалось, а в значительной мере делается и до сих пор, что как раз и поставило с такой остротой вопрос о военной реформе (о ней, кстати, он не обмолвился ни полсловом).

Иначе как прямую клевету я не могу расценить и утверждения С. Ф. Ахромеева, что я, мол, добиваюсь превращения нашей страны в зависимое от других государство. Наоборот, я добиваюсь обретения нашей страной подлинной независимости. В том числе и выступая против чрезмерных военных и иных расходов. Только отказавшись от них, можем мы наконец вернуть себе способность кормить собственный народ, подняв сельское хозяйство и промышленность, отказавшись от унизительных и разорительных, действительно ставящих нас в зависимость закупок за рубежом зерна, рядового оборудования, элементарных товаров народного потребления. Выступаю я также за то, чтобы мы обрели, наконец, независимость в своей военной политике, перестав слепо идти за американцами чуть не в каждой военной программе и отдавая тем самым в их руки ключ от нашего военного планирования. Тем более что, увидев эту нашу слабость, наиболее непримиримые враги СССР специально провоцируют нас на создание самых дорогих и бессмысленных систем оружия, чтобы еще больше подорвать нашу экономику (официальное название этой политики — «конкурентная стратегия»).

Неправды, к сожалению, в статье С. Ф. Ахромеева очень много. И журнал «Огонек», и меня он, например, обвиняет, что мы намеренно, дабы себя в глазах общественности не разоблачать, обходим вопрос о военной опасности. «Спорят о чем угодно,— пишет маршал,— но только не об этом. Обошел академик вопрос о военной опасности для СССР и на этот раз».

Прочитал я это гневное обличение (оно легло в основу всех остальных) и глазам не поверил. О чем говорит уважаемый маршал? Придется мне, коль скоро белое называют черным, привести пространную цитату из критикуемой С. Ф. Ахромеевым статьи в «Огоньке».

«Еще один важный вопрос,— писал я,— об оценке военной угрозы. Это, собственно, центральный вопрос для всех решений в области обороны: об ассигнованиях, программах вооружений, размерах Вооруженных Сил. И здесь... у некоторых военных деятелей своя, особая точка зрения.

Генерал (я писал о статье В. Медведева) выражает, в частности, свое несогласие с моим утверждением о том, что «новые политические подходы и установки уже привели к снижению военной опасности». Это, мол, может вызвать «благодушие», это — «излишний оптимизм». Серьезные обвинения. Но спорит

[1] Хотя, должен оговориться, во-первых, приветствую также разумные односторонние действия вроде принятого руководством СССР в конце 1988 года сокращения Вооруженных Сил на 500 тысяч человек (оно уменьшило ненужное нам превосходство в численности). И, во-вторых, не разделяю оптимизма маршала насчет того, что традиционные «терпеливые» переговоры остановят гонку вооружений, если их не подкрепить разумной военной политикой, действительно основанной на оборонной достаточности (один лишь факт — даже после того, как мы подпишем договор о пятидесятипроцентном сокращении стратегических ядерных вооружений, у нас и американцев их останется больше, чем было 21 год назад, когда мы сели за стол переговоров).

он здесь отнюдь не со мною, не с моей статьей, а с нашей новой политикой. Если не снизилась военная опасность, разве можно в одностороннем порядке сокращать на полмиллиона армию, пускать на металлолом десять тысяч танков и множество другого оружия?.. То, что международная обстановка за последние годы изменилась, а военная опасность снизилась, ясно каждому, кто живет с открытыми глазами, читает газеты, слушает радио, интересуется тем, что происходит вокруг.

Так почему же этого не видят, не признают некоторые высокопоставленные военные (кстати, не только наши, но и американские — здесь тоже «зеркальное» отражение, порожденное, возможно, сходством ведомственного интереса)?»

И так далее. Именно это — анализ международной ситуации и военно-политических угроз — есть моя специальность, моя профессия, и просто нелепо слышать от С. Ф. Ахромеева, что я от этих тем ухожу.

Да, пока еще военная угроза сохраняется, хотя она заметно снизилась. И пока она есть, я так же, как и маршал, считаю необходимым для СССР иметь достаточную (но разумно достаточную, притом достаточную только для обороны) военную мощь. Мало того, именно думая о ней — и не только сегодня, но и через 10—15—20 лет,— я утверждаюсь во мнении, что нужно возможно скорее осуществлять военную реформу и сокращать военные расходы. Сокращать, чтобы укрепить свою науку и промышленность — залог нашей обороноспособности в будущем, снять социальную напряженность в стране, наконец, улучшить моральную атмосферу в армии, подрываемую тяготами жизни офицеров, прапорщиков, всех других военнослужащих.

С этим связан и еще один важный момент, который я, кстати, не так давно обсуждал с маршалом. Состоит он в том, что угроза безопасности нашей страны исходит не только, а сегодня и не столько от военной агрессии извне (она все же куда менее вероятна), сколько от ухудшающегося состояния нашей экономики, которое обостряет социальную напряженность и трудности в межнациональных отношениях, от экологических катастроф, бедственного положения в здравоохранении и образовании. Чтобы отвратить эти угрозы, нужны огромные ресурсы — в экономике, образовании, здравоохранении мы от США, от НАТО отстали здесь куда больше, чем даже по крупным надводным кораблям или ударным тактическим самолетам. Вот почему деньги надо считать, а военные расходы — радикально сокращать.

Не могу не сказать и о доводах маршала С. Ф. Ахромеева насчет возможного в будущем усиления военной опасности из-за пережитков «холодной войны» и возможности нежелательных поворотов событий на Западе. То, на что он ссылается, есть — и воинственные речи отдельных деятелей, и реваншистские высказывания, и опасные военные программы. Но я не согласен с тем, что все это — препятствие для новых смелых шагов во внешней политике, включая новые инициативы в разоружении и демилитаризации отношений.

По существу маршал на свой лад повторяет аргументы некоторых западных политических и военных деятелей, которые отстаивают необходимость больших военных расходов и прежних программ вооружений, требуют сохранения НАТО, предлагают «не спешить» с переговорами, ссылаясь на то, что политика СССР может «в будущем» измениться, в частности, и потому, что усилится влияние на нее советских генералов.

Отвечая и тем, и другим, я бы заметил, что торможение процессов нормализации и демилитаризации отношений, чем бы оно ни оправдывалось, может сделать самые мрачные пророчества самосбывающимися. Сорок лет обе стороны пытались отводить военную угрозу, увеличивая военные потенциалы. Это вело только к «холодной войне», гонке вооружений, росту военной угрозы. В течение последних пяти лет мы испробовали другой путь: смелых инициатив, открытого диалога, мер доверия и активных, «неортодоксальных» предложений на переговорах. И уже во многом изменили международные отношения, нанесли сокрушительный удар по «холодной войне». Разве можно забывать этот урок истории?

Не знаю, убедил ли я хоть в чем-то С. Ф. Ахромеева. Его статья родила у меня подозрение: внимательно ли он вообще читает работы, которые критикует, или просто «стреляет по площадям»? Ведь маршал не только обвинил меня в молчании по проблеме, которая составила важнейший тезис статьи, но и не ответил ни на один из поставленных там перед военными товарищами вопросов. Напомню о них, ибо они по-прежнему ждут ответа:

— Зачем нам нужны три авианосца и сколько они будут стоить?

— Сколько мы сегодня производим оружия (танков, самолетов, ракет, кораблей и т. д.)? Не думаю, что это большой секрет — вступив в переговоры, мы дали или дадим эти данные другой стороне.

Повторяю вопрос о количестве оружия, в частности обычных вооружений, по той причине, что объяснения, даваемые уже не в первый раз маршалом С. Ф. Ахромеевым, не являются убедительными. У США, говорит он, была монополия на ядерное оружие, и, чтобы нейтрализовать, сбалансировать ее, мы создали «контругрозу» Западной Европе, союзникам США, нарастили там превосходство в обычных вооружениях и вооруженных силах. Что же, исторически дело, может быть, так и обстояло, хотя и в этом вопросе еще надо как следует разобраться. Но стоит ли в этом случае удивляться, что западноевропейцы при этом действительно испугались и прильнули к США? Оказывается, если поверить маршалу, мы как раз и хотели, пусть для сдерживания Америки, создать им угрозу.

Но главное даже не в этом. Самый существенный вопрос состоит вот в чем. Зачем надо было сохранять эту угрозу, это превосходство в военной мощи до сих пор (мы признали его лишь в конце 1988 года)? Сохранять уже после того, как СССР приобрел паритет в ядерных вооружениях, а по некоторым параметрам, как утверждают на Западе — опять проклятая неизвестность, опять приходится ссылаться на западные источники, за что меня уже упрекали, но что делать, если не существует наших? — и обогнал своего противника. Так что и в данном случае маршал С. Ф. Ахромеев объяснил отнюдь не все. А точнее, лишь подтвердил факты, говорящие в пользу серьезных изменений в нашей военной доктрине и политике, в том числе за счет оправданных — я бы даже решился сказать, необходимых — односторонних сокращений, о начале которых объявил полтора года назад с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН М. С. Горбачев.

— Правда ли, что наши ВВС сжигают в три раза больше горючего, чем Аэрофлот (а он ежегодно отказывает в услугах из-за нехватки горючего десяткам миллионов пассажиров)?

— Правда ли, что у нас во много раз больше генералов и адмиралов, чем в США?

— Как можно включать резервистов в численный состав Вооруженных Сил? Пространные рассуждения маршала насчет различий между «регулярной армией» и этой самой «численностью» крайне неубедительны — американский резервист, правда, получает вознаграждение (в 4,5 раза меньшее, чем военнослужащий), но обязан за это провести на сборах лишь по 2 воскресенья в месяц плюс 12 дней раз в год, то есть всего 38—39 дней в год. Разве можно таких резервистов включать в численность вооруженных сил США, в то же время не включая у себя не только резервистов, но и пограничные, внутренние, строительные и железнодорожные войска? А уж если этот метод не только столь дешев (содержание резервной дивизии обходится втрое дешевле регулярной) и притом столь эффективен, почему бы и нам не учесть такой опыт при осуществлении реформы?

Не оспорил маршал и главные выводы моей статьи — о небходимости соизмерять наши усилия в военной области с возможностями и потребностями страны.

Вместо ответа на эти вопросы и выводы С. Ф. Ахромеев пошел, к сожалению, по другому пути: попытался не только подменить предмет спора, но и политически скомпрометировать своего оппонента. В том числе возложив на него «часть» вины за ошибки нашей внешней и военной политики в период застоя. «Многие,— пишет, в частности, маршал,— читали доклады академика Г. А. Арбатова о перспективах советско-американских отношений, и далеко не все из этих докладов выветрилось из памяти. И совсем нередко в них были изложены мысли и выводы, угодные на тот момент руководству».

Вот здесь я попросил бы С. Ф. Ахромеева быть конкретнее и привести хоть один пример. Я, конечно, не претендую на то, что никогда не ошибался — такого не бывает. И наряду со многими другими нашими работниками, в том числе высокого ранга, многие вещи понимал тогда хуже, чем сейчас (вспоминаю, кстати, как на нашей с С. Ф. Ахромеевым встрече с западными журналистами, проходившей в прошлом году в пресс-центре МИД СССР, маршал, отвечая на вопрос, почему он раньше писал одно, а сейчас другое, сказал: «Ахромеев до перестройки и сейчас — это два разных человека»; говорю это не чтобы обидеть, а чтобы напомнить, что и люди, и их точки зрения все же тоже меняются). Но в угоду начальству выводы я ни тогда, ни теперь не подгонял — это очередная бездоказательная выдумка.

Ее нетрудно проверить — наверное, сохранились где-то в архивах и мои доклады, и шифротелеграммы. Но я на месте Сергея Федоровича на путь таких обвинений не становился бы — говорят ведь: не швыряйся камнями, сидя в стеклянном доме. Человек, который с 1974 года занимал пост заместителя начальника Генерального штаба, с 1979 года — первого заместителя, а с 1984 года до конца 1988 года — начальника Генерального штаба, не мог не участвовать, притом активно, во многих происходивших тогда делах, включая решения об Анголе, потом Эфиопии и Афганистане (не за эту ли войну он получил звание Героя Советского Союза?), о развертывании ракет СС-20 в Европе, о строительстве авианосцев и других разорительных программах, о Красноярской РЛС и многом другом.

На этот период пришелся и махровый расцвет дедовщины и ряда других болезненных явлений, поразивших наши Вооруженные Силы.

Не хочу, указывая на другого, уходить от ответственности сам: еще раз повторяю, что готов ответить за каждый свой политический совет, за каждую рекомендацию. Но пусть мои критики будут конкретны. И раз уж приходится отвечать на клевету, не могу не сказать и о другом — что, когда был не согласен с решениями, набирался все же смелости возражать начальству, спорить с ним, преодолевая сковывавший тогда нас всех страх. В частности, возражал против авантюры в Анголе и уже в первые месяцы войны в Афганистане (о самой войне со мной, конечно же, не советовались, о ней я узнал из радио и газет) доказывал руководству, что надо начинать вывод наших войск (и уговорил вывести первые десять процентов, хотя потом это решение было отменено), протестовал против развертывания ракет СС-20 и добивался хотя бы сокращения их числа, вопреки требованиям военного руководства подписал доклад «Комиссии Пальме», резко возражал (и был за это бит) против линии на извращение истины и реабилитацию Сталина в многотомном издании «История второй мировой войны». И так далее. Всему тому есть живые свидетели (А. Бовин, В. Загладин, Ю. Жуков, А. Александров-Агентов и многие другие, включая, если ему не откажет память, и С. Ф. Ахромеева). Сегодня можно, конечно, сказать (я и сам об этом не раз думал), что надо было спорить с руководством больше, решительней. Но тогда на это решались немногие — риск был немалый.

Словом, Сергей Федорович, я мог ошибаться, но начальству не угождал и линию занимал определенную, о чем где-где, а в Министерстве обороны хорошо знали. Да, мы, случалось, выступали с С. Ф. Ахромеевым с единых позиций, защищая политику страны от нападок представителей военно-промышленного комплекса США. Но вопреки утверждениям маршала я (как подозреваю, даже и многие люди, занимавшие более высокое положение) просто не знал состояния дел ни с военным бюджетом, ни с ядерными вооружениями, ни с соотношением военных сил в Европе. Ни на одно заседание, где обсуждались такого рода вопросы, ни меня, ни других специалистов-политологов не приглашали. Просто смешно, когда маршал С. Ф. Ахромеев пытается утверждать обратное — уж он-то хорошо знает, каким был режим секретности, как надежно Министерство обороны и его деятельность были защищены от любого взгляда извне, а тем более от критических суждений. Моим главным источником информации по указанным вопросам была западная печать. В эпоху гласности мы все больше узнаем и из советской. Но положение не стало нормальным. Не только для специалистов, но и для Верховного Совета очень многие, не являющиеся по-настоящему тайной данные по военным делам по-прежнему остаются недоступными.

Заключая, хотел бы сказать, что диалог с представителями генералитета развивается, как видим, негладко. Однако, несмотря на все разочарования, я все же считаю, что мы должны его продолжать. Уж если нашим военным удалось наладить диалог со своими коллегами из США, неужели они не найдут общий язык со своими штатскими соотечественниками? Очень важно перестать обвинять и подозревать друг друга, перевести дискуссию в конструктивное русло — верю, что руководство Министерства обороны разделяет такую позицию. Это поможет перестройке в стране. Это поможет также сделать нашу оборону не только менее дорогой, но и более надежной, успешно провести военную реформу, улучшить жизнь и быт военнослужащих. Этого хотят все, кому дороги интересы страны.

Наталия ИЛЬИНА

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ, ИЛИ ВЛАСТЬ ТЬМЫ

«Для развития литературы послевоенных лет имели серьезное значение постановления ЦК КПСС (1946 и 1948) по вопросам литературы и искусства. В них была подчеркнута мысль о необходимости глубокого и правдивого изображения действительности».

Откуда это? Из учебника «Русская советская литература» для старшеклассников. Издательство «Просвещение», 1989 год.

Я не собиралась читать этот учебник. Его мне подсунули знакомые, внук которых учится не то в 10-м, не то в 11-м классе. Открыла книгу из вежливости, наобум, наткнулась на эти строки и сказала:

— Боже мой!

— А вы еще почитайте! — усмехнулись мои знакомые и ушли, оставив учебник на моем столе. Я почитала еще. Из главы, посвященной Шолохову, узнала, что автор «Поднятой целины» «не ограничивается социально-экономическим обоснованием целесообразности коллективизации», но и показывает, что «уже первые шаги социалистического обновления жизни были ознаменованы переменами, исполненными глубочайшего гуманизма». Рекомендован сегодняшним старшеклассникам и роман Панферова «Бруски». Сорок лет назад он фигурировал в обязательном чтении для студентов Литинститута, и, значит, я «Бруски» читала, но с той поры почему-то не перечитывала и забыла, о чем там речь. Но думаю, все о том же: об экономической целесообразности и о глубоком гуманизме коллективизации...

САЖУСЬ ЗА ПАРТУ

Тут я обнаружила, что мне оставили целых два учебника: один выпуска минувшего года, другой — 85-го. Нет, я не собиралась, отложив все дела, заниматься этими учебными пособиями. Из любопытства хотела просто полистать. На первой странице издания 85-го года читаю: «Утвержден Министерством просвещения РСФСР в качестве стабильного учебника». Затем: «Издание девятое, доработанное». Выясняется, что этот стабильный учебник издавался в 81-м году, в 83-м — с доработками, в 85-м — с изменениями. А учебник 89-го года — это уже одиннадцатое издание. Значит, между 85-м и 89-м было еще одно переиздание? Было. Издание 1987-го. Итак, стабильный учебник переиздается каждые два года.

В предисловии, обращенном к «дорогим старшеклассникам», читаю, что в произведениях нашей литературы «утверждаются идеалы советских людей, воплощена их духовная жизнь и высокие нравственные качества. В центре внимания литературы стал новый советский человек социалистического общества».

Из учебника 85-го года предисловие переехало в год 89-й. Интересно.

Далеко завело меня любопытство! Хотела просто полистать учебники, а стала их изучать, сев за парту вместе со старшеклассниками. Впечатление сильнейшее! Рекомендую всем, кому небезразлична судьба учащихся, ознакомиться с этими трудами Академии педагогических наук!

РОЖДЕНИЕ ЯСНОЙ ИДЕЙНОЙ СИСТЕМЫ

В учебниках утверждается, что в советской литературе запечатлена «героическая борьба народов нашей страны за социалистическое переустройство общества».

Возразить тут нечего: за переустройство общества боролись активно. Куда это переустройство нас привело — не важно. Важно, что за него боролись.

А вот что мы узнаем о поэтах-пролеткультовцах:

«За тесную связь с жизнью страны, за жизнерадостность, отвечающую настроениям времени, молодым авторам прощались описательность, погрешности языка и стиля».

Но вот жизнерадостные пролеткультовцы со своими погрешностями отодвинуты в сторону. Все пишущие объединены в монолитную организацию: Союз писателей. В 1934 году — первый съезд. Кончился разброд, отныне все будут шагать в ногу, следуя методу социалистического реализма. Этот метод «требует от художника правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии, при этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся людей в духе социализма».

Старшеклассники! Зубрите это определение наизусть. Сорок лет назад мы, студенты Литинститута, зубрили. Ибо своими словами объяснить, чего требует этот метод, никому, помнится, не удавалось, хотя авторы нынешних учебников и утверждают, что «реализм нового типа» сложился «в ясную идейно-художественную систему». Изо всех сил стараясь понять эту ясную систему, мы сорок лет назад рассуждали так. Дореволюционные писатели — критические реалисты — ругали буржуазное общество, правдиво изображая ту жизнь и ее пороки. А советскому писателю, вооруженному передовым учением, следует изображать нашу жизнь в ее революционном развитии, заглядывать вперед, слышать поступь истории, ведущей — куда? К светлому будущему! К коммунизму! И, отражая сегодняшнюю жизнь, писатель должен ловить там и сям ростки нового.

Что-то в этом роде, помнится, мы в свое время и бормотали на экзаменах. Вот уж не думала, что и нынешним старшеклассникам придется...

Эту ясную идейно-художественную систему пытались скомпрометировать «недруги советской литературы за рубежом», утверждая, что соцреализм сковывает свободу творчества. «Нет ничего глупее этой клеветы!» — гневно сказано на страницах современного учебника. И добавлено: «Не случайно об истинной свободе творчества в Стране Советов горячо и взволнованно говорили делегаты I съезда писателей».

Я давно оценила слова «не случайно», поставленные в начале предложения. Это один из наших любимых полемических приемов, избавляющий спорящего от поисков доказательств. «Не случайно» — это намек на недобросовестность противника, кем-то, возможно, подкупленного. Скажешь, прищурившись, «не случайно», и этого довольно, противник разоблачен и повержен. Однако в данном тексте слова «не случайно» мне кажутся вполне уместными. Ведь не к чужим они относятся, а к своим. В самом деле: не случайно делегаты съезда, проходившего под отеческим надзором партии и правительства, взволнованно говорили о свободе творчества для всех, кто вооружится методом соцреализма. Против этого метода могли болтать только за рубежом. А у нас, не случайно, все — за!

Вот Л. Соболев и произнес прославившие его слова:

«Партия и правительство дали советскому писателю решительно все. Они отняли у него только одно — право плохо писать!»

Гром аплодисментов. Все поняли, что отныне писать надо только хорошо! Но не погорячился ли Л. Соболев в своем неслучайном энтузиазме? Погрешности языка и стиля прощались не только жизнерадостным пролеткультовцам за их оптимизм — эти погрешности и после выступления Соболева многим прощались. Да и сегодня прощаются. Взять для примера хотя бы эти два учебника...

СУНДУК С КУЛАЦКИМ ДОБРОМ

Вот глава «Великие перемены в деревне». «Коллективизация индивидуальных крестьянских хозяйств была великим и небывалым в истории делом». Очень верно — дело небывалое! «Новая организация труда, новый быт меняли образ жизни, саму психологию крестьян». И это верно — меняли. Затем в статье, посвященной Шолохову, нам со старшеклассниками сообщают, что автору «Поднятой целины» было «важно осязаемо показать» глубочайший гуманизм этих перемен в деревне. Осязаемый показ таков: «Происходит распределение кулацкого добра... автор останавливает внимание на жене Демки Ушакова, «обмершей над сундуком». «...А как же ей, сердяге, было не обмереть... когда она за всю свою горчайшую жизнь доброго куска ни разу не съела, новой кофтенки на плечах не износила?»

А вот интересно: куда делась владелица сундука? Это не тревожит ни авторов учебника, ни «беспокойное сердце гуманиста Шолохова». Это правильно, что Шолохова не тревожило. В те времена осязаемо показать, что случилось с теми, кто был поименован кулаками, и их семьями, принято не было. Но в последнее время появились произведения, об этом повествующие. Воспоминания Ивана Твардовского, например. А повесть Сергея Антонова «Васька», сегодня широко известная не только читателям, но и телезрителям? Там рассказано о судьбе юной лишенки, кулацкой дочери. Между прочим, не над сундуком ли ее матери обмирала Демкина жена?..

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

«Гуманизм социалистического преобразования жизни проявляется в преодолении патриархальной замкнутости, взаимного недоверия, определявших в прошлом отношения людей хутора»,— читаю в учебнике все о той же «Поднятой целине».

Итак, замкнутость преодолена, все стали доверять друг другу, а в результате что? А вот что: «Идейно-нравственный рост, формирование нового человека привлекали внимание писателей различных национальностей».

Борьба за социалистическое переустройство общества не только в деревне, но и во всей стране формировала нового человека. Это вызвало приток в литературу свежих сил, желавших процесс формирования отразить. В учебнике читаю: «С приходом молодых авторов в литературу множилось число писателей нового типа — активных общественников...» В их числе назван Вс. Вишневский. Жизнерадостный Вишневский (у него и трагедия оптимистична!) и в самом деле был писателем нового типа — не только писал, но и, не жалея сил, занимался общественной деятельностью. О том, какова была эта деятельность, в учебниках ни звука, и напрасно! Старшеклассникам следовало бы знать, сколько сил положил этот общественник на то, чтобы не допускать произведения Булгакова на сцену, ни в печать. Ведь это говорит не только об общественном темпераменте Вишневского, но и о его провидческом даре. Не могла ему быть тогда известна повесть «Собачье сердце», но классовое чутье подсказало Вишневскому, какого «нового человека» изобразит Булгаков, дай ему волю!

Заслуживает внимания учащихся и послевоенная общественная деятельность драматурга. Еще 10 августа 46-го года, то есть за четыре дня до постановления ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград», Вишневский пишет письмо в газету «Культура и жизнь», где обвиняет Зощенко в клевете на жизнь советского народа. Опять это поразительное чутье? В данном случае нет. Есть сведения, что общественнику Вишневскому, занимавшему в Союзе писателей высокие посты, было заранее известно о готовящемся постановлении. Именно ему в том же августе было поручено разъяснить постановление дотошным американским журналистам. Разъяснил. Вновь назвал Зощенко «клеветником и несоветским человеком», а про Ахматову сказал, что нам не нужны поэтессы, «обращающие свои взоры к царским паркам, лебедям и разной архаической чепухе и мистике».

Убедительными ли показались иностранцам слова о лебедях и парках и прочие аргументы Вишневского — не важно. Другое важно. Они, американцы, явились на беседу с настроением вряд ли дружественным. Аплодисментов и чтобы все были «за», как это бывало в родных аудиториях, ожидать не приходилось. А Вишневский не дрогнул, не уклонился, не испугался, вышел и все объяснил. Не каждый писатель даже в те времена был на такое способен!

Ну а затем в начале сентября, на заседании президиума Союза писате-

лей, тот же Вишневский сделал доклад и поставил вопрос о дальнейшем пребывании в писательском Союзе Ахматовой и Зощенко. Вот какую бурную общественную деятельность вел Вс. Вишневский и в предвоенные, и в послевоенные годы. Трудно понять, когда он успевал создавать свою оптимистическую драматургию. Но — успевал. Вот я и считаю, что упоминать в учебнике это имя в ряду других «писателей нового типа — активных общественников», несправедливо. Надо было рассказать о Вс. Вишневском особо и подробно. Ибо на этом примере старшеклассникам можно наглядно показать, что означают в ряде случаев слова «писатели нового типа» и какой общественной деятельностью эти писатели занимались.

РАДОСТНЫЕ ТРИДЦАТЫЕ

Итак, деревня, преодолев свою патриархальную замкнутость, на путь социализма прочно встала, строительство нового общества в нашей отдельно взятой стране успешно продвигается — и читаем в учебнике: «Поэзия 30-х годов пропела гимн человеку нового мира. Именно в 30-е годы родились радостные и гордые слова песни В. Лебедева-Кумача, выразившие мироощущение советских людей: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!»

Хорошо, очень хорошо жили ваши деды и прадеды в тридцатые годы, дорогие старшеклассники! Вольно дышали. Распевали радостные песни. А писатели отражали эту общую радость и общую гордость в своих правдивых произведениях. Их усилия даром не пропали: «...советская литература сформировала и дала жизнь многим непревзойденным образам настоящего человека нашей эпохи». Что же это за непревзойденные образы? Сейчас узнаем. Каждый из этих образов обладает «такими качествами, как преданность социалистической Родине, верность идеалам коммунизма, умение отдавать всего себя людям, обществу, непримиримость по отношению к неправде и злу». Коечто понять тут можно: появление нового человека в обществе привело к появлению положительного героя в литературе, создаваемой по методу соцреализма. Так и есть. Дальше читаем: «Понятие положительного героя в советской литературе связано с представлением о новом, социалистическом человеке, формируемом условиями социалистической действительности, воспитываемом Коммунистической партией».

Своими словами изложить это трудно, на месте старшеклассников я бы снова постаралась запомнить наизусть. Как это: формируемом партией, воспитываемом условиями... Наоборот! Формируемом условиями, а воспитуемом... Нет! Воспитываемом! Но я-то зачем мучаюсь? Мучиться и запоминать придется «дорогим старшеклассникам». Для них это написано.

МАЯКОВСКИЙ ЛИКУЕТ

«В поэме Маяковского «Хорошо!» классически рельефно и полнокровно воплощен важнейший принцип социалистического реализма — правдивое изображение действительности в ее революционном развитии. Маяковский сумел взглянуть на прошлое и настоящее с высоты будущего...» «Отечество славлю, которое есть, но трижды — которое будет!» «Жизнь прекрасна и удивительна»...

«Эти ликующие строки (читаем мы дальше в учебнике) были написаны в ту пору, когда страна еще только готовилась к реализации плана первой пятилетки, когда еще не было у нас ни высокоразвитой промышленности, ни коллективизированного сельского хозяйства...» Промышленность, значит, еще не успели высоко развить, а к конфискации сундуков с кулацким добром только приступали. Чего ж, спрашивается, ликовал Маяковский?

В учебнике нам объясняют, чем было вызвано ликование: «Но острый взгляд поэта, влюбленного в коммунизм, мерявшего коммунистическими идеалами и события сегодняшней жизни... сумел в реальности настоящего открыть черты будущего».

Хотелось бы уточнений. Хотелось бы знать, какое именно будущее предвидел Маяковский? Надвигавшиеся тридцатые годы, когда страна в едином порыве распевала песни на радостные и гордые слова Лебедева-Кумача? Или же острый взгляд поэта сумел проникнуть еще гораздо дальше, заглянул в годы восьмидесятые и возликовал, увидев нашу высокоразвитую промышленность и результаты гуманной коллективизации?

Но на этот вопрос, если он у старшеклассников возникнет, придется отвечать педагогам. Не завидую я тем, кому приходится работать по этим стабильным учебникам. Там много чего написано, а растолковывать эти писания, глядя в глаза старшеклассникам, придется педагогам. На их месте я бы попросила некоторых разъяснений и уточнений у тех, кто над учебниками трудился...

АВТОРА! АВТОРА!

Настал момент, когда на сцену пора пригласить автора. Мучительно хочется выяснить: кто нынче способен такое писать? Выясняем: «В написании глав учебника приняли участие д-р филологических наук В. В. Бузник, академик АН СССР А. С. Бушмин, д-р филологических наук П. С. Выходцев, д-р филологических наук Л. Ф. Ершов, заслуженный деятель науки РСФСР д-р филологических наук В. А. Ковалев...» Остальные, все как один, тоже доктора тех же наук, ограничусь их фамилиями: К. Д. Муратова, Н. А. Грознова, А. И. Павловский, В. В. Тимофеева, А. И. Хватов, В. А. Шошин. А вопросы и задания доверили составить кандидату филологических наук Г. Н. Ионину. Пристегнув к нему в помощь учителя-методиста Т. С. Шурыгину. Это учебник 1985 года.

А кто с благословения высокого начальства писал главы в учебник минувшего, 89-го года? Гляжу — все та же могучая кучка: академик в обрамлении докторов наук. И вопросы с заданиями составлял тот же кандидат Ионин, но на этот раз трудился в одиночестве: методистка Шурыгина куда-то исчезла.

НУЖДАЕТСЯ В ОБЪЯСНЕНИИ

Эти авторы в своих стабильных учебниках упомянули постановления ЦК КПСС от 1946 и 1948 годов «по вопросам литературы и искусства», имевшие «серьезное значение» «для развития литературы послевоенных лет». И все. А вдруг у старшеклассника возникнет вопрос: чем были вызваны эти постановления?

Ответить следовало так. В послевоенные годы писатели стали уклоняться от правдивого изображения действительности в ее революционном развитии. Требовалось их одернуть. В 1946 году их и одернули. Особо серьезной критике были подвергнуты Ахматова и Зощенко: Ахматова ушла в мирок интимных переживаний, а Зощенко так и вообще клеветал. За это они были исключены из рядов советских писателей. В 1948 году Центральному Комитету пришлось одернуть композиторов, объяснив им, и в частности Шостаковичу с Прокофьевым, какой именно музыки ждет от них народ. Но допустим, что постановление 48-го года доктора наук имели право не расшифровывать: там речь идет о музыке, а доктора пишут о литературе. Но вот о Зощенко с Ахматовой, о благотворной роли, какую сыграло вмешательство ЦК в их творчество, сказать следовало.

Листаю учебники. Ничего подходящего касательно Зощенко не нахожу. Зато нашла кое-что об Ахматовой. Сказано, что она и Пастернак «превозмогая камерность, сближались с общественными настроениями...». Как пример успешного преодоления камерности указаны стихи Ахматовой: «Тот город, мной любимый с детства...».

Но ведь эти стихи написаны еще в 1929 году, задолго до постановления! Значит, было время, когда Ахматовой удалось камерность превозмочь и с общественными настроениями слиться. Кстати, интересно знать, каковы были эти общественные настроения в год «великого перелома» и какое отношение имеет к ним упомянутое стихотворение Ахматовой? Этими объяснениями авторы учебников себя не утруждают, предоставляя педагогам выкручиваться самостоятельно. Выкручиваться, видимо, придется так. Было время, когда Ахматова камерность преодолела, но затем вновь в нее погрузилась — иначе зачем бы понадобилось постановление 46-го года? Оно, как известно, имело серьезное значение для развития литературы послевоенных лет. Оно и в самом деле имело! То правдивое изображение действительности, какое требовал ЦК, проявилось в романах Бабаевского и Кочетова, в пьесах Софронова, а также в ряде произведений других писателей послевоенных лет. Ну, а Ахматова что? И она в стороне не осталась, но о ней, к сожалению, упомянуто мимоходом: «На 50-е годы падает расцвет творчества...» Тут перечислен ряд авторов, и Ахматова в их числе.

В чем же этот расцвет выразился? Об этом надо было бы внятно сказать! Но доктора наук опять от разъяснений уходят, предоставляя педагогам... А теперь им как выкручиваться? Известно, что после 46-го года имя Ахматовой десять лет в советской печати не появлялось. Что она делала эти десять лет? Обдумывала, видимо, советы ЦК и, опасаясь вновь впасть в камерность, стихи писать не решалась. Но вот в 1955 году ее имя промелькнуло в сборнике стихов китайского поэта в качестве одного из переводчиков. А в 1956 году она выступает уже как единственный переводчик стихов корейских поэтов. Это и знаменует начало расцвета ее творчества.

Ну, правда, спустя два года Гослит, оценив усилия Ахматовой в перевоспитывании себя, выпустил тоненький сборник, куда вошли не только переводы, но и оригинальные стихи поэта. Пусть только два стихотворения датированы 56-м и 57-м годами, а все остальные написаны гораздо, гораздо раньше — неважно! Важно, что оба стихотворения появились ПОСЛЕ постановления, когда творчество поэта непременно должно было расцвести.

Видимо, именно так придется педагогам разъяснять учащимся вскользь брошенные в учебнике слова о расцвете творчества Ахматовой в пятидесятые годы...

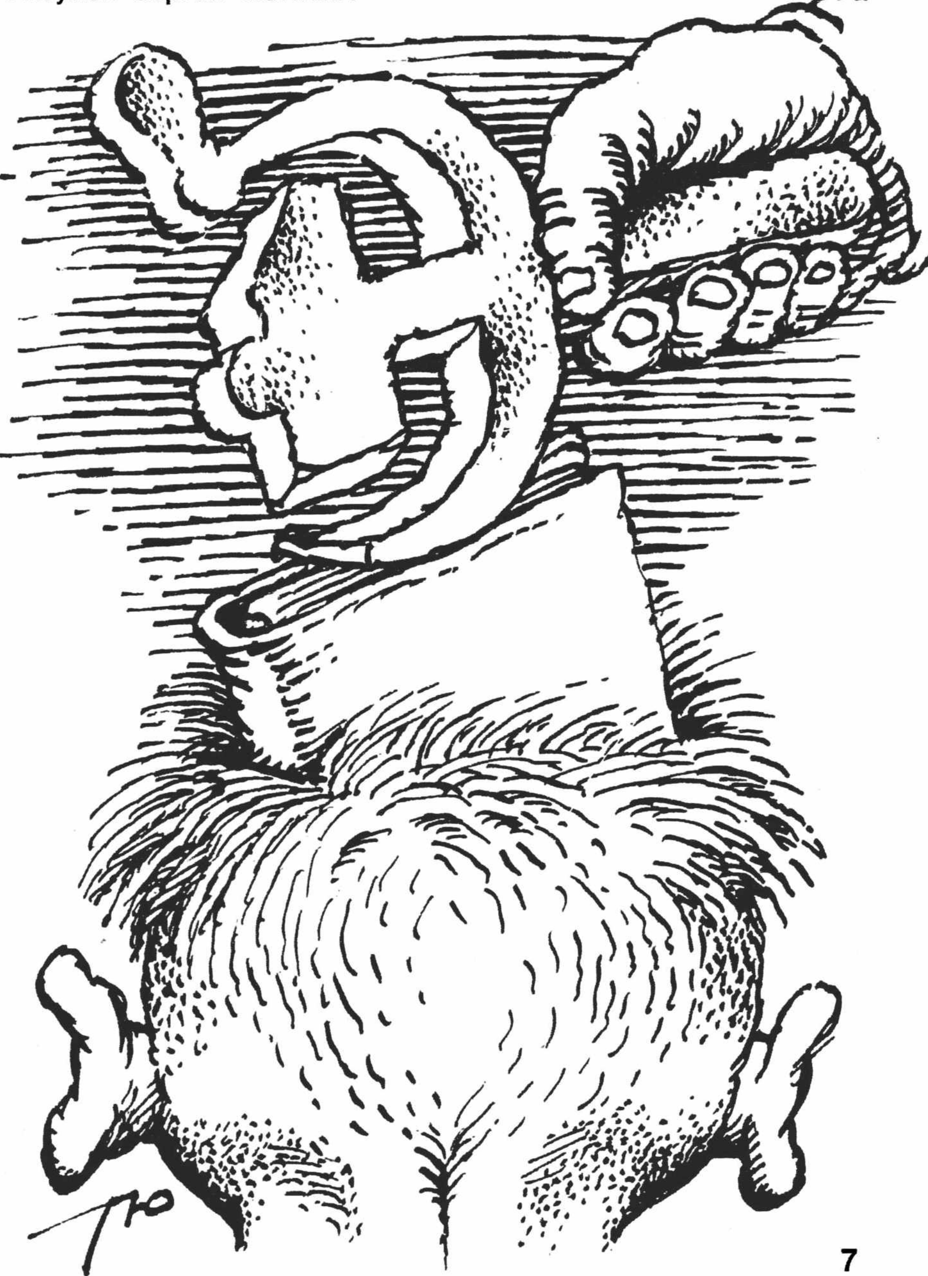
Но я думаю, что они в эти объяснения могут сегодня не погружаться. Им прекрасно известно, что постановление 46-го года отменено. Значит, ничем не рискуя, его можно попросту игнорировать. Но в таком случае зачем о его благотворном влиянии на послевоенную литературу говорится и в последнем переиздании «стабильного учебника» 1989 года? Эту настойчивость надо, я думаю, объяснить тем, что...

«СИЛЕН ТЫ НА ЯЗЫК»,— НЕВОЛЬНО УЛЫБАЯСЬ, СКАЗАЛ ДАВЫДОВ

Но я уже не в силах ничего объяснять!

Озноб. Головокружение. Медный вкус во рту. Ночью мучили кошмары. Заболеваю я, что ли? В Москве, говорят, грипп. Попробую не поддаваться,

Рисунок Сергея ТЮНИНА

уже немного осталось. Дочитаю эти тексты до конца, взялся за гуж... Передо мною строки:

«...интуитивно певец Прекрасной Дамы прозревает драматизм отношений труда и капитала». Так и придется, значит, старшеклассникам отвечать на экзамене: «интуитивно прозрев отношения»? Или так: «Блок интуитивно прозревает...» А ведь что-то похожее я уже читала. Об Ахматовой, которая, помнится, что-то обнажает. Да. Вот оно: «Ахматова... тонко и бесстрашно обнажившая жизнь женского сердца...» Это в учебнике 85-го года. А в последнем переиздании этого нет! Автор статьи догадался наконец, что слова «тонко обнажившая жизнь сердца» звучат престранно? Нет, не догадался. Тонкое обнажение убрано по каким-нибудь идеологическим соображениям. Только ими и руководствуются доктора наук, и никакие странности слога удержать их не могут. Эти странности встречаются на каждой странице!

Вот мы узнаем, что «рассказы В. Кожевникова более психологизированы, чем новеллы Л. Соболева».

Или: «...особенность прозы 60—70-х гг. ...ее устремленность к эпопейности».

(Тут мне вместе со старшеклассниками назовут ряд авторов: А. Иванов, П. Проскурин, Г. Марков — и мы поймем, что «устремленностью к эпопейности» названа открывшаяся для некоторых прозаиков возможность создавать многотомные произведения, издавая их миллионными тиражами.)

О героине «Иркутской истории» сказано так: «Валя... испытывается в ситуациях потери и обретения нравственного идеала...»

Читаю еще: «...даже сквозь прихмуренность нагульновских сентенций и укоров, обращенных к Щукарю, вот-вот готова прорваться улыбка...»

Это кто же из докторов филологических наук докатился до «прихмуренности сентенций», сквозь которую что-то еще прорывается? Неважно. Выражаясь их языком, все они испытаны в разных ситуациях, и — я убедилась — одного не отличишь от другого. А ведь все они филологи, что в переводе означает «любящие словесность».

Озноб усилился. Нет, не грипп у меня. Третью неделю я сижу над этими учебниками, вникая в тексты докторов наук, работа адская, работа вредная, видимо, мне она уже не по силам. Зачем я ввязалась? Жила бы и жила, не зная, в какие ситуации ставят сегодня педагогов и какие операции проделывают над учащимися. А главное-то, никакой пользы от моих усилий не предвидится!

О чем предупреждали друзья, крича в телефонную трубку: «Вы что, с ума сошли? Что вы делаете? Зачем? Неужели надеетесь на что-то повлиять? Смешно! Да ведь еще в 1936 году Чуковский в статье «Литература и школа»... А что с тех пор изменилось? Да и в наше время то в одной газете, то в другой негодуют по поводу преподавания литературы в школе, и что? И результатов никаких!

Я ХОЧУ НЕМНОГО ОТДОХНУТЬ

Мне показалось, что текст Чуковского, его русский язык даст мне желанную передышку. Кроме того, интересно вспомнить, в чем более полувека назад упрекал Корней Иванович тогдашнее Министерство просвещения, именуемое Наркомпрос, и авторов тех учебников...

«...Наши учебники все еще страдают стихофобией, дурно скрываемой враждой к поэзии, и никакого стихового воспитания даже не пытаются дать нашим школьникам».

Не пытаются и сегодня. Автор статьи, утверждающий, что расцвет творчества Ахматовой падает на 50-е годы,— читал ли ее стихи? Думаю, не читал. Не о поэзии была его забота...

«А наши фребели * стыдятся эстетики, словно все еще сомневаются, нужна ли она детям пролетариев. Развитие эстетического вкуса детей — об этом наркомпросовские программы ни слова».

И в сегодняшних программах, я уверена, ни слова. Ибо в учебнике 85-го года читаю: «Наш стратегический ориентир — «формирование всесторонне развитой личности», вооруженной «четким мировоззрением, умением трудиться, твердыми моральными принципами».

Полвека прошло, но ориентир, значит, не изменился: учащихся по-прежнему стремятся вооружить четким мировоззрением, не заботясь о воспитании их эстетического вкуса.

«...Равнодушные люди (пишет Чуковский) тускло и черство «прорабатывают» гениальных художников слова».

И сегодня все, как встарь. Тех равнодушных, которые тускло и черство.., давно нет в живых, на их место пришли другие и успешно продолжают их дело, воспитывая в учащихся глубокое отвращение к литературе.

Спокойно, спокойно... Почитаю еще Чуковского. Вот он был очень обрадован тем, что урок литературы в одной московской школе был посвящен Валерию Брюсову. «Но радость моя скоро потухла, потому что учитель говорил о Валерии Брюсове не как об одном из замечательных русских поэтов, а так, как говорят о конокраде... Брюсов нисколько не интересовал педагога, его интересовал символизм — и Брюсов был нужен ему с единственной целью: чтобы продемонстрировать перед учащимися, какая это постыдная дрянь».

А тут кое-что изменилось. Авторы нынешних учебников хотя и называют символизм течением декадентским, идеалистическим, а также мистическим, однако относятся к нему более снисходительно. И даже пытаются объяснить учащимся, как это слово понимать: «Например, в творчестве Горького можно найти конкретные образы птиц. Но Сокол в «Песне о Соколе» — это уже образ-символ...» От слов «конкретные образы птиц...», чувствую, опять знобит. А ведь пора было привыкнуть к слогу докторов наук! Да. Но почему снисходительность? А потому, что символизмом грешил Блок, а к нему сегодня принято относиться хорошо. Видимо, наверху посовещались и за поэму «Двенадцать» решили простить Блоку ошибки молодости...

«Мировоззрение монолитное, стройное и в достаточной степени гнусное».

Мне внезапно показалось, что эти слова, вырвавшиеся у Чуковского в минуту отчаяния, можно отнести к авторам современных учебников. Но я прошу прощения. Это не так. В их монолитном мировоззрении не хватает стройности! И дело вовсе не в том, что в учебнике 1985 года излагается точка зрения К. У. Черненко, высказавшегося по вопросам образования и культуры, а в учебнике 1989 года школьников знакомят с выступлением М. С. Горбачева. Такого рода замены цитат как раз и свидетельствуют о стройности мировоззрения. Отсутствие последовательности я вижу в другом.

Если и от сегодняшних старшеклассников требуют говорить о благотворном влиянии метода социалистического реализма, научившего писателей правдиво изображать действительность, усматривая в ней ростки нового, то почему же одни последователи этого метода названы, а другие нет? В. Кожевников и В. Кочетов, к примеру, названы, а С. Бабаевский, В. Ажаев и М. Бубеннов не названы! А ведь их романы «Кавалер Золотой Звезды», «Далеко от Москвы», «Белая береза» прочно вошли в нашу литературу, награждались премиями, переиздавались чуть ли не ежеминутно, фигурировали в обязательном чтении учащихся... А где Софронов — один из ярчайших представителей драматургии послевоенного времени? Его имя один раз промелькнуло в учебнике 1985 года, а в учебном пособии 89-го я этого имени не обнаружила!

Вот я и считаю, что отсутствие в учебниках имен вышеназванных писателей нарушает стройность мировоззрения авторов. Трудам докторов филологических наук не хватает последовательности!

ВСЕ ОТТЕНКИ СМЫСЛА...

Не пора ли посмотреть, что это за листки, вложенные в учебник 1989 года? Я их давно видела, но, увлекшись чтением учебных пособий, отложила в сторону, не вникла. Поглядим.

Столбиком написаны фамилии писателей, против каждой — цифра. В чем дело? Звоню знакомым, подсунувшим мне эти книги, знакомым, чей внук учится сегодня в старшем классе.

Оказалось: полистав учебники и поразившись картиной русской советской литературы, перед ними открывшейся, дедушка и бабушка решили заняться подсчетами. Оба пенсионеры, время на эту кропотливую работу нашлось, дедушка занялся прозаиками, бабушка — поэтами. Хотели выяснить, каких деятелей литературы сегодня рекомендуют учащимся считать лучшими, каких — средними, а каких вообще во внимание не принимать.

Люди они простые, советские, дожив до старости, компьютера в глаза не видели, дедушка примитивно щелкал на счетах, бабушка еще более примитивно ставила палочки против каждого упомянутого в учебнике имени, и за абсолютную точность этих домашних подсчетов я поручиться не могу. Однако, думается, старики трудились недаром. И еще кое-что прояснилось...

Судя по частоте упоминаний на страницах учебника 1989 года имени Горького (274 раза) и Шолохова (117 раз), их проза — это лучшее из всего созданного русской советской литературой. Следом за ними: Н. Островский (107 раз) и А. Фадеев (106). На этом дедушка не остановился, подсчеты продолжил, но идут цифры двузначные и однозначные. Их я приводить не буду, список длинен. Замечу лишь, что Булгаков с Платоновым упомянуты в учебнике мимоходом, по одному разу каждый, а значит, серьезного вклада в нашу литературу их проза не внесла.

Бабушка работала на кухне за обеденным столом, дедушка — в комнате, за письменным. Заходили друг к другу, обменивались взволнованными репликами. Дедушка:

— Если наткнешься на Пильняка, Замятина и Каверина, сообщи немедленно! Нигде этих имен не найду, черт побери!

Бабушка:

— А у меня, вообрази, пропала Цветаева. Нет ее среди русских поэтов, и все тут!

Свою работу двое тружеников довели до конца. Листки передо мной. Я глядела на них, не веря своим глазам. Судите сами. В нашей литературе имеются такие прозаики, как Ю. Бондарев (упомянут 15 раз), М. Шагинян (13), А. Макаренко (9), В. Кожевников (9), а Ю. Казакова, С. Антонова, В. Гроссмана, И. Бабеля в нашей литературе не было. Эти имена — и не только эти — в учебниках не упомянуты. Среди поэтов Д. Бедный присутствует (упомянут 23 раза), а Мандельштам отсутствует. Лебедев-Кумач (5 раз) есть, а Клюева нет. И Цветаеву бабушка так и не разыскала! Е. Исаев и С. Викулов в современных поэтах числятся, а Тарковский и Самойлов не числятся. Я могла бы список продолжить, но к чему? И этого достаточно. "Все оттенки смысла умное число передает",— сказано Гумилевым, имени которого в учебнике мы, разумеется, не отыщем. Не было у нас такого поэта.

НЕУТИХАЮЩАЯ ТРЕВОГА

Тираж учебника «Русская советская литература» 1985 года — два миллиона экземпляров. Учебник выпуска 1989 года печатался почему-то в Лейпциге, тираж не назван. Названы авторы, а они остались прежними.

Чем же прельстила эта дружная группа Министерство просвещения? Твердостью своих позиций, я думаю. Стратегическим ориентиром. Стремлением вооружать учащихся «четким мировоззрением».

Не за горами 1991 год — новое переиздание учебника. Неужели все та же группа будет вооружать учащихся все тем же мировоззрением?

«...Вся моя тревога оттого, что эти... бездарные взрослые воспитывают вкусы детей»,— еще в 1936 году писал Чуковский и утверждал, что преподавание литературы в школе «нуждается в коренной перестройке».

Дрогнул ли Наркомпрос? Не дрогнул. Шли годы. И сколько же возмущенных статей о преподавании литературы появилось в нашей печати за последнее время! И что? А ничего. Сохраняя полное спокойствие, Министерство просвещения продолжало выпускать свои стабильные учебники. Они свое дело делали. Литература в России всегда была делом серьезным, толкала к размышлениям, будила мысль. А поскольку мысли могут привести к инакомыслию, то учащихся следовало до мыслей не допускать, и стабильные учебники хорошо эту задачу выполняли. Ученик барабанил на экзамене: «...новый человек, воспитываемый партией, формируемый условиями...», «для прозы 70-х годов характерна устремленность к эпопейности...». Отбарабанив, получал «пятерку» и, довольный, шел в кино.

В течение десятилетий истинные литературные ценности были под запретом. Лишь в конце 60-х годов, после долгих колебаний, стали издавать Булгакова — с купюрами. Но в те же годы докладчика, решившегося поведать аудитории о писателе Платонове, исключили из партии. А уж какие кары грозили тем, кто попадался на чтении привезенного из-за границы «Архипелага ГУЛАГ», и вспоминать не будем.

На этой подмене подлинных ценностей и существовали стабильные учебники литературы. А сейчас как быть? Все, ранее запрещенное, хлынуло со страниц журналов, выходят книги ранее не упоминаемых авторов, затрагиваются ранее запрещенные темы.

А школьники и сегодня вынуждены учиться по стабильным учебникам. Им и сегодня, значит, твердят о целесообразности и гуманизме коллективизации, о нашей высокоразвитой промышленности и прочих успехах, приблизивших нас к светлому будущему. Но все изменилось, все переворотилось, и получается, что дружная группа авторов со своими ориентирами очутилась на необитаемом острове, куда не доносится шум жизни...

Где выход? Здравый смысл требует не переизданий, а совершенно нового учебника. Однако кто напишет его? Ясно, что авторы «стабильного» с таким заданием не справятся. Эти филологи, я полагаю, люди уже немолодые, и трудно им будет на склоне лет заняться предметом, доселе им неведомым, а именно: словесностью, литературой. Ведь чему они посвятили свою жизнь? Идеологии. Ей исключительно. За это-то их и ценили.

Значит, искать других авторов для другого учебника? Дело хлопотное, суетливое, а в Академии педагогических наук суетиться, думаю, не привыкли. Да и время поджимает. Учебник должен появиться в 1991 году, и готовят его уже сегодня — все мы знаем, как неповоротливы наши издательства! Когда же искать новых авторов? Не проще ли держаться за прежних, проверенных, и делать вид, что ничего не происходит.

На душе тревожно. Я тут пишу, а учебник с легкими изменениями (кое-кого, вероятно, все-таки вычеркнут), со статьями тех же авторов к печати готовится, а быть может, уже готов. И наборщики какой-то типографии вот-вот приступят к делу...

*** Фребель — немецкий педагог, теоретик дошкольного воспитания.**

ОГОНЁК

ГДЕ НАЙДУТСЯ СТЕНЫ ДЛЯ КАРТИН?..

ИНКВИЗИЦИЯ, 1966.

В 1970 году, незадолго до смерти, пятидесятивосьмилетний Петр Валюс обрел наконец временные неспокойные стены для своих полотен. Скудные, подвальные стены в недрах московской земли, они достались ему по случайности: жить здесь людям стало невмоготу. Стены, отремонтированные руками сына Валюса, Валерия, и его друзей; стены — счастье, хотя больному, обреченному художнику только однажды удалось спуститься по крутым ступеням в свою мастерскую, вступить в спасительную для творца толпу зрителей, заполнивших обе «выставочные» комнаты и коридор между ними. Его скоро отвезли домой, в пятиэтажку, в две комнатенки, где толком и отступить-то от полотна было некуда...

До этого были скупые дары судьбы: трехдневная выставка 1968 года в Институте А. Н. Несмеянова, и в том же году — десятидневная при Институте имени И. В. Курчатова. В черной летописи преследований независимых художников, длившихся десятилетиями, жизненно важны были эти спасительные островки понимания и солидарности интеллигентов — «физиков», технарей, стоявших на земле куда более прочно, чем одиночки-художники, гонимые и начальством, и официальной искусствоведческой — я бы назвал ее «кеменовской» — мыслью, и руководством творческого Союза.

Обе выставки — партизанские, в атмосфере страха, что экспозицию сорвет со стен первый же грозный телефонный звонок. Но памятно и другое: наше ошеломление, когда десятки работ, прежде увиденных порознь, почти впритык и без нужного света, когда они вдруг взлетели на просторные стены, предстали как атомы единого, цельного художественного мира.

На выставке, открывавшейся в де-

кабре 1970 года в подвальных «залах» жилого дома по переулку Н. Островского, медлительной чередой демонстрировались на пюпитре и десятки темпер Валюса. Здесь впервые можно было постичь масштабы его дарования. Что-то мешает мне назвать его темперы — листы с изображением цветов — натюрмортами: традиционное определение жанра оказывается не в ладах с этими живописными листами, драматическими, музыкальными, то яростными, то нежными. Можно десятки и сотни раз переставлять их на пюпитре — и не наступит пресыщения, и не будет полной разгадки тайны этих листов.

Я бы назвал атмосферу той выставки предгрозовой. Бросовое помещение, спрятанное где-то в переулочных «кулисах» старой Москвы, отдали под мастерскую неизвестному художнику — и гора с плеч! Пусть себе пишет и принимает там редких своих друзей... А их оказалось — тысячи. Бросовый подвал стал местом паломничества. В зимние дни 1971 года до двухсот человек в день спускалось по выщербленным каменным ступеням, а это огромно много: люди, оповещенные не печатью, не радио, а доброй молвой, задерживались у картин Валюса подолгу, здесь не было такой привычной нашему времени выставочной, музейной рысцы.

Художник дал свое прочтение многих вечных тем своего века. Его «Суздаль. Тишина» — чистый образ святости и покоя, исполненного печали и сосредоточенности. Его «Десятый круг» — захватывающая метафора грозных социальных катаклизмов, с хоронящимися в глубинах самой материи образами Данте и Эйнштейна. Его «Распятие» («Поверженный») перевернуто — в повисшей, словно летящей вниз головой фигуре — высшая степень страдания и самопожертвования. Его «Инквизиция» — зловещее соединение и отталкивание кроваво-красного, зеленого и синего цветов, угрюмая глухость исполинских каменно-тяжелых фигур — они вот-вот сомкнутся, раздавив и стрельчатый проем, и белую, смиренно-жертвенную фигуру (картина была написана в год, когда шел процесс над Синявским и Даниэлем).

Паломничество зрителей в подвальную мастерскую Петра Валюса насторожило лиц, ведавших культурой и не только ею. Последовало предостережение: укоротить выставку, ограничиться одним днем в неделю, помнить, что рядом целых три западных посольства, что жителям дома не по душе суета, от них уже поступили жалобы.

А к Валюсу заботами близких оттуда, из подвала, шли только токи понимания и благодарности, а следом — и письма, когда у Петра Адамовича уже недоставало сил на телефонный разговор. Но вот чудо жизни и чудо искусства: уже и телефонная трубка не по руке, но та же рука часами неутомимо работает кистью! Меньше чем за два месяца Валюс создает девять больших живописных полотен: он, как всегда, работает быстро, яростно — и среди них такие значительные, как «Потеря» или «О тех, кто остается».

Как же случилось, что сильный, добрый и нежный талант оставался в тени при жизни и сегодня еще не получил достойного признания? Всевластным «академистам», творцам иллюстративных, услужающих полотен были чужды артистизм Валюса, его колористические волхвования, мир его блистательных метафор, а для шумного, прежде гонимого авангарда Валюс слишком кроток и гармоничен. Но, пожалуй, никто так не помешал прижизненной известности художника Валюса, как он сам, его немерная личность, полное, обескураживающее отсутствие практичности, его гипертрофированная скромность.

Петр Валюс не примкнул, не примыкает и теперь — судьбой, смыслом и секретами своих полотен — ни к одному из течений, признанных, модных или гонимых. Для него не было надежной стены, чтобы привалиться к ней не то что спиной, но опереться плечом, ощутить поддержку сложившегося круга художников.

История жизни Петра Адамовича любовно и с тонким знанием живописи, искусства рассказана в романе его жены Анны Вальцевой «Счастливый человек». Вопреки всем испытаниям и так рано остановленной жизни Валюса название романа точно: Петр Валюс был счастлив самим творчеством и гнал от себя все, что покушалось вторгнуться между ним и живописью. Инженер-конструктор, родившийся в Москве в 1912 году и только к 35 годам сумевший целиком отдаться работе художника, он за четверть века успел осуществиться, а ведь многим на это не хватает и мафусаилова века!

Выставки работ Валюса непозволительно редки. Но когда они случаются, как это было в мае 1985 года в Центральном Доме литераторов в Москве или в феврале 1988 года в Казани, интерес к ним велик.

Часть картин П. Валюса с 1977 года находится в Мюнхене. Их вывез сын художника, Валерий Петрович, отчаявшись оттого, что на Родине для картин отца не находится стен. И западная критика справедливо писала, что эти картины — «концентрированное свидетельство современной России и часть общечеловеческого искусства». Однако судьба их и там драматична: Валерий Валюс, по собственному признанию, «не имеет морального права распродавать коллекцию по частным собраниям», а коммерческие галереи, как правило, заинтересованы в выставках при условии распродажи работ.

Неужели так и не найдутся у нас стены для неприкаянных скитальцев-картин?..

Александр БОРЩАГОВСКИЙ

ХУДОЖНИК,
1969—1971.

ПОТЕРЯ, 1971.

ПОВЕРЖЕННЫЙ, 1967.

ОГОНЁК

РАМПА

Вячеслав ШМЫРОВ

ЧЕЛОВЕК-ТЕАТР

Переезд Олега Борисова из Ленинграда в Москву несколько лет назад наша пресса трактовала патетически: триумфатор перемещается из второй столицы в столицу первую. Вполне возможно, впрочем, что Борисову была уготована судьба других «беглецов» ЛБДТ, которые находили приют в лучших московских театрах, но, растворяясь в них, в лучшем случае противопоставляли своему легендарному прошлому всего лишь высокопрофессиональное настоящее.

Олег Борисов, отдавший черновой, с вводами и проходными ролями, работе театра добрую половину своей актерской судьбы, не стал ни врастать, ни растворяться.

Первой московской премьерой Борисова стал поставленный еще в Ленинграде Л. Додиным моноспектакль по Достоевскому «Кроткая». Угловатая борисовская пластика и бесцветно-взрывная его интонация делали сценический «вымысел» настолько реальным, что даже здесь же присутствующая живая актриса воспринималась не более чем тень.

Отнюдь не камерный спектакль «Павел I» на сцене ЦАТСА с участием не менее известных, чем Борисов, актеров — тоже в конечном счете его моноспектакль. Его Павел — единственный живой человек среди холодных манекенов, пускай и не чуждых прогрессистским идеям, под флагом которых, собственно, и совершается умерщвление императора. Борисов играет Павла «от противного», то и дело воспроизводя парадную гатчинскую статую императора работы Витали. Все человеческое в нем, как и в скованных страхом окружающих, спрятано до поры под прусский мундир с искусственной косичкой. Но в том, с какой грациозностью на плацу отбрасывается шпага, с какой кокетливостью во время марша ступают кривенькие ножки, с какой капризной уверенностью вразмах летят руки — во всем поведении Павла легко

усмотреть налет самоироничной рисовки, пугающей свиту больше, чем эксцентричные выходки деспота.

Пьеса откровенно бенефисна, актер в ней вовсю премьерствует. И сочувствие зрителей эпохи плюрализма и гласности отдано трагическому проказнику — первому лицу государства, взявшему на себя роль очистителя Европы от «якобинской сволочи».

Сегодня, зная работы актера в театре и в кино — особенно в картинах А. Миндадзе и В. Абдрашитова,— трудно бывает соотнести нынешний опыт актера с вереницей ролей, сыгранных им пятнадцать, двадцать, тридцать лет назад. Да он ли это?

Молодой человек, подтянутый и приятный, у которого на экране, кажется, только одна функция — светить всегда, светить везде, высвечивая отдельные недостатки своей лирической улыбкой,— это Борисов в полузабытом рязановском фильме «Дайте жалобную книгу». Откровенно водевильный шалопай, с «галантерейным» достоинством флиртующий направо и налево,— и это Борисов из шлягера 61-го года «За двумя зайцами». Рубаха-парень с простоватыми манерами, удалой и задиристый, но свой в доску. Опять Борисов — «Мятежная застава». А может, «На войне как на войне»...

Многоликий актер? Бесспорно. Но весь фокус в том, что, органично существуя в разных кинематографических амплуа, одновременно (что само по себе уникально) Борисов в 60-е — начале 70-х не был затребован экраном в каком-то главном, наиболее определившемся своем качестве, как его сверстники Ульянов или Смоктуновский.

Можно, конечно, в связи с этим написать про великое актерское терпение и умение работать, а также вспомнить про то, что не бывает маленьких ролей, а бывают маленькие актеры. Но в том, что восхождение Олега Борисова к главным своим ролям шло нестерпимо медленно, безусловно, была своя закономерность. И причудливым образом она выразилась, например, в том, что феномен нового Борисова состоялся на переломе времен, когда экран и сцена, задавленные необходимостью говорить экивоками вчера и ошалевшие от немыслимых свобод сегодня, растерялись. «Желаемое» не совпало с «действительным». Борисова этот процесс не коснулся. Кто же они, его герои?

Еще недавно сорокалетние мальчики играли на сцене и на экране в утиную охоту и полеты во сне и наяву. Герои безгеройного времени, они имели богатую экранную и сценическую родословную, и чем дальше, тем больше сладкая безысходность их положения становилась уютной привычкой: а зачем что-то делать, если лучшим мечтам все равно не сбыться? Дружные компании пели про то, что жизнь прекрасна и напрасна одновременно. А реальная жизнь шла дальше, задвигая в дальний угол духовную элиту минувшего десятилетия и освобождая жизненное пространство для тех, кто понимал, почему в обстановке тотального прекраснодушия и кругового ничегонеделания сходят с рельсов поезда и гибнут люди.

Вот он, его заветный час! И — пошел, пошел по вмиг оцепеневшему городу следователь Ермаков, намагниченный собственным отчаянием, а вместе с ним — и другие герои Олега Борисова. Не питающие иллюзий, в своей заземленности они не освобождены от трагических противоречий, а еще больше погружены в них, потому что знать о зле и не соучаствовать в нем — это одно, а знать и соучаствовать, принимая зло как единственный и неизбежный порядок вещей,— совсем другое.

Конечно, до сознательного служения делу борисовскому Ермакову далеко. В споре с журналистом Малининым, принимающим конформистскую мораль города, он всего лишь полон решимости навести драконовскими методами порядок. И ему дела нет, что в порочном круге насилия выхода быть не может. Но перспектива героя ясна, как ясна и его родословная. Ведь это только на первый взгляд не важно, что не было у Ермакова в отличие от Малинина бурной университетской юности в далеком столичном городе, а были учеба и работа, работа и учеба, и запоздалые повышения по службе, и монотонная повседневность, когда все сам, все сам... И вот парадокс. Малинин, защищая город, воспринимает его с брезгливым отчуждением. Ермаков же, с холодной заинтересованностью разоблачая беззакония, не спешит с признанием, что он здесь родился.

Романтическая формула «человека со стороны», не обремененного земными связями и безболезненно примиряющего тем самым явь и мечту, в новом десятилетии уже не пользовалась доверием. Просвещенные идеалисты-реформаторы давно убедились в тщетности своих усилий переделать мир. Тутто и явился человек из подполья — не со стороны, а из самого что ни на есть «изнутри». Он твердо знает, что в малости своей люди недолго будут тешиться несбыточными утопиями и вскоре примирятся с тем ходом вещей, который наиболее привычен. Сон разума порождает Гудимонова — героя Олега Борисова из фильма «Слуга», в котором вчерашние оппоненты — Ермаков и Малинин словно сошлись в наконец обретенном согласии. Что делить, если только презрения заслуживает город, холуйски терпящий гнусного и циничного хозяина?

Да, Гудимонов — фантом. Он является к своему бывшему шоферу, заключившему когда-то сделку с дьяволом, то в облике лощеного номенклатурщика, то битого жизнью старичка, готового теперь, на пенсии, с благодушнейшим видом предаваться воспоминаниям. Но в том напряжении, которое всегда сохраняет взгляд, лишнее свидетельство бесконечной игры даже с самыми приближенными, едва ли не с собой. Он улыбается, герой Борисова,— да так, что диву даешься: и как такие открытость и чистосердечие еще не перевелись на белом свете, но опять же только для того, чтобы, расположив к себе жертву, заглотнуть ее махом. «Человек человеку — волк» — констатацией этого всеобщего «закона Гудимонова» и начинается фильм Миндадзе и Абдрашитова, когда на лесной опушке нечаянно нос к носу с настоящим зверем сталкивается вмиг оскалившийся герой. А как же? Нарушить закон — и мир пойдет прахом.

Пьеса Мережковского при всех возможных аналогиях Гудимонова и Павла I еще сохраняет какие-то иллюзии. Император служит идее режима не менее ревностно, чем высокопоставленный аппаратчик из фильма «Слуга». Но Павел еще и трепетен в понимании своего долга! Он явлен в спектакле ЦАТСА Дон Кихотом деспотии, вынужденным прятать от окружающих свое отношение к собственной миссии под покровами солдафонства и беспрерывного куража. И в этом главном диалоге с самим собой борисовский Павел обречен. Вон он стоит босой, в ночной рубахе, плечи опущены, взгляд устремлен прямо в зал. Придут убивать, а он уже ждет...

Не думаю, что герои Борисова возникли в ответ на страстные ожидания зрителей, искавших в застое забвение. Скорее вопреки им — как строгий, но точный диагноз, как грозное напоминание того, что сон разума рождает чудовищ. Они, эти герои, сегодня в «перестроечной» эйфории оппонируют нам, делая полем общественных страстей поле русской истории и русской классики.

Любопытно, что на рубеже 70—80-х Достоевский, став главным нашим собеседником, именно в Олеге Борисове нашел последовательного и точного интерпретатора. В способности его героев к внутреннему оппонированию. В потребности актера задаваться, говоря словами Достоевского, «последними вопросами».

■

ЦК КПСС в своем Открытом письме коммунистам страны обвиняет «Демократическую платформу» в псевдорадикализме. Приставка «псевдо» должна, наверное, означать претензии самого ЦК на «подлинную» радикальность, да и попугать малосведущих коммунистов, внушить им мысль, что «ДП» — это нечто страшное. А между тем ничего страшного там нет. Мало того, если бы она не появилась в 20-х числах января, навряд ли бы ЦК решился на «радикализацию» своей собственной платформы и наверняка оставил бы ее такой же охранительной и бесплодной, что и печальной памяти перечеркнутая последующими событиями платформа ЦК по национальному вопросу.

ЦК приглашает нас «вносить предложения, вплоть до альтернативных проектов». Но кто будет решать их судьбу? Тот же ЦК, его аппарат? Как он это делает, нам уже известно. Достаточно вспомнить судьбы действительно радикальных проектов (в том числе составленный в Московской высшей партийной школе) осенью прошлого года. След их пропал в коридорах на Старой площади. И не ждет ли та же участь и все другие «альтернативные проекты»?

ЦК ставит в упрек «ДП», что там нет попытки «внести конструктивный вклад в разработку стратегии и тактики партии». Чего нет, того нет: в ней речь идет только об уставе, внутрипартийных порядках, о том, как сделать нас, рядовых коммунистов, хозяевами в нашей партии, чего, кстати, не найти с лупой в Платформе ЦК. Но нет в последней ничего похожего на четкую стратегию и тактику. Да, курс на демократизацию вроде бы под давлением низов провозглашен, признан на последних двух Пленумах. Но все последующие шаги, особенно те, что направлены против «ДП», свидетельствуют, что признание это вырвано у консервативной части ЦК против ее воли.

ЦК зовет «разобраться», как быть с теми, кто имеет свое собственное мнение о том, какой должна быть партия, что нужно сделать, чтобы реанимировать ее, придать ей новый облик.

Ставится вопрос: «Могут ли такие лица оставаться в рядах КПСС?» Интересно, а с кем тогда сторонники директивных методов останутся в партии? Конечно, им так легче рулить, легче готовить съезд с послушноуправляемым большинством. Да вот только удастся ли им ныне это, вот в чем вопрос, вот что волнует авторов Открытого письма. Их волнует судьба партии... Какой партии? Той, что была становым хребтом административно-командной системы, или той, какой ее хотели бы видеть болеющие за ее будущее и не без основания полагающие, что поезд в это будущее уйдет без нее?

Да, вопрос о размежевании в партии поставлен логикой политического развития. Но его должен решать съезд. А ЦК требует, настаивает, чтобы это было сделано сейчас, до съезда, до выборов делегатов на съезд. Так кто же зовет к расколу: некоторые деятели «ДП» или консервативные силы ЦК?

Призывая к «размежеванию», ЦК пишет, что некоторые «последовательные демократы» прямо «ополчились на Ленина». Каждый, кто внимательно читал работу «Что делать?», помнит, что Владимир Ильич призывал размежеваться с «экономистами», чтобы иметь возможность выступить перед комитетами РСДРП с альтернативной платформой, надеясь не без оснований, что в таком случае комитеты будут выбирать на съезд сознательно между одними и другими и что в таком случае левое крыло получит шанс завоевать там большинство. Не этого ли шанса «ДП» боятся авторы письма? Не стремятся ли они отсечь ее сторонников от выборов на съезд, лишить коммунистов какой-либо реальной альтернативы и таким образом гарантировать себе сравнительно спокойный съезд? Но, повторяю, пройдет ли это сегодня?

Ю. АКСЮТИН,
доцент Московской высшей партийной школы

■

Мой муж, Михаил Цветков, скрипач, альтист, композитор и аранжировщик. К сожалению, скрипач и альтист он в прошлом, так как играть на этих инструментах не может — он тяжело болен. Окончательный диагноз был поставлен летом прошлого года — рассеянный склероз. Как говорит наша официальная медицина, болезнь эта не лечится не только в нашей стране, но и нигде в мире. Михаилу только 34 года, и я не могу примириться с тем, что он погибает на моих глазах. Осенью ему дали первую группу инвалидности.

Я обратилась в Международный Красный Крест (отделения в Швейцарии и в Израиле). Из Швейцарии нам сообщили адрес и телефон клиники, которая может помочь. В другом письме нам написал доктор, что в тяжелой форме и у них болезнь не излечивается, но врачи могут приостановить прогрессирующее течение болезни. Меня спросили: имеем ли мы возможность приехать в Швейцарию?

В Израиле наши документы показали в институте имени Вейцмана. Ответ был такой: да, они занимаются лечением, недавно синтезирован препарат, который дает обнадеживающие результаты.

Что я могу ответить? Если даже зав. отделением, где лежал мой муж, считает: «А что же, наше государство обязано вас там лечить?» (Речь шла о финансовой стороне дела.) Вот и получается, что на Родине нас лечить не могут, если же эмигрировать в Израиль, то мужа будут лечить бесплатно и, возможно, вылечат. Но мы не хотим уезжать. Мы не выпрашиваем милосердия как милостыню: у Миши много «своей» музыки (симфония, опера, музыка к спектаклям и т. д.). Он еще работоспособен и может делать аранжировки для различных составов. Я — пианистка и аккомпаниатор — могла бы частично компенсировать затраты на лечение мужа.

В конце марта программа «Телекурьер», рассказав о нашей беде, просила помочь «талантливому ленинградскому композитору Михаилу Цветкову». Нам звонили многие, сочувствовали, давали советы — спасибо от души. Но никто, ни один из тех, к кому обращались ведущие (Министерство культуры, Союз композиторов, хотя муж и не член этого Союза, ни одна из организаций, имеющих валюту), не откликнулись.

У «Огонька» большой международный авторитет, его читают во всем мире. Последняя надежда — на ваших читателей.

Наш адрес: 192212, Ленинград, ул. Будапештская, д. 23, корпус 1, кв. 43.

Е. ЦВЕТКОВА

ШПИОН, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ С ХОЛОДА

Джон Ле КАРРЕ

РОМАН

ТРИБУНАЛ

Зал суда был не больше школьного класса. Пять-шесть скамеек, на них в основном конвой, тюремные надзиратели и очень немного публики — члены Президиума и приглашенные представители официальных властей. Перед скамьями неполированный дубовый стол и стулья с высокими спинками. За столом три члена Трибунала, над их головами фанерная красная звезда. Стены белые, как в камере Лимаса. Перед столом два стула. На них лицом друг к другу сидят два человека: мужчина среднего возраста, возможно, под шестьдесят, в черном костюме и сером галстуке — так одеваются в немецких деревнях, когда идут в церковь,— и Фидлер.

Лимас сидит в задних рядах. Рядом с ним охранники. Среди публики виднеется голова Мундта. Он сидит тоже между полицейскими. Светлые волосы острижены совсем коротко, на широких плечах тюремная одежда. А он, Лимас, в своем костюме — интересная деталь. По ней, видимо, можно судить о настроении членов суда. Или о влиянии Фидлера.

Вскоре председатель Трибунала, сидящий в центре стола, зазвонил в колокольчик, чем привлек внимание Лимаса. Он посмотрел на него, и мороз пробежал у него по коже: председатель — женщина! Лет пятидесяти, волосы стрижены коротко, как у мужчины, маленькие глазки, темный пиджак — немудрено, что Лимас раньше не заметил ее принадлежности к прекрасному полу. Она строго осмотрела зал, кивнула часовому, чтобы закрыл дверь, и без всякого предисловия обратилась к суду:

— Всем вам известно, зачем мы сюда собрались. Суд ведется при закрытых дверях — прошу об этом не забывать. Трибунал созван по чрезвычайному распоряжению Президиума и несет ответственность только перед Президиумом. Порядок ведения суда устанавливается по нашему усмотрению. Товарищ Фидлер,— она повелительно указала на него рукой,— начнем, пожалуй, с вас.

Фидлер встал. Кивнув членам Трибунала, он вынул из портфеля, лежавшего за ним, пачку бумаг, скрепленных в верхнем углу черной тесьмой.

Он говорил спокойно и легко, но с особой сдержанностью, которой Лимас раньше за ним никогда не замечал. Видимо, хорошо продуманный прием: изображает человека, которому жаль отправлять на виселицу своего вышестоящего начальника.

— Прежде всего да будет всем известно, если кто-нибудь еще не знает,— начал Фидлер,— что в день, когда Президиум получил мою докладную о деятельности товарища Мундта, я был арестован. Арестовали также и перебежчика Лимаса. Надо мной, как и над ним, творили жестокое насилие, пытаясь вырвать из нас признание в том, что мы устроили фашистский заговор против честного и преданного товарища.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 15—21.

Из моей докладной вы видите, каким образом Лимас попал к нам, мы сами его отыскали, уговорили перейти на нашу сторону и, наконец, увезли в Демократическую Германию. По причинам, которые я изложу дальше, Лимас все еще отказывается верить, что Мундт — английский агент, и это самое наглядное доказательство непредвзятости Лимаса, поскольку заподозрить его в неопытности невозможно. Частичные, но неопровержимые доказательства, приведенные Лимасом,— всего лишь подтверждение целого ряда данных, с которыми мы сталкиваемся на протяжении последних трех лет.

Перед вами письменное изложение разбираемого дела. Мне остается только прокомментировать уже известные вам факты.

Против товарища Мундта выдвигается обвинение в том, что он агент на службе сил империализма. Я мог бы привести и другие обвинения — передача сведений английской секретной службе, слепое лакейство его отдела перед буржуазной страной, умышленное покрывательство реваншистских антипартийных группировок и получение денежных вознаграждений из-за границы,— но все они вытекают из первого: Ганс-Дитер Мундт — агент на службе сил империализма. Наказание за такое преступление только одно: смерть! Нет более тяжкого преступления в нашем уголовном кодексе, чем измена Родине. Против такого преступления должна быть мобилизована вся бдительность наших партийных органов.

Он положил бумаги на стол.

— Товарищ Мундт, сорока двух лет, возглавляет отдел государственной безопасности, холост. Всегда считался человеком редких способностей, неутомимым борцом за дело партии, непреклонным ее защитником.

Позвольте напомнить некоторые моменты из его служебной деятельности. В отдел был назначен в возрасте двадцати восьми лет, предварительно пройдя обычную подготовку. После окончания испытательного срока получил особое задание и был направлен в Скандинавские страны, в частности в Норвегию и Швецию, где успешно наладил цепочку, которая нанесла тяжелый удар по фашистским агитаторам во враждебном лагере. С заданием справился хорошо, и нет оснований полагать, что в то время он лишь выдавал себя за старательного сотрудника своего отдела. Однако, товарищи, следует отметить, что в дальнейшем эта связь со Скандинавией и цепочка, налаженная товарищем Мундтом сразу же после войны, служили ему лишь предлогом, под которым он ездил в Финляндию и Норвегию забирать из иностранных банков тысячи долларов, получаемых им в награду за предательство. Не думайте, что товарищ Мундт оказался наивной жертвой тех, кто пытается повернуть историю вспять. Ни в коей мере. Им руководили прежде всего трусость, затем слабость и, наконец, жадность. Богатство — вот его мечта. Но обратите внимание на иронию судьбы: система выплаты ему вожделенных денег как раз и навела на след силы справедливости.

Фидлер сделал паузу и окинул взглядом зал. Глаза его вдруг загорелись огнем. Лимас смотрел на него как зачарованный.

— Да послужит это уроком,— крикнул Фидлер,— другим врагам народа, которые надеются скрыть свое великое преступление!

Почтительный шепот поднялся в крошечной группе присутствующих.

И тут Лимас понял, что Фидлер ничем не рискует: в своем поведении члены Трибунала, обвинители и свидетели должны руководствоваться соображениями политической бдительности, а что касается контробвинения, которое, Фидлер знал, неизбежно выдвигается в подобных случаях, то он обеспечил себе тылы тем, что вся полемика записывается, и нужно быть очень смелым человеком, чтобы опровергнуть приведенные им аргументы.

Фидлер раскрыл папку, которая лежала перед ним на столе.

— В конце 1956 года Мундта направили в Лондон в составе комиссии восточногерманской сталелитейной компании. Секретное задание состояло в том, что он должен был принять меры против людей, эмигрировавших из ГДР. Выполняя задание, Мундт, безусловно, подвергался большой опасности, но добился хороших результатов.

Внимание Лимаса снова привлекли трое людей, сидящих в центре стола. Слева от председателя — молодой брюнет с полузакрытыми глазами, волосы ежиком и землистый цвет лица, как у аскета. Он не переставал барабанить тонкими длинными пальцами по стопке бумаг, лежавшей перед ним. Сам не зная, почему, Лимас решил, что это сторонник Мундта. По другую сторону — лысеющий мужчина постарше с открытым, приятным лицом. Производит впечатление человека недалекого, подумал Лимас и решил, что, когда будет решаться судьба Мундта, молодой человек станет его защищать, председатель будет обвинять, а более пожилой склонится на сторону председателя за неимением собственного мнения.

— Мундта завербовали в конце его пребывания в Лондоне,— продолжал Фидлер.— Я уже сказал, что он подвергался большой опасности. Он чувствовал, как сжимается вокруг него кольцо английской тайной полиции — уже был выписан ордер на его арест. Правом дипломатической неприкосновенности Мундт не пользовался — Англия не признала нашего суверенитета,— и он перешел на нелегальное положение. В портах была установлена слежка, его фотографии и приметы были разосланы по всем английским островам. И вот после двух дней пребывания на нелегальном положении он приезжает на такси в лондонский аэропорт и улетает в Берлин. «Блестяще!» — скажете вы. И действительно: вся английская полиция поднята на ноги, все дороги, все железнодорожные, морские и воздушные пути под надзором, а товарищ Мундт садится в самолет прямо в лондонском аэропорту и улетает в Берлин. Конечно, блестяще! Но, если задуматься, товарищи, не покажется ли бегство Мундта из Англии чересчур блестящим, чересчур легким и без попустительства английских властей просто невозможным!

Снова шепот в задних рядах, на этот раз менее сдержанный.

— А истина,— продолжал Фидлер,— состоит в том, что Мундт был-таки арестован англичанами. В ходе непродолжительного допроса они поставили перед ним классическую дилемму: сидеть годами в империалистической тюрьме, и... прощай карьера. Или, вопреки всем ожиданиям, вернуться на родину и дать дальнейший ход своим блестящим способностям. Конечно, на вторую возможность англичане наложили условие: Мундт будет снабжать их сведениями, а они — платить ему большие суммы. Так методом кнута и пряника был завербован Мундт.

Теперь англичане уже были заинтересованы в его успешной карьере. Мы еще не знаем, не была ли ликвидация Мундтом второстепенных западных агентов делом рук его хозяев, предавших своих же сотрудников, которых им было не жалко, чтобы поднять престиж Мундта. У нас нет тому доказательств, но весь материал позволяет сделать такое предположение.

С 1960 года — год, когда товарищ Мундт стал начальником отдела,— со всех концов света к нам начали поступать данные о том, что в наших рядах завелся высокопоставленный шпион. Всем вам известно, что шпионом был Карл Римек. После того как его не стало, мы полагали, что зло ликвидировано. Но данные продолжали поступать.

В конце 1960 года наш бывший сотрудник встретился в Ливане с одним англичанином из Интеллидженс Сервис. Наш бывший сотрудник, как мы потом узнали, предложил ему полные сведения о двух отделах нашей разведывательной службы, где он раньше работал. Англичанин сообщил о его предложении в Лондон, но Лондон отклонил это предложе-

ние. Почему бы? Причина только одна: Англия уже располагала такими сведениями, причем более свежими.

Начиная с середины 1960 года мы стали терять наших сотрудников за границей с устрашающей быстротой. Иногда враг пытался направить их против нас, но нечасто: он в этом не был заинтересован.

И вот в начале 1961 года, если мне не изменяет память, нам повезло. Мы получили, не стану объяснять, каким образом, полный список сведений о нашей разведывательной службе, которыми располагает Интеллидженс Сервис. Сведения были не только полными, но и удивительно свежими. Я показал этот список, разумеется, Мундту — он мой начальник. Мундт сказал, что его это не удивляет и что он должен провести кое-какие расследования, так что мне ничего предпринимать не нужно, дабы не испортить дела. Скажу откровенно: тогда-то мне и пришла в голову еще не оформленная и невероятная мысль о том, что сведения сообщает Мундт. Имелись и другие данные.

Едва ли я должен вам говорить, что меньше всех можно было заподозрить в шпионаже начальника контрразведки. Это настолько дикая мысль, что ни один человек не принял бы ее всерьез и тем более не стал бы ее высказывать. Признаюсь, что я и сам непростительно долго колебался, чего делать было нельзя.

Но, товарищи, к нам в руки попали окончательные доказательства. К ним я и предлагаю перейти.— Он обернулся и посмотрел в конец зала.— Приведите Лимаса.

Оба конвоира встали, и Лимас двинулся по узкому проходу в центре зала. У стола конвоир подал ему знак остановиться. Фидлер стоял футах в шести от него. Первым обратился к Лимасу председатель.

— Свидетель, ваша фамилия? — спросила она.

— Алек Лимас.

— Возраст?

— Пятьдесят.

— Женаты?

— Нет.

— Но были женаты?

— Сейчас я не женат.

— Занятие?

— Помощник библиотекаря.

— Вы же раньше служили в Интеллидженс Сервис! — сердито выпалил Фидлер.

— Верно. Год тому назад.

— Трибунал читал отчеты о ваших допросах,— продолжал Фидлер,— но я хочу, чтобы вы еще раз рассказали о своем разговоре с Питером Гийомом.

— Вы имеете в виду разговор о Мундте?

— Да.

— Как я уже говорил, разговор происходил прошлым маем в главном управлении на Кембриджской площади в Лондоне. Я встретил Гийома в коридоре. Я знал, что он имел отношение к делу Феннана, и спросил его, что стало с Джорджем Смили. Потом мы говорили о покойном Дитере Фрейе и о Мундте, который был причастен к его смерти. Питер сказал, что Мастон, по его мнению, который руководил тогда операцией, не хотел, чтобы Мундта поймали.

— Чем вы это объясняете?

— Я знал, что Мастон провалил дело Феннана и поэтому, мне кажется, не хотел, чтобы в связи с появлением Мундта вся грязь вышла наружу.

— Если бы Мундта поймали, его судили бы по закону? — спросил председатель.

— Зависит от того, кто поймал бы. Если бы полиция, его передали бы в Министерство Внутренних Дел, и никакая сила на земле не оградила бы его от суда.

— А если бы его поймала ваша разведка? — спросил Фидлер.

— О, тогда дело другое. Думаю, они либо попытались бы обменять его на одного из наших людей, предварительно допросив, либо дали бы ему билет в одну сторону.

— Что это значит?

— Избавились бы от него.

— Ликвидировали бы?

Теперь все вопросы задавал Фидлер, а члены Трибунала усердно писали.

— Не знаю, что было бы, я к этому делу никогда не имел отношения.

— А не могло ли случиться, что они попытались его завербовать?

— Могло, но этого не случилось.

— Откуда вы знаете?

— О господи! Сто раз уже говорил! Не попугай же я в конце концов, долдонить все время одно и то же! Я возглавлял берлинскую сеть в течение многих лет. Если бы Мундт был одним из наших людей, я знал бы. Не мог не знать.

— Хорошо.

Фидлер, казалось, остался доволен ответом, хотя и понимал, что члены Трибунала, вероятно, не разделяют его мнения. Он перешел к операции «Снежный ком», заставил Лимаса снова остановиться на особых мерах предосторожности, предпринятых относительно этой операции, попросил рассказать о письмах, направленных в стокгольмский и хельсинкский банки, и о полученном им ответе. Обратившись к Трибуналу, Фидлер прокомментировал:

— Не знаю, почему, но мы не получили ответа из Хельсинки. С вашего разрешения я еще раз напомню, как было дело. Лимас положил деньги в стокгольмский банк пятнадцатого июня. Среди документов, которые находятся перед вами, есть копия письма из королевского скандинавского банка на имя Роберта Ланга — на это имя Лимас открыл счет в Копенгагене. Приложенная копия значится под номером 12. Из письма явствует, что вся сумма — десять тысяч долларов — была вынута совладельцем счета через неделю после того, как Лимас ее положил. Я полагаю, обвиняемый,— Фидлер кивнул в сторону Мундта,— не станет отрицать, что был в Копенгагене 21 июня, якобы по делам нашей разведки. Второй раз,— продолжал Фидлер после паузы,— Лимас ездил в Хельсинки класть деньги примерно 24 сентября.— Он посмотрел Мундту прямо в лицо и повысил голос.— А третьего октября в Финляндию поехал товарищ Мундт. Опять же якобы по делам нашей разведки.

Наступила тишина. Повернувшись к Трибуналу, Фидлер спросил приглушенным, но грозным голосом:

— Неужели обстоятельность обвинения остается неочевидной? Разрешите вам напомнить и еще коечто. Свидетель,— обратился он к Лимасу,— в Берлине вы были связаны с Карлом Римеком, бывшим секретарем Президиума Объединенной Социалистической Партии. Какой характер носила эта связь?

— Он был моим агентом, пока его не убили люди Мундта.

— Совершенно верно. Его убили люди Мундта. Еще одного шпиона Мундт ликвидировал до всякого допроса. Римек был агентом английской разведки?

Лимас кивнул.

— Опишите встречу Римека с человеком, которого вы называете Контроллом.

— Контролл приехал из Лондона в Берлин повидаться с Карлом. Карл, по-моему, был одним из самых активно действующих наших агентов, и Контролл захотел встретиться с ним.

— Карлу и доверяли больше, чем другим? — спросил Фидлер.

— Да, безусловно. Лондон любил Карла: Карл был самым верным агентом. Когда Контролл прибыл в Берлин, я пригласил Карла ко мне на квартиру, и мы ужинали втроем. По правде говоря, я не горел желанием, чтобы Карл пришел, но не мог об этом сказать Контроллу. Как бы это объяснить... У них там в Лондоне свои представления — они ведь сидят за тридевять земель. Я побоялся, чтобы у меня из-под носа не утащили под каким-нибудь предлогом Карла — от них всего можно ожидать.

— Поэтому вы устроили встречу втроем? — спросил Фидлер.— Ну, и как же прошла встреча?

— Контролл меня заранее предупредил, что хочет остаться минут на пятнадцать с Карлом наедине. Поэтому во время ужина я сказал, что иду за виски, отправился к де Йонгу, выпил с ним пару рюмок, взял виски и вернулся.

— Как вы их нашли?

— Что вы имеете в виду?

— Разговор еще продолжался? О чем они говорили?

— К моему приходу разговор уже кончился.

— Спасибо. Можете сесть.

Лимас вернулся на свое место. Фидлер обратился к членам Трибунала.

— Прежде всего,— начал он,— несколько слов о шпионе Римеке, которого убили. О Карле Римеке. Перед вами перечень всех сведений, которые он передавал Алеку Лимасу в Берлине. По крайней мере тех, о которых Лимас помнит. Действительно, нет названия такому преступлению! Итак, Римек давал своим хозяевам подробнейший отчет о работе и личном составе всей разведывательной службы. Он сообщал о том, что происходит, если верить Лимасу, на наших самых секретных заседаниях. Он передавал протоколы этих заседаний, имея к ним доступ как секретарь Президиума.

Но если доставать протоколы ему ничего не стоило — он их просто брал после каждого заседания, то получение секретных документов разведки — дело совсем другое. Кто в конце 1959 года выдвинул Римека в комитет госбезопасности — комитет первостепенной важности, который координирует всю деятельность органов безопасности? Кто предложил дать Римеку доступ к документам разведки? Кто на каждом этапе служебной карьеры Римека, начиная с 1959 года (год, когда Мундт вернулся из Англии), выдвигал его на самые ответственные посты? А я вам скажу,— провозгласил Фидлер.— Тот единственный человек, который, благодаря своему положению, мог покрывать шпионскую деятельность Римека: Ганс-Дитер Мундт. Давайте вспомним, как Римек связался с западными разведками в Берлине, как разыскал машину де Йонга, когда тот выехал на прогулку, как положил ему в машину фотопленку. Вас не удивляет столь безошибочное предчувствие, проявленное Римеком? Откуда он знал, где найдет эту машину и в какой именно день? У самого Римека машины не было, так что следовать за де Йонгом от его дома в Западном Берлине он не мог. Как же он узнал, где будет машина? Только одним путем: через нашу собственную полицию. Она сообщила ему через Мундта, что машина де Йонга прошла пограничный пост нейтральной зоны. Вот и проясняется дело Ганса-Дитера Мундта. Римек был его ставленником и связующим звеном между ним и его хозяевами-империалистами! — Фидлер сделал паузу и спокойным тоном докончил: — Мундт — Римек — Лимас — вот она, главная цепочка. А что одно звено в цепочке не знает о работе других звеньев, так это аксиома любой разведки, и правильно Лимас утверждает, что ему ничего не известно о преступной деятельности Мундта. Это только лишний раз доказывает, что у лондонских хозяев Мундта дело поставлено хорошо.

Вам также известно, что операция «Снежный ком» проводилась в условиях особой секретности, и сведения Лимаса о секторе, занимавшемся так называемым исследованием экономического положения нашей Республики под руководством Питера Гийома, весьма скудные. Тем не менее Лимас знал, что этот сектор удивительно полно представлен в списке имеющих доступ к «Снежному кому». Позвольте напомнить, что тот же Питер Гийом занимался в свое время разбирательством деятельности Мундта в Англии.

Молодой человек за столом отнял карандаш от бумаги, посмотрел на Фидлера своими тяжелыми, холодными глазами и спросил:

— Зачем же Мундт ликвидировал Римека, если тот был его агентом?

— У Мундта не было другого выхода. Римек уже находился под подозрением — его любовница наболтала лишнего. Мундт дал приказ открыто расстрелять Римека, предварительно посоветовав ему бежать, и таким образом избавился от опасности быть раскрытым. Потом Мундт убрал и любовницу.

Я хочу немного остановиться на технической стороне дела. После возвращения Мундта в Германию в 1959 году англичане заняли выжидательную позицию — готовность Мундта сотрудничать с ними должна была еще быть доказана. Поэтому они дали ему инструкции и ограничились выплатой денег в надежде на лучшее. В то время Мундт еще не занимал высокого поста ни в разведке, ни в партии. Но он много видел и начал передавать сведения своим хозяевам, с которыми был связан непосредственно. Видимо, с ним выходили на связь в Западном Берлине и во время его коротких поездок за границу: в Скандинавии и в других местах. Поначалу англичане, видимо, относились к нему настороженно — а кто на их месте относился бы иначе! Они сопоставляли его сведения с теми, которые у них уже имелись,— боялись, как бы он не играл двойную игру. Но постепенно они поняли, что напали на золотую жилу. Мундт отлично выполнял свою работу и завоевал их доверие. Судя по многим данным и по показаниям Лимаса, я полагаю, что в первые несколько месяцев они не решались устанавливать цепочку для Мундта — предоставили, так сказать, волку рыскать одному — и связывались с ним для выдачи ему инструкций и денежных вознаграждений непосредственно, минуя свою берлинскую организацию. Создали в Лондоне маленький сектор во главе с Гийомом (а Гийом как раз и завербовал Мундта), и о работе этого сектора знал лишь очень ограниченный круг людей даже внутри службы безопасности. Оплачивался Мундт по особой системе, названной «Снежный ком», разумеется, после тщательной проверки информации. Вполне понятно, почему Лимас утверждает, что ему ничего не известно о деятельности Мундта, хотя в действительности он не только платил Мундту, но и передавал в Лондон информацию, полученную через Римека от Мундта.

К концу 1959 года Мундт сообщил своим лондонским хозяевам, что нашел человека из состава Президиума, который будет служить посредником между ним и Лондоном. Этим человеком был Карл Римек.

Как Мундт его нашел? Как решился выяснить, хочет ли Римек сотрудничать с ним? Не следует

забывать об исключительном положении Мундта: он имел доступ ко всем секретным документам, мог устанавливать слежку, прослушивать телефонные разговоры, вскрывать письма, допрашивать кого угодно — личная жизнь каждого была перед ним как на ладони. А кроме того, он мог отвести от себя любое подозрение, направив против народа оружие,— голос Фидлера дрожал от негодования.— которое предназначено защищать народ! — Легко перейдя на прежний рассудительный тон, Фидлер продолжал: — Теперь вы видите, как действовал Лондон. Сохраняя имя Мундта в строжайшем секрете, они разрешили ему установить через Римека непрямую связь со своими людьми в Берлине, то есть с де Йонгом и с Лимасом, что подтверждают показания Лимаса. Теперь вы можете оценить всю глубину предательства Мундта.

Он обернулся и, глядя Мундту прямо в лицо, выкрикнул:

— Вот он, изменник! Вот человек, продавший свой народ!

— Я почти кончил,— сказал он спокойно.— Мне остается добавить только одно. Убирая всех тех, кто мог раскрыть его истинное лицо, Мундт завоевывал себе репутацию непогрешимого защитника народа. Именем народа он убивал, чтобы скрыть свое фашистское нутро, свои карьеристские устремления. Вот почему, сделав все возможное, чтобы оградить Карла Римека от подозрений, но увидев, что это не помогает, он дал приказ открыто убить его, а затем убрал и любовницу.

Когда будете докладывать свое решение Президиуму, не забудьте и о звериной сущности этого человека. Самое мягкое наказание для Ганса-Дитера Мундта — смерть!

СВИДЕТЕЛЬ

Председатель обернулась к человеку в черном костюме, сидящему против Фидлера.

— Товарищ Карден,— сказала она,— слово предоставляется тебе. Будешь представлять сторону Мундта. Есть у тебя вопросы к свидетелю Лимасу?

— Да, да, сию минуту,— ответил Карден, медленно поднимаясь и заводя оглобли золотой оправы за уши.

Кроткое, несколько деревенского типа лицо. Седые волосы.

— Товарищ Мундт заявляет,— начал он приятным голосом,— что показания Лимаса ложные и что товарищ Фидлер умышленно или по недоразумению участвует в заговоре, имеющем целью подорвать нашу разведывательную службу и опорочить органы безопасности социалистического государства. Мы не отрицаем, что Карл Римек был английским шпионом — это установленный факт. Но мы отрицаем, что товарищ Мундт был с ним связан и получал деньги за измену нашей Партии. Мы заявляем, что этому обвинению нет объективных доказательств и что безудержное стремление товарища Фидлера к власти совсем ослепило его и лишило здравого смысла. Мы утверждаем, что с момента возвращения из Берлина в Лондон Лимас начал разыгрывать комедию, изображая из себя опустившегося человека, пьяницу, запутавшегося в долгах. И лавочника он побил нарочно при всех, и свою мнимую ненависть к американцам выставлял напоказ -- все для того, чтобы им заинтересовалась наша разведывательная служба. Мы считаем, что английская разведка фальсифицировала и подтасовывала факты таким образом, чтобы обвинения против товарища Мундта казались правдоподобными: тут и выплата денег через иностранные банки, которая производилась как раз в то время, когда товарищ Мундт находился в той или иной стране, и показания Лимаса с чужих слов — со слов Питера Гийома, и разговор Контролла с Римеком во время тайной встречи, которого Лимас не мог слышать, так как уходил за виски,— одним словом, целая вереница подстроенных доказательств, которые товарищ Фидлер, на чье честолюбие так метко рассчитывала английская разведка, принял за чистую монету, став тем самым соучастником чудовищного заговора. Заговор имел целью погубить, а фактически убить, потому что сейчас поставлена на карту сама жизнь Мундта — одного из преданнейших защитников нашей Республики. Разве удивительно, что англичане, которые так преуспевают в организации саботажей и подрывной деятельности, которые торгуют направо и налево человеческими жизнями, разработали этот отчаянный заговор? А что еще им остается теперь, когда через Берлин протянулись укрепления и поток западных шпионов не может свободно проникать к нам? Мы стали жертвой их заговора. В лучшем случае товарищ Фидлер виноват в серьезнейших ошибках, а в худшем — в сообщничестве с империалистическими шпионами, которые стремятся подорвать безопасность рабочего государства и пролить невинную кровь.

И у нас есть свидетель,— кротко кивнул он суду.— Да, да, у нас тоже есть свидетель. Неужели вы полагаете, что товарищ Мундт все это время не знал о происках Фидлера? Неужели серьезно допускаете такую мысль? Уже долгие месяцы товарищ Мундт не перестает следить за порочным направлением мыслей Фидлера. Кто разрешил установить в Англии связь с Лимасом? Лично товарищ Мундт. И вы полагаете, что он пошел бы на такой риск, будь он сам замешан в какой-то темной истории? Или вы думаете, что отчеты о первом допросе Лимаса в Гааге, полученные Президиумом, товарищ Мундт выбрасывал, не читая? Может быть, вы думаете, что после прибытия Лимаса в нашу страну, когда Фидлер сам взялся за его допросы, отчеты перестали поступать? Или считаете товарища Мундта настолько тупым, что ему в голову не пришло задуматься над поведением Фидлера? Да Мундт только посмотрел на первый отчет Питерса из Гааги, как сразу же понял, на чем строится вся игра: поездки Лимаса в Копенгаген и Хельсинки совпадали по времени с пребыванием Мундта в Дании и Финляндии. Не забудьте, что Мундт знал об этих отчетах раньше Фидлера. Мундт тоже искал шпиона в рядах нашей разведывательной службы...

Так что, когда Лимас прибыл в Демократическую Германию, Мундт только с захватывающим интересом следил за тем, как ловко Лимас подбрасывает пищу для подозрений Фидлера — то сделает прозрачный намек, то даст косвенное указание. Без нажима, конечно, не в лоб — так, случайно обронит словечко в одном разговоре, не доскажет кое-что в другом... А почва подготовлена: вот и человек в Ливане — мистическая фигура, на которую ссылается Фидлер,— подтверждал наличие высокопоставленного шпиона внутри нашей разведывательной службы...

Операцию англичане задумали блестяще — ага, мы потеряли Римека, так обернем нашу потерю замечательной победой.

Но, пока они готовили с помощью Фидлера убийство Мундта, товарищ Мундт предпринял одну предосторожность. Он навел точные справки о двойной жизни, которую Лимас вел в Лондоне на улице Бейсуотер. Товарищ Мундт искал проявления человеческой слабости в сверхчеловечески хитро задуманном коварстве. Он полагал, что в чем-нибудь да должна приоткрыться тайна двойной жизни Лимаса. Какая-то деталь должна не вязаться либо с отсутствием у него средств, либо с его деградацией, либо, что еще вероятнее, с его одиночеством. У Лимаса должен был быть близкий человек или любовница, перед которыми он раскрыл бы глубоко запрятанную часть своей души, у которых искал бы теплоты человеческого общения. И товарищ Мундт не ошибся. Лимас, этот опытнейший агент, допустил такую элементарную ошибку, проявил такую человеческую слабость, что...— Карден улыбнулся.— Впрочем, об этом вы услышите позже. Мундт заручился свидетелем. Замечательная предосторожность... к которой я еще обращусь,— он улыбнулся одними глазами, словно прося прощения за невинное озорство,— а пока я хотел бы, если можно, задать несколько вопросов обвинителю, который так упорно отрицает вину обвиняемого, господину Лимасу.

— Скажите,— начал он,— вы человек состоятельный?

— Не говорите глупости,— отрезал Лимас,— вы знаете, как меня удалось завербовать.

— Да, мастерски,— ответил Карден.— У вас, значит, нет ни гроша.

— Ни гроша.

— А есть у вас друзья, которые одалживали бы вам денег, или просто так давали, или платили бы за ваши долги?

— Если бы у меня были такие друзья, я не сидел бы сейчас здесь.

— Значит, ни единого друга? И вы не представляете себе, чтобы какой-нибудь благодетель, о котором вы, возможно, уже забыли, пытался бы вам помочь стать на ноги, заплатил бы вашим кредиторам или еще что-нибудь?

— Нет.

— Благодарю вас. Еще один вопрос: знаете ли вы Джорджа Смили?

— Конечно, знаю. Он был на Кембриджской площади.

— Но сейчас он ушел оттуда?

— Да, после дела Феннана.

— Ах, да, то самое дело, куда был замешан Мундт. Видели ли вы Смили с тех пор?

— Раз или два.

— А после того, как сами оттуда ушли?

— Нет,— сказал Лимас после короткого раздумья.

— Он не приходил к вам в тюрьму?

— Нет, ко мне никто не приходил.

— А до того, как вы сели в тюрьму?

— Нет.

— Ну, а после выхода из тюрьмы, как раз в день освобождения, вас нашел человек по имени Эйш? Вы с ним были в ресторане. Куда вы пошли потом?

— Не помню, возможно, в пивную. Понятия не имею.

— Позвольте вам напомнить. Вы пошли на улицу Флит и сели в автобус. Попетляв немного в автобусе, в метро и в частной машине — пожалуй, не слишком умело для человека с вашим опытом,— вы поехали в Челси. Ну, как, вспомнили? Могу показать отчет, если хотите, он у меня здесь.

— Может быть. И что же?

— А то, что Джордж Смили живет как раз на Байуотер, против Королевского шоссе. Ваша машина свернула на Байуотер, как доложил нам агент, и вы вышли у номера 9. То есть у дома Смили.

— Чушь,— заявил Лимас.— Я скорее всего поехал в «Восемь колоколов», в мою любимую пивную.

— На частной машине?

— Опять глупость. Я, наверно, ехал на такси. Когда у меня есть деньги, я их трачу.

— Зачем же было столько петлять?

— И снова «утка». Может, ваши люди гонялись за кем-нибудь другим — типичная история.

— Вернемся к моему начальному вопросу. Не можете ли вы себе представить, чтобы Смили проявлял к вам интерес после того, как вы покинули Кембриджскую площадь?

— Да нет же!

— Скажем, интересовался вашим материальным положением после того, как вы попали в тюрьму, а может, он хотел повидаться с вами после вашей встречи с Эйшем?

— Нет. Понятия не имею, куда вы клоните, Карден, но мой ответ один: нет. Если бы вы знали Смили, то и вопроса такого не задавали бы. Мы с ним настолько разные, насколько это возможно.

Карден, видимо, остался доволен ответом и, улыбаясь, поправил очки, прежде чем стал тщательно рыться в своих бумагах.

— Ах, да,— произнес он, словно что-то вспомнив,— сколько у вас было денег, когда вы просили у лавочника кредит?

— Нисколько,— беспечно ответил Лимас.— Я уже целую неделю сидел на мели. А может, больше.

— Как же вы жили?

— Перебивался с хлеба на воду. Да еще заболел — температура поднялась. Так что целую неделю я и вовсе есть не мог. Наверно, потому я и был так обозлен. Последняя, так сказать, капля, переполнившая чашу.

— Вам еще остались должны в библиотеке, верно?

— Откуда вы знаете? — спросил Лимас резко.— Вы что...

— Почему вы не пошли забрать причитающиеся вам деньги? Тогда и кредит просить не пришлось бы. Верно, Лимас?

— Не помню, почему не пошел,— пожал плечами Лимас.— Наверно, потому, что библиотека в субботу утром закрыта.

— Понимаю. Вы уверены, что по субботам она закрыта в утренние часы?

— Нет, просто предполагаю.

— Прекрасно. Благодарю вас. Это все, что я хотел спросить.

Лимас уже сидел на своем месте, когда открылась дверь и вошла женщина. Коренастая, уродливая, в серой блузе с нашивками на рукавах. За ней стояла Лиза.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬНИЦА

Лиза медленно вошла в зал, оглядываясь по сторонам и широко раскрыв глаза, как только что разбуженный ребенок, попавший в ярко освещенную комнату. Она действительно была еще совсем молодой — Лимас только сейчас отдал себе в этом отчет. Увидев его между двумя охранниками, она остановилась как вкопанная.

— Алек!

Охранница взяла ее за руку и подвела к тому месту, где только что стоял Лимас. В зале стало очень тихо.

— Как тебя зовут, крошка? — грубо спросила председательница.

Лиза не отвечала. Длинные руки повисли как плети, пальцы вытянулись.

— Как тебя зовут? — переспросила председательница на этот раз громче.

— Элизабет Голд.

— Ты член английской коммунистической партии?

— Да.

— Сейчас живешь в Лейпциге?

— Да.

— Когда вступила в партию?

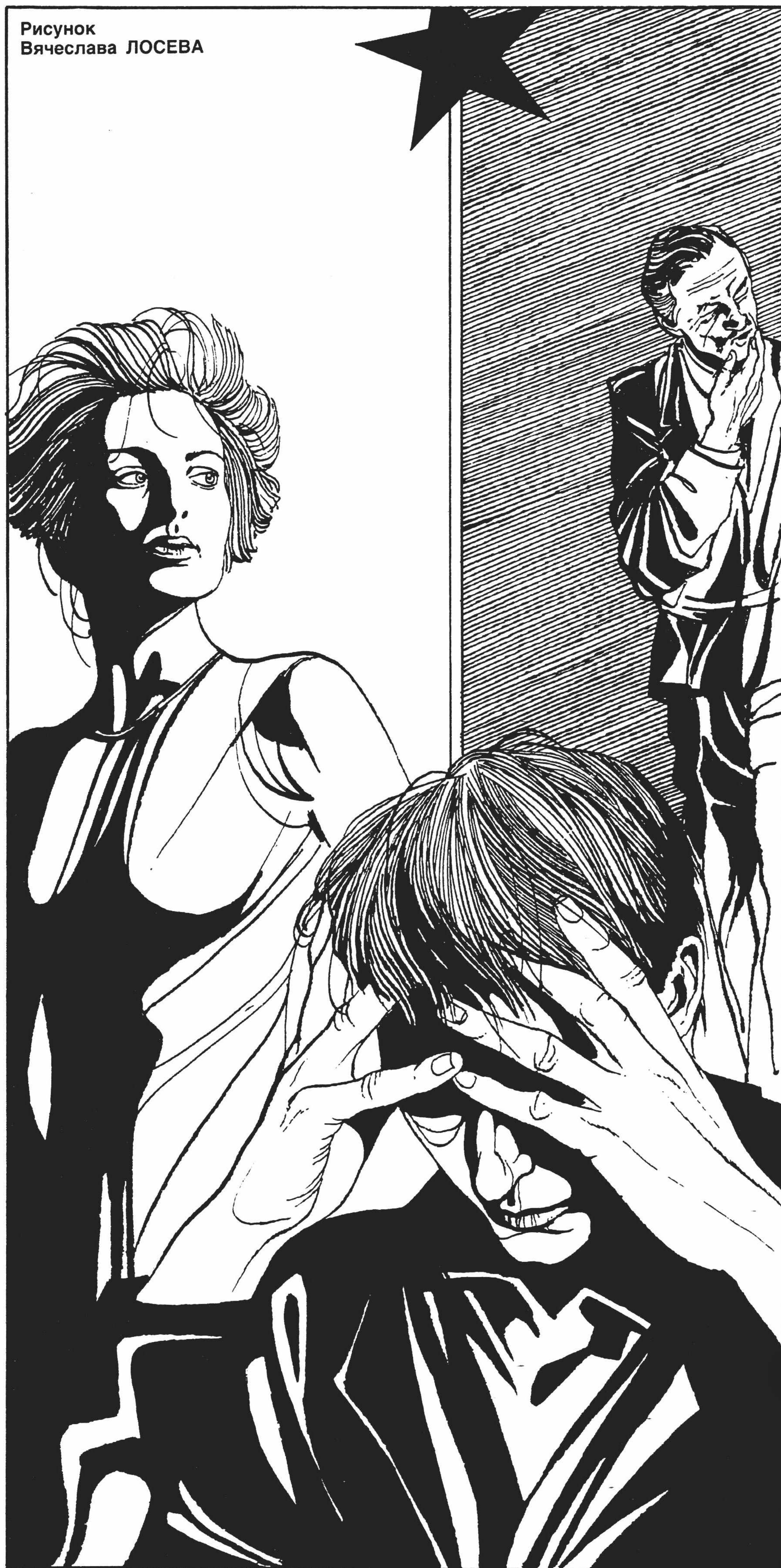
— В 1955-м. Нет, в 1954-м... Кажется, в...

Ее заглушили звук отодвигаемого стула и хриплый вопль Лимаса:

— Сволочи! Оставьте ее в покое!

Лиза в ужасе обернулась. У Лимаса по бледному как полотно лицу уже текла кровь: охранник так двинул ему кулаком, что он чуть не упал. А теперь оба набросились на него и скрутили руки за спину. Голова упала на грудь, но тут же дернулась в сторону от страшной боли.

— Если еще будет шуметь — уведите,— приказа-

ла председательница и, погрозив Лимасу, добавила:— Потом выскажетесь, если захотите, а сейчас подождите.— Повернувшись к Лизе, она продолжала: — Ты что же, не знаешь, когда вступила в партию?

Лиза ничего не ответила. Председательница подождала, пожала плечами, наклонилась вперед, чтобы получше разглядеть Лизу, и, наконец, сказала:

— Элизабет, тебе когда-нибудь говорили в твоей партийной ячейке о необходимости сохранять тайну?

Лиза кивнула.

— И тебя инструктировали ни в коем случае не расспрашивать других товарищей об организации партийной сети и так далее?

— Да, конечно,— сказала Лиза.

— Сегодня мы проверим, как ты усвоила партийные принципы. Для тебя же лучше, чтобы ты ничего не знала. Решительно ничего.

Она помолчала и многозначительно добавила:

— Мы все трое, сидящие за этим столом, занимаем очень высокие партийные посты. Мы действуем с ведома Президиума и в интересах партии. Нам нужно задать тебе несколько вопросов, и твои ответы будут иметь большое значение. Отвечая правдиво и смело, ты поможешь делу социализма. Больше тебе ничего знать не нужно.

— Но кого судят? — прошептала Лиза.— Алека?

Председательница взглянула на Мундта и сказала:

— Возможно, подсудимого нет. В том-то все и дело. Возможно, обвинители и есть подсудимые. Но кого бы ни обвиняли, не меняет дела. Сам факт твоей неосведомленности служит гарантией беспристрастности.

Наступило короткое молчание, и затем так тихо, что председательнице пришлось повернуть голову, чтобы расслышать слова, Лиза спросила:

— Алека? Лимаса?

— Я же тебе говорю,— настойчиво повторила председательница,— для тебя самой гораздо лучше ничего не знать. Твоя задача — говорить правду. Это самое разумное, что ты можешь сделать.

По-видимому, Лиза что-то произнесла, потому что председательница снова резко наклонилась вперед.

— Послушай, крошка, ты хочешь уехать домой? Делай, как я тебе велю, и поедешь. Но если ты... — Она не кончила фразу и, показав на Кардена, таинственно добавила: — Этот товарищ хочет задать тебе кое-какие вопросы. Ответишь — и ты свободна. Говори правду.

Карден поднялся, улыбаясь своей приятной улыбкой церковного старосты.

— Элизабет,— начал он,— Алек Лимас был твоим любовником?

Лиза кивнула.

— Вы встретились в библиотеке в Бейсуотере, где ты работала?

— Да.

— До этого ты его не знала?

Лиза покачала головой.

— Много у тебя было любовников, Элизабет?

Никто не расслышал, что сказала Лиза в ответ, так как Лимас заорал:

— Ну и сволочь же ты, Карден!

Лиза обернулась и внятно произнесла:

— Перестань, Алек, иначе они тебя уведут.

— Верно,— подтвердила председательница сухо,— уведут.

— Скажи мне,— мягко продолжал Карден,— Алек был коммунистом?

— Нет.

— А про то, что ты коммунистка, он знал?

— Да, я ему сказала.

— И как он на это реагировал, Элизабет?

Она не знала, врать или говорить правду,— вот в чем был ужас. Вопросы сыпались так быстро, что она не успевала подумать. Они все время спрашивают, не спускают с нее глаз, ждут ответов, ловят каждое слово, следят за тем, что кроется за словами, и она может невольно погубить Алека, потому что не знает, что ей следует говорить. Одно слово невпопад — и Алек обречен. У нее не было сомнений в том, что ему грозит опасность.

— Как же он на это реагировал? — повторил Карден.

— Рассмеялся. Он выше этого.

— Ты так считаешь?

— Конечно.

Молодой человек за судейским столом, прикрыв глаза, заговорил во второй раз:

— Ты веришь в то, что разумный человек может быть выше законов диалектики? Выше исторического развития?

— Не знаю, так я думала, вот и все.

— Не важно,— заговорил снова Карден.— Скажи мне, Лимас — человек жизнерадостный? Он часто смеялся?

— Нет, смеялся он редко.

— Но, когда ты ему сказала, что состоишь в партии, он рассмеялся. Как ты считаешь, почему?

— Думаю, потому, что он презирал партию.

— А может, ненавидел? — спросил Карден как бы между прочим.
— Не знаю,— сказала Лиза в отчаянии.
— Способен ли он на сильные привязанности или, наоборот, на выраженную неприязнь?
— Нет... не способен.
— И тем не менее он набросился на лавочника. В чем же тут дело?
Лиза вдруг перестала доверять Кардену, его ласковому голосу, добродушному лицу.
— Не знаю,— сказала она.
— Ты над этим ни разу не задумывалась?
— Задумывалась.
— И к какому же выводу ты пришла?
— Ни к какому,— сказала она упавшим голосом.
Карден посмотрел на нее пристально, пожалуй, даже разочарованно, как если бы она забыла катехизис.
— Известно ли тебе, что Лимас собирался побить лавочника? — начал он снова таким тоном, словно вопрос разумелся сам собой.
— Нет,— ответила Лиза, видимо, слишком поспешно, потому что Карден взглянул на нее с любопытством и иронически улыбнулся.
— Когда ты видела Лимаса в последний раз? Я имею в виду до сегодняшнего дня.
— Я не видела его с тех пор, как он попал в тюрьму,— ответила Лиза.
— А перед тем, как он попал в тюрьму, когда в последний раз ты его видела? — Голос звучал любезно, но настойчиво.
Стоять спиной к суду для Лизы было сущей пыткой. Она сгорала от желания обернуться и посмотреть на Лимаса, возможно, ей удалось бы прочесть на его лице какой-нибудь намек на то, как отвечать. Она не могла за себя поручиться. Эти вопросы, подозрения — все связано с обвинением, а она не знает, в чем его суть. Они, наверно, догадываются, что она хочет выручить Алека, что ей страшно. Но никто не приходит ей на помощь... Почему?
— Элизабет, когда ты виделась с Лимасом в последний раз, не считая сегодняшнего дня?
Опять этот голос! Как она ненавидит этот слащавый голос!
— Вечером, накануне того, как произошла драка между ним и мистером Фордом,— ответила Лиза.
— Произошла драка между ним и лавочником? Что ты, Элизабет! Лавочник даже не успел нанести Лимасу ответный удар! Лимас явно пренебрег спортивными правилами! — рассмеялся Карден, и смех прозвучал тем ужаснее, что его никто не поддержал.— Скажи, где ты виделась с Лимасом в тот вечер?
— У него дома. Он заболел, не ходил на работу, не вставал с постели. Я пришла приготовить ему поесть.
— И купила продукты?
— Да.
— Как это мило! Ты, должно быть, истратила много денег? — заметил Карден сочувственно.— У тебя были средства содержать его?
— Я его не содержала. Алек мне дал денег. Он...
— Ага,— прервал Карден,— значит, у него были деньги?
О Господи! О Великий Боже, что нужно говорить?
— Немного,— поспешно ответила Лиза,— я точно знаю, что денег было совсем немного. Фунт-два, не больше. Нет, нет, больше не было. Ему нечем было оплатить счета за свет, за квартиру. Их оплатил кто-то другой, уже когда Алека забрали в тюрьму. Какой-то друг, который был обязан заплатить за Алека.
— Конечно,— спокойно сказал Карден,— расплачивался друг. Специально пришел и оплатил счета. Старый друг Лимаса, знавший его еще до того, как он поселился в Бейсуотере. А ты этого друга когда-нибудь видела, Элизабет?
Она покачала головой.
— Понимаю. А не знаешь ли, какие еще счета оплатил этот добрый друг?
— Нет... не знаю.
— А почему так неуверенно говоришь?
— Я говорю уверенно. Не знаю,— горячо возразила Лиза.
— Но сначала ты колебалась,— настаивал Карден.— Вот я и хочу знать, нет ли у тебя задней мысли.
— Нет.
— Лимас когда-нибудь рассказывал о своем друге? О том, у которого были деньги и который знал, где Лимас живет?
— Он даже не упоминал о нем. И вообще у Лимаса не было никаких друзей... как мне кажется.
— Ах, вот оно что!
В зале наступила гробовая тишина, особенно страшная для Лизы, потому что она, как слепой ребенок, была отрезана от тех, кто на нее смотрел. Они могли оценивать ее ответы по каким-то ей не известным меркам, а она не могла из этой ужасной тишины извлечь ни малейшего намека, чтобы понять, что именно они хотят выяснить.
— Сколько ты зарабатываешь, Элизабет?
— Шесть фунтов в неделю.
— Есть у тебя кое-какие сбережения?
— Небольшие. Несколько фунтов.
— Сколько ты платишь за квартиру?
— Пятьдесят шиллингов в неделю.
— Дороговато. Верно, Элизабет? Платила ты в последнее время?
Она беспомощно покачала головой.
— Почему? — спросил Карден.— Нет денег?
— Я получила оплаченный арендный договор. Кто-то его оплатил и выслал мне.
— Кто же?
— Не знаю,— по лицу потекли слезы,— не знаю. Пожалуйста, не задавайте мне больше вопросов. Я не знаю, кто мне его выслал. Договор пришел из банка в Сити... шесть недель назад... Благотворительный фонд... тысяча фунтов. Клянусь, не знаю, от кого... Из благотворительного общества — так мне сказали... Теперь вы знаете все... Скажите же мне теперь, кого...
Она расплакалась и закрыла лицо руками. Задрожали плечи. Потом рыдания начали сотрясать все тело. Никто не шевельнулся. Наконец она опустила руки, но не подняла глаз.
— Почему же ты не разузнала поточней? — как ни в чем не бывало спросил Карден.— Ты что, привыкла получать подарки в тысячу фунтов неизвестно от кого?
Она ничего не ответила, а Карден продолжал:
— Ты не стала разузнавать, потому что догадывалась. Верно?
Снова закрыв лицо руками, она кивнула.
— Догадывалась, что это от Лимаса или от его друга. Так ведь?
— Да,— выдавила она.— Я слышала, что лавочник получил от кого-то деньги уже после суда. Говорили, что деньги довольно большие. Вот я и подумала, что друг Алека, возможно...
— Странно,— сказал Карден как бы про себя,— очень странно. Скажи, Элизабет, с тобой кто-нибудь встречался после того, как Лимаса посадили в тюрьму?
— Нет,— соврала она.
— Ты уверена? — переспросил Карден, и брови его поднялись над золотой оправой очков.
— Уверена.
— А твой сосед, Элизабет,— терпеливо начал Карден,— сказал, что к тебе приходили мужчины, двое мужчин, вскоре после того, как Лимаса осудили. Может, это были просто любовники, Элизабет? Случайные любовники, как Лимас, которые давали тебе деньги?
— Алек не был случайным любовником! — закричала она.— Как вы можете так...
— Но он давал тебе деньги. А эти мужчины тоже давали тебе деньги?
— О Боже! — зарыдала она.— Не спрашивайте!
— Кто к тебе приходил?
Она не отвечала, и тогда Карден на нее прикрикнул:
— Говори, кто приходил!
Он впервые за все время повысил голос.
— Не знаю. Они приехали в машине. Друзья Алека.
— Еще одни друзья? Что они хотели?
— Не знаю. Спрашивали, что мне говорил Алек. Сказали, чтобы я с ними связалась, если...
— Каким образом? Как ты должна была с ними связаться?
— Он живет в Челси...— наконец ответила она,— его фамилия Смили, Джордж Смили... Чтобы я ему позвонила...
— И ты позвонила?
— Нет!
Карден опустил папку с бумагами на стол. Воцарилась мертвая тишина. Показав на Лимаса, Карден сказал:
— Смили хотел узнать, не сказал ли ей Лимас лишнего. Лимас допустил всего одну ошибку, которой от него никак не ожидал Интеллидженс Сервис: он нашел себе девицу и плакался у нее на груди.— Карден прекрасно владел своим голосом и производил впечатление на присутствующих.— Точно как Карл Римек. Тот допустил ту же ошибку.
Он засмеялся, как смеются милой шутке.
— О себе Лимас когда-нибудь рассказывал? — продолжал Карден, обращаясь к Лизе.
— Нет.
— Ты ничего не знаешь о его прошлом?
— Почти ничего. Знаю только, что он что-то делал в Берлине. Что-то для правительства.
— Значит, он все-таки о своем прошлом рассказывал? Говорил он тебе, что был женат?
После долгой паузы Лиза кивнула.
— Почему ты не пошла в тюрьму повидаться с ним? Ты же могла навестить его.
— Я думала, что он не хочет меня видеть.
— Понимаю. Ты ему писала?
— Нет. То есть да... один раз... просто хотела сказать, что жду его. Я думала, что за одно письмо он не рассердится.
— Значит, ты считала, что он и писем не хочет получать?
— Да.
— Ну, а после тюрьмы ты не пыталась с ним связаться?
— Нет.
— Куда он мог пойти после тюрьмы? Его ждала работа, друзья, которые приютили бы его?
— Не знаю... не знаю...
— Значит, ты с ним порвала? — насмешливо спросил Карден.— Нашла другого любовника?
— Нет! Я его ждала... Я всегда буду его ждать! — Она постаралась взять себя в руки.— Я хочу, чтобы он вернулся.
— Почему же ты ему не писала? Почему не пыталась узнать, где он?
— Не хотел он этого, как вы не понимаете! Он взял с меня обещание никогда не разыскивать его... никогда...
— Значит, он знал, что попадет в тюрьму? — торжествующе спросил Карден.
— Нет. Не знаю. Как я могу говорить о том, чего не знаю!
— А в тот последний вечер,— настаивал Карден,— накануне того, как он побил лавочника, он снова взял с тебя такое обещание?
Бесконечно усталая, она сдалась.
— Да,— произнесла она.
— И вы попрощались?
— И мы попрощались.
— После ужина, конечно. Было довольно поздно. Или ты провела с ним ночь?
— Я ушла после ужина домой. Не прямо домой — я еще побродила по улицам. Просто так ходила, ходила...
— А почему он с тобой порвал? Чем он это объяснял?
— Он со мной не порвал,— возразила она.— Наоборот, сказал, что вернется. Вот только выполнит какое-то дело, с кем-то рассчитается и, когда все будет кончено, вернется, если, конечно, я еще...
— Ну, ты, конечно, заверила,— иронически подсказал Карден,— что будешь ждать вечно, что любовь никогда не остынет... Верно?
— Да,— просто ответила Лиза.
— А не говорил ли он, что пошлет тебе денег?
— Он сказал... сказал, что не все так плохо, как кажется, что я без поддержки не останусь...
— И поэтому ты не стала разузнавать, что за благодетель подарил себе тысячу фунтов?
— Да! Поэтому! Теперь вам все известно, да вы и раньше все знали. Зачем только вы посылали за мной, раз все знаете сами?
Карден спокойно подождал, пока она перестала рыдать.
— Вот защита и представила Трибуналу свое доказательство,— сказал он наконец.— Мне жаль, что такую девицу, для которой чувства важнее принципов и чью бдительность можно усыпить деньгами, наши английские товарищи сочли подходящей кандидатурой на ответственный пост в нашей партии.
Взглянув поочередно на Лимаса и на Фидлера, он грубо добавил:
— Она, конечно, дура дурой, но нам повезло, что Лимас ее встретил. Уже не в первый раз реваншистский заговор раскрывается благодаря моральному падению его участников.
Слегка поклонившись Трибуналу, Карден сел.
Тогда поднялся со своего места Лимас. На этот раз охранники его не удерживали.
Они там, в Лондоне, наверно, с ума посходили. Он же им сказал, чтобы они забыли про Лизу. Но теперь ясно, что с того самого момента, как он покинул Англию, и даже раньше, как только он отправился в тюрьму, какой-то проклятый безумец начал проявлять заботу: расплатился с хозяином квартиры, вознаградил лавочника, оплатил счета, да еще и Лизе стал помогать. В голове не укладывается! Какая-то фантасмагория! Получается, что они пытались убить Фидлера, убить его, Лимаса, своего же агента? Сорвать собственную операцию? Кто за этим стоит? Смили? По велению своей нечистой совести он действовал, что ли? Остается только одно — выгородить Лизу и Фидлера, взять вину на себя. Ему самому уже терять нечего — с ним покончено в любом случае. Но если спасти шкуру Фидлера, возможно, Лиза и выпутается. Как, черт возьми, они могли столько узнать? Он убежден, что за ним никто не следил, когда он добирался до дома Смили. А деньги? Как до них дошла эта история о том, что он якобы обчистил казну на Кембриджской площади? Эта версия была сочинена, так сказать, для «сугубо внутреннего употребления». В чем же дело? Что за чертовщина?
Сбитый с толку, злой, подавленный, он, задыхаясь, медленно проходил между рядами, словно шел на эшафот.

Перевела с английского С. ТАРТАКОВСКАЯ.

Окончание следует.

Александр
МЕЖИРОВ

БЛАГОДАРЕНЬЕ

* * *

Мог ли я предположить,
Что придется долго жить,
Что так долго будет длиться
Жизнь, и долго будет петь
Мне дарованная птица,
Закольцованная птица
Недопойманная в сеть.

* * *

Перечислил стенанья и высказал стоны,—
Необрезанный и некрещеный.

Ощущая присутствие Ездры,
вошел
В синагогу,
без шапки,
нарушив законы,—
В шапке,
в храм православный,
крестясь на иконы,
Но за иконостасом не виден престол,
И в алтарь не решился войти,
бос и гол,
Необрезанный и некрещеный.

В переулке крутом
к синагоге отверг приобщенье,
В белокаменном храме Христа,
над рекой
в воскресенье,—
отвергнул крещенье,—
Доморощенна вера твоя
и кустарны каноны,
Необрезанный и некрещеный.

1957

Проститутка смотрит хищно,
Пролетая на такси
Мимо окон Гранд-отеля,—
Ты мели, мели, Емеля,
Околесицу неси.

Фестиваль настанет скоро...
Ты, Емеля, не мели...
Этот город убивали,
Этот город вербовали,
Растлевали, как могли.

Сердцу не было отрады
На свободе взаперти,—
Малевал я фальшфасады
Вдоль железного пути.

Для своих и для приезжих —
Фестиваль и карнавал,—
Не жалея красок свежих
Фальшфасады малевал.

Все художники рискуют
Жизнью...
Господи, прости,
Почему они рисуют
Фальшфасады вдоль пути?

Почему, не понимаю,
И поэтому опять
Вдоль дороги начинаю
Фальшфасады малевать.

ИЗНУТРИ И ОТКУДА-ТО СО СТОРОНЫ

В чем же тайна Ахматовой?
В том, что в любовных признаньях,
В книгах «Вечер» и «Четки»,
в стихах, наиболее ранних,
В строчках
самых бессмертных,
почти что
из синей тетрадки,
Мысль какая-то
более общая скрыта
о миропорядке,
Рукомойника зазеленевшая медь,
как Эллада,—
Результат совмещенного взгляда
Изнутри
и откуда-то со стороны,
после встречи последней:
На себя
и на пыль золотую в передней.

АРМАГЕДДОН

Год русской смуты. Муторный и тяжкий.
Затмение души.
С трагическими лицами алкашки,
С тупыми алкаши.

В тени домов скользят как тень от тени,
Предвосхищая светопреставленье.

Весь ужас твоего существованья
И своего в тебе, как во хмелю,
Любовью сердце постоянно раня,
Как прежде, без взаимности, люблю.

За устремленность к гибели, за то, что
С тобою заодно,
Мне, хоть не знаю как, но знаю точно,
Погибнуть суждено.

Твой бред о протоколах и масонах
И прочих заговорщиках, внушенных
Тебе в ночах нетрезвых и зловонных
Усильем погубителей твоих
Определит в твоем сознаньи сдвиг,
И нас опять заставит гнить на зонах.

* * *

Из освещенных городов
Опять вернуться я готов
В район Солянки и Покровки,
В любимый мрак, в родную тьму,
К своей суме, в свою тюрьму
С отчетом по командировке.

Там, за стеклянными дверьми,
Торгуют водкой до семи...
И разговоры там такие,
Каких нигде не услыхать
На свете, кроме как в России,
Куда вернуться мне опять.

Ну, а пока живу на рю
И по-зулусски говорю,—
О разных случаях любых
С консьержкой в джинсах голубых,

На этот раз живу приватно,
Как будто нет пути обратно.

Под антресолями внизу
Хозяйка дома на газу
Бескофеинный кофе варит
И на машинке мягко шпарит
Ежеминутно десять фраз.
Но дело, в сущности, не в этом,
А дело в том, что в мире этом
На этот раз, на этот раз,
На этот раз живу приватно,
Как будто нет пути обратно.

БЛАГОДАРЕНЬЕ

Вашингтон
даже в пору зимы
почему-то купается в зное,
Даже в самом разгаре зимы
на прямых авеню
почему-то печет,
И огромный костел
уместился в окошке слепом,
небольшое
Уместило оконце мое
пламенеющей готики взлет.

Далеко от Христа
этот белый костел,
этот черный,
Негритянский, высокий, просторный,
Тесный от небывалого столпотворенья
Перед праздником Благодаренья.

Нынче службу впервые отслужит веселый
Черный ксендз.
Многонациональны костелы...

Слышу голос, усиленный в меру
Микрофоном.
Повсюду слышна
Речь ксендзá —
и меня удивляет она:
Не царя, не отечество славит,
не веру,
А условья парковки машин у костела,
которая категорически запрещена.

Неожиданный снег появляется над
Вашингтоном —
Прямо в зной.
Но пока не лежится ему на газоне зеленом,
На траве изумрудной, густой.

В то же время
в костеле
со всеми поющими встану
И услышу гитару, которая вторит органу,
Или наоборот.
И, раскачиваясь, пританцовывая вожделенно,
Весь костел за коленом выводит колено,
В духе битлзов поет.

Размышляю (быть может, наивно),—
Значит, Богу все это ничуть не противно,
Значит, Богу не чуждо и, может быть, даже
угодно,
Что его непослушные чада
и счастливо так и свободно
Под орган и гитару выводят псалмы.

. . . .

Вашингтон — это юг,
только тень, только промельк зимы.
(А зима — в Миннесоте, но ей неизвестно, какие
На нее возлагает надежды пришелец,
за все благодарный разнузданной
темной стихии.
Он печется смешно и беспомощно не о себе:
Может быть, Миннесота озерная примет участье
в судьбе,
Улыбнется последней любови его безответной,
Полуженщине, полуребенку с каким-то
мятежным лицом
В мире страшном, который находится
перед концом,
Приближающимся незаметно... заметно...)

Что вздыхаешь, пришелец, за все благодарный
равнинной степной стороне,
За которую кровь проливал на войне,
на полынной стерне,
Той, которую даже и в самом глубоком уныньи,
как запах горчайшей полыни,
Разлюбить и забыть не умеешь поныне.
Говорок воспаленный Вадима,
Татьяны покатые плечи.
Так зачем же, пришлец, душегубки мерещатся,
печи.

На груди у орла
геральдический
с изображеньем Георгия
щит,
Но помилуй мя, боже,
как в горле
опять от полыни горчит.

Плач младенческий
в пенье врывается нежно,
Потому что в костеле избыток тепла.
Между тем
на прямых авеню
неожиданно — снежно,
Пелена голубая бела
И на зелень газонов
не сразу,
но все же легла.
Наркоман обливается потом,
Но со всеми поет, пританцовывая.
Жизнь погибла земная... Да что там...
Обязательно будет иная. И Новая.

Ксендз кончает пастьбу,
и счастливое стадо
Возвращается с неба на землю,
испытывая торжество.
Все встают,
как у нас в СССР говорят,
и поют,
что бояться не надо
Ничего... ничего...

ТАМОЖНЯ

Таможня... Последнее препятствие в штурме сверкающей радужной сказки, отчасти существующей, отчасти любовно сложенной нашим воображением,— заграницы...

И не секрет, что в своем стремлении к ней мы подчас не совсем бескорыстны. А, собственно, что здесь такого — у них есть, у нас нет... Не достигли мы еще того уровня благосостояния, когда любуешься достопримечательностями чужой страны и совершенно не интересны витрины магазинов. На нищенский же обмен невозможно купить то, что так хочется, так нужно, так притягивает взгляд и будоражит нервы. Вопросы типа: попить пива или привезти жене колготки — лишают нашего туриста душевного равновесия. Но человеку свойственно находить выход и из более затруднительных положений...

Чоп — караван-сарай, табор, Вавилон, город, через который проходят пути в Югославию, Италию, Венгрию, Грецию и еще много куда. Именно здесь пассажиры поездов, идущих за границу, и автотуристы должны пройти таможенный досмотр: показать документы и, конечно, содержимое сумок и чемоданов. А их, мягко говоря, немало. Особенно при учете того, что для путешествия нужно не так уж много вещей, а подарков можно везти на тридцать рублей.

Но как же дешево все в нашей родной стране, если в эту сумму спокойно умещаются несколько кофемолок, пять-шесть комплектов белья, столовый сервиз, десятки наручных часов, часы с кукушкой (говорят, там сейчас в цене), утюги и кипятильники в большом количестве... Это набор стандартный, никого не удивляющий. Еще «в подарок» везутся бензопилы (отнюдь не по одной), цветные телевизоры и все-все натуральное: мясо, кофе и другие продукты, по которым мы иногда так скучаем. И, конечно, хлопок.

Таможенники просто не в силах досмотреть все эти с любовью собранные, щедрые «подарки». Теоретически все, что можно успеть,— это пройти длинную гусеницу поезда, спросить про икру и валюту и у некоторых пассажиров досмотреть верхний слой содержимого трещащих по швам сумок. Но таможенник прежде всего прекрасный психолог. Среди мелких «нарушителей», дрожащих из-за лишней простыни, почти безошибочно вылавливается человек,

которого досмотреть нужно... Это и опытные коммерсанты, добывающие хлеб поездками «туда» и обратно, и владельцы оружия и валюты в настораживающих количествах.

Спрашиваем начальника чопской таможни Юрия Андреевича Шляхту: а куда же девается товарное изобилие, изъятое при досмотрах? Он объясняет нам, что раньше, когда таможня подчинялась Министерству внешней торговли, все это поступало в магазины, а теперь, когда она находится в ведении Главного управления таможни при Совмине СССР, по идее, полагается устраивать аукционы, но нет нужной разворотливости и оперативности, аукционы устраиваются раз в полгода, а товаров огромное количество...

Как пришлось убедиться, жизнь у таможенников Чопа отнюдь не сахар. Во-первых, совершенно очевидно, что работа эта не для слабых нервов и не для среднего терпения: за год таможня пропускает более 6 миллионов человек, таможенный пост Тисса, который пропускает автотуристов, проходят около 2 миллионов автомобилей в год. Кстати, воздух в районе поста Тисса загрязнен в 20 раз больше, чем позволяет норма.

А еще, как вы, наверное, уже догадались, поезда и автомобили идут в любое время суток. Поэтому и спит таможенник не совсем тогда, когда ему хочется. Почему так много молодых инспекторов на таможне? Быстро меняется состав...

Попутно выясняется лестная для наших патриотических чувств вещь: оборудование наших таможен хоть и хуже, чем в западных странах, но превосходит аналогичное в восточноевропейских. Еще приятно удивило нас то, что таможенники свободно владеют несколькими иностранными языками. Например, Иосиф Комони, физик по образованию, решивший, что быть лаборантом — это не то, о чем он мечтал, и успешно работающий на таможне уже третий год, знает польский, чешский, венгерский. И что еще их отличает — неизменная, профессиональная вежливость ко всем, даже тем, кто вывозит страну — пусть маленькими кусочками...

Без трепета смотрю на изъятые бензопилы. Но на батарею новеньких утюгов, кофемолки, красивую и дешевую посуду, давно исчезнувшую из магазинов, спокойно смотреть не могу. Может, не стоит пытаться обмануть самих себя? Ведь совершенно очевидно, что, когда где-то становится больше, в другом месте убывает...

Ю. ВЕРНИКОВСКАЯ
Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Сергей ХРУЩЕВ

ПЕНСИОНЕР СОЮЗНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Воспоминания отца изданы на шестнадцати языках и читаются в мире уже семнадцать лет. Не существует только советского издания. И это при том, что у нас в архиве лежит полный текст: на магнитофонных бобинах более двухсот часов надиктованных материалов. За прошедшие 17 лет никто из официальных лиц не поинтересовался ими. Характернейший пример нашего долгого отношения к собственной истории — бездумного и наплевательского.

История создания этих воспоминаний, политиканская возня вокруг них властей предержащих полна самых неожиданных поворотов, едва ли не с первого дня работы отца над мемуарами и вплоть до выхода книги на Западе.

* * *

...Первые разговоры о мемуарах начались еще в 1966 году, когда отец стал поправляться после болезни. В то время никто, конечно, в том числе и отец, не представлял себе ни их содержания, ни объема, ни той роли, которую им суждено будет занять в нашей жизни. В тот момент нам хотелось переключить внимание отца на какое-то дело. Никому и в голову не могло прийти, какую бурю вызовет решение отца начать работать над своими воспоминаниями. Впрочем, отец был не первым, чье обращение к истории вызвало беспокойство.

В свое время «неистовые ревнители» от госбезопасности докладывали отцу, что маршал Жуков начал писать воспоминания. Они предлагали выкрасть их, помешать дальнейшей работе.

Отец отреагировал иначе:

— Ну и что? Пусть пишет. Сейчас ему делать нечего. Ничего не предпринимайте, пусть делает то, что считает нужным. Все это очень важно для истории нашего государства. Жукова освободили за его проступки, но это никак не связано ни с его предыдущей деятельностью, ни с сегодняшней работой над мемуарами.

Предлагая отцу заняться воспоминаниями, мы резонно рассчитывали на такую же позицию, то же отношение «в верхах». Но не тут-то было...

На наши разговоры отец поначалу не реагировал, иногда отшучивался, но чаще отмалчивался. Не было даже его обычного: «Не приставайте!»

Шло время, жизнь входила в новую колею. Как-то муж Юли — журналист Лева Петров снова завел разговор о мемуарах. Для затравки мы решили соблазнить отца положительным примером — приохотить его к чтению мемуарной литературы. К тому времени я активно включился в эту деятельность. Разыскал и привез мемуары Черчилля и де Голля. Увы, усилия наши эффекта не дали.

Дни шли за днями. Почти все, с кем теперь встречался отец, знакомые и незнакомые, в разговоре обычно задавали вопрос, пишет ли он свои воспоминания. Услышав отрицательный ответ, начинали сокрушаться, в один голос убеждая отца, что это — преступление, ведь его память содержит уникальные факты, которые должны стать достоянием истории.

В конце концов дело сдвинулось с мертвой точки: в августе 1966 года Лева привез магнитофон, и отец начал диктовать. Стояла теплая погода. Они вдвоем садились в саду и приступали к разговору.

Плана мемуаров не было, поскольку грандиозности этой работы мы не могли даже вообразить. Да и, по сути дела, это была еще не работа, а лишь прикидка, просто запись рассказов отца, которыми он так щедро делился с посетителями. Но продолжалось так недолго. Работа из любительской быстро стала превращаться в профессиональную. Сначала отец не хотел диктовать в доме из-за прослушивающей аппаратуры. На первых пленках его слова часто заглушаются ревом пролетающих самолетов. Впоследствии он плюнул на прослушивание и продолжал диктовать в помещении.

Первая запись посвящена кубинскому кризису. Тогда это была недавняя история. Всех волновало драматическое развитие событий, едва не приведших к столкновению двух держав. Да и сегодня они не потеряли своей актуальности. Лева настойчиво просил рассказать именно об этом историческом эпизоде.

Он забрал пленку домой, расшифровал ее и через неделю привез отредактированную запись. Отцу она не понравилась. Лева не обработал запись, а, слушая магнитофон, по сути дела, переписал все заново. То есть это был уже как бы не Хрущев, а Петров по мотивам Хрущева. Пропали оттенки, в корне изменился стиль, а изложение некоторых фактов оказалось искаженным до неузнаваемости.

Публикация отрывков «Воспоминаний» Никиты Сергеевича Хрущева вызвала большой читательский отклик. Мы благодарим всех, кто нашел возможность написать нам. Среди множества вопросов, задаваемых читателями, пожалуй, самым распространенным был вопрос о подлинности этого повествования. «Насколько я помню, — пишет нам товарищ Б. Могилянский из Одессы, — в начале 70-х годов в печати публиковалось заявление Н. С. Хрущева, в котором он отказался от своего авторства?» Об этом письме напоминают нам и товарищ Щеглов из Москвы, читательница Венгерова из Стерлитамака и многие другие. Чтобы развеять всякие сомнения в подлинности «Воспоминаний», мы предлагаем читателям «Огонька» еще один фрагмент записок Сергея Никитича Хрущева «Пенсионер союзного значения». Он посвящен истории создания мемуаров Н. С. Хрущева. Полностью книга «Пенсионер союзного значения» будет выпущена в этом году издательством агентства печати «Новости».

Отдел публицистики

Нужно сказать, что работать с изначальным текстом отца сложно. Диктовка — не разговор и не выступление, где Хрущев интересно, образно излагает свои мысли. Это результат многочасового сидения один на один с микрофоном. А вращение катушки к тому же торопит, диктует свой темп. Поневоле начинаешь спешить, нервничать. Появляется много сорных слов, то пропадает сказуемое, то теряется подлежащее, то слова встают не в должном порядке. При редактировании надо все собрать, не исказив текст, сохранив смысл и нюансы. Это требует огромного терпения и времени. Куда легче и быстрее все переписать своими словами. Так Петров и поступил.

Забегая вперед, скажу, что вскоре вся работа по расшифровке и редактированию свалилась на меня. Я успел обработать 1500 машинописных страниц. Постепенно выработался определенный темп. За день, не разгибаясь, оказалось возможным обработать не более 10 страниц. И хотя я очень старался, результаты, по мнению отца, были не слишком удачны.

...Прочитав расшифрованный текст, отец категорически забраковал редакцию Левы. Теперь ему стала помогать мама. Она умела печатать на машинке, одновременно редактируя текст. Дело пошло лучше, качество повысилось, но скорость продвижения работы отца не устраивала: до конца жизни в таком темпе обработать текст не представлялось возможным.

Тогда-то к работе над мемуарами подключился и я. Первоначально предложил отцу обратиться в ЦК и попросить выделить в помощь машинистку и секретаря.

— Ведь это не частное дело. В мемуарах должен быть заинтересован ЦК. Это история,— убеждал я его.

Обращаться к начальству он отказался:

— Не хочу их ни о чем просить. Сами предложат: не откажусь. Но они не предложат: мои воспоминания им не нужны. Только помешать могут.

Решили, что работать будем сами и помощи просить не станем. Сразу возникли новые проблемы, и первая из них: где найти доверенную и опытную машинистку? Ведь нужна была уверенность, что материалы не пропадут и не попадут в чужие руки. Задача представлялась не из легких. Своими сомнениями я поделился с друзьями — Семеном Альперовичем и Володей Модестовым. Обсудив ситуацию, мы нашли кандидатуру — Леонору Никифоровну Финогенову. Она тогда работала у нас на предприятии в выпускном цехе, часто выезжала с нами в командировки на полигоны. Отличный специалист и честнейший человек. Я подкатился к ней с этим предложением, и Лора согласилась. Осталось решить технические вопросы. Машинку я купил в магазине на Пушкинской улице. Четырехдорожечный магнитофон «Грюндиг» у меня был. Мы только приспособили к нему наушники. Работать решили у меня на квартире, поскольку я считал невозможным выпустить пленки из своих рук.

Помню, осенним вечером, видимо, 1967 года, Лора пришла ко мне домой на улицу Станиславского. Долго приспосабливали магнитофон и машинку, чтобы было удобно включать-выключать звук и синхронно печатать. Опыта такой работы ни у нее, ни у меня не было.

Все это обустройство заняло много времени.

Наконец все устроилось и работа началась.

Несмотря на свою высокую квалификацию, Лора явно отставала от текста. Дело усугублялось тем, что некоторые слова звучали неотчетливо. То и дело приходилось останавливаться, возвращаться назад. Через час стало ясно, что так ничего не выйдет. В таком режиме можно напечатать несколько десятков, на худой конец сотню страниц. У нас же впереди многие сотни и даже тысячи. Мы приуныли.

Время незаметно подкатилось к ночи. Для первого раза мы решили остановиться.

Пошли пить чай. Разговор все время вертелся вокруг волновавшей нас темы. Выхода не было — работу приходилось переводить на дом к Лоре, поскольку там у нее будет больше времени.

В тот начальный момент работы над мемуарами те, «кому следовало», пока еще не интересовались нашими персонами и перебазирование оргтехники в Реутово не привлекло постороннего внимания.

С того дня дело пошло быстрее. Отец диктовал по нескольку часов в день. Лора печатала быстро и все-таки не успевала за ним. Я совсем задыхался. Редактировал, правил каждую свободную минуту дома и на работе, в будни и в выходные, с утра до позднего вечера. Но, как бы то ни было, я не поспевал за ними и все же торопил Лору, боясь, что мы не успеем. Опыт подсказывал: не может все идти так гладко.

Отец диктовал по памяти, не пользуясь никакими источниками. И даже не потому, что подбор литературы был затруднен чисто технически. С этим я бы кое-как справился. Но отец привык к живой практической работе с людьми и «рыться не имел охоты в хронологической пыли бытописания земли». Надеялся он только на себя, на свою память, и, нужно признать, она у него была феноменальна.

Как он мог удержать в голове такое количество информации: событий, мест, имен, цифр? И донести их до слушателя почти без повторов и путаницы.

Постепенно отец привык к работе со мной, и в тексте диктовки все чаще появлялись обращения ко мне:

— Я говорил о поездке в Марсель и забыл фамилию сопровождавшего меня правительственного чиновника. Сейчас вспомнил — Жокс. Я правильно его назвал? Да, да, Жокс. Когда будешь править, вставь в нужном месте.

Или:

— На съезде Болгарской компартии ко мне подошел член румынской делегации, забыл его фамилию (далее следует описание его внешности). Надо посмотреть и вставить фамилию.

Требовали проверки номера армий в военном разделе. Ошибок тут было немного. На удивление, отец был точен. Это можно объяснить одним: события тех лет глубоко врезались в память. Верны были в основном и цифры, и имена, и даты.

Путаница начиналась, когда он по памяти пытался восстановить последовательность событий во время какого-нибудь государственного визита. Так было, скажем, с рассказом о поездке с Булганиным в Бирму в 1955 году. Отец пытался восстановить, кто и где их принимал, откуда и куда они поехали. Нормальный человек вообще таких вещей не помнит, а отец держал канву в памяти, безбожно путая, в каком городе их встречали национальной греблей, а в каком — парадом со слонами. Расставить все по местам предоставлялось мне, сверяя с опубликованными в прессе отчетами.

Работы было много. Отец работал серьезно, помногу. Он диктовал по три — пять часов в день — утром и после обеда.

— У меня лучше получается, когда есть слушатель. Видишь перед собой живого человека, а не дурацкий ящик,— не раз сетовал он.

Однако слушатели находились далеко не всегда. Правда, когда они появлялись, а это обычно были старые знакомые, пенсионеры, приезжавшие на неделю или побольше, дело шло быстрее и лучше.

Тогда на пленке слышен был диалог. Наедине же с ящиком речь становилась менее живой, с запинаниями, долгими паузами.

Наиболее продуктивно отцу работалось осенью и зимой. Но летом на первый план выдвигались огородные дела, и диктовка велась урывками.

К каждой теме отец серьезно и подолгу готовился, обдумывая во время прогулок, что и как сказать. Наиболее драматические события жизни врезались в память намертво. Пересказывал он их по многу раз. Сюда относятся и поражение под Барвенковом в 1942 году, и арест Берии, и смерть Сталина, и XX съезд, и другое. В рассказах о них он практически не отклонялся ни на шаг от первоначального варианта, и рассказ 1960 года звучал так же и в 1967 году, хотя отец и жаловался:

— Старею, память начинает отказывать.

Надиктовывая километры магнитной ленты, отец все больше мучился: какая же судьба ждет его воспоминания?

— Напрасно все это. Пустой труд. Все пропадет. Умру я, все заберут и уничтожат или так похоронят, что и следов не останется,— не раз повторял он во время наших воскресных прогулок.

В доме мы на эти темы никогда не разговаривали, памятуя о лишних ушах.

Я успокаивал отца как мог, хотя в душе склонен был согласиться с ним. Я понимал, что если сегодня все тихо, это вовсе не значит, что так будет всегда.

На всякий случай мы решили подстраховаться: продублировать пленки и текст и хранить их отдельно в надежных местах. Казалось бы, проблема решена, но мы с отцом слишком хорошо знали возможности профессионалов в таких делах. Абсолютно надежных мест не бывает. Во время одной из бесед на прогулке нам пришла идея поискать сохранное место за границей. Отец сначала сомневался, опасаясь, что там рукопись выйдет из-под контроля, может быть искажена и использована во вред нашему государству. С другой стороны, сохранность там обеспечивалась надежнее. После долгих взвешиваний «за» и «против» отец все-таки попросил меня обдумать и такой вариант. Естественно, это решение мы хранили в строжайшей тайне. Но, честно говоря, в те дни я не представлял себе даже приблизительного плана действий...

Что же составляло предмет работы?

С самого начала отец заявил, что не собирается описывать свою жизнь, начиная с детства. Хронологических повествований он терпеть не мог, они навевали на него тоску.

— Я хочу рассказать о наиболее драматических моментах нашей истории, свидетелем которых мне пришлось быть. В первую очередь о Сталине, о его ошибках и преступлениях. А то я вижу, опять хотят отмыть с него кровь и возвести на пьедестал. Хочу рассказать правду о войне. Уши вянут, когда слушаешь по радио или телевизору жвачку, которой пичкают народ. Надо сказать правду,— так сформулировал он свою программу.

Поначалу он не собирался освещать период своей службы на высших партийных и государственных постах, считая это то ли нескромным, то ли ненужным по каким-то неведомым мне причинам. Я доказывал, что его собственная жизнь, события, происходившие после Сталина, не менее интересны и важны для истории. Отец не возражал, отмалчивался. Да и в то время этот спор был беспредметен: он только приступил к выполнению намеченного. Начал отец с тридцатых годов, с периода своей работы на Украине и в Москве.

Потом он перешел к подготовке к войне, ее трагическому началу, рассказал об отступлении под ударами немцев. То, что он говорил, сильно расходилось с официально признанной в то время версией истории первого периода войны, с многочисленными весьма сомнительными публикациями на эту тему. Его же описания трагических и героических событий 41-го года поражали меня как читателя. Я старался не упустить ни слова, ни в коей мере не исказить мысли автора. Для меня отец был единственным правдивым источником информации. И теперь сохранение этих воспоминаний для будущих поколений становилось делом моей жизни.

За войной последовал послевоенный период: восстановление хозяйства на Украине, голод, интриги, появление в Киеве Кагановича и его отзыв оттуда, перевод отца в Москву, «ленинградское дело», несостоявшееся «московское дело» и многое другое.

Материала накопилось чрезвычайно много. Мы стали невольно путаться: о чем был разговор, о чем не был?.. Решили как-то упорядочить работу. Целую неделю я составлял план — своеобразный перечень вопросов, о которых, на мой взгляд, следовало говорить в первую очередь. В воскресенье мы его обсудили, отец забрал листочки себе, чтобы обдумать на досуге.

Через неделю у нас был первый вариант плана. По нему и работали в последующие годы, вычеркивая выполненные пункты, а то и вписывая новые, изначально забытые.

Предполагалось осветить все основные моменты современной жизни: целину и проблемы сельского хозяйства, развитие промышленности, пути реорганизации народного хозяйства, вопросы обороны — формирования армии и военной промышленности, способы демократизации нашего общества, проблему отношений отца с интеллигенцией. Не забыли мы и международные дела: борьбу за мир, первые встречи с западными государственными деятелями в Женеве, различные контакты и визиты, проблему установления мирного сосуществования, вопросы разоружения и запрещения ядерного оружия.

Хотя отец работал по плану, но в силу своего характера очень часто увлекаясь, он уходил далеко в сторону, по ассоциации вспоминая о событиях, далеких от заданной в плане темы. К сожалению, не все намеченное удалось реализовать. Так и остались незафиксированными мысли отца о путях демократизации нашего общества, его идеи об установлении предельных сроков пребывания на государственных и партийных постах, о выборности и гласности работы государства и партии, установлении конституционных гарантий прав граждан, исключающих повторение террора тридцатых годов.

Не получился и раздел о творческой интеллигенции, в котором отец хотел дать оценку событиям, происходившим в последний период его пребывания у власти. Очень ему хотелось объяснить источники своего поведения. Но... времени не хватило... Последняя запись незадолго до смерти была как раз посвящена этому вопросу, но оставила его неудовлетворенным...

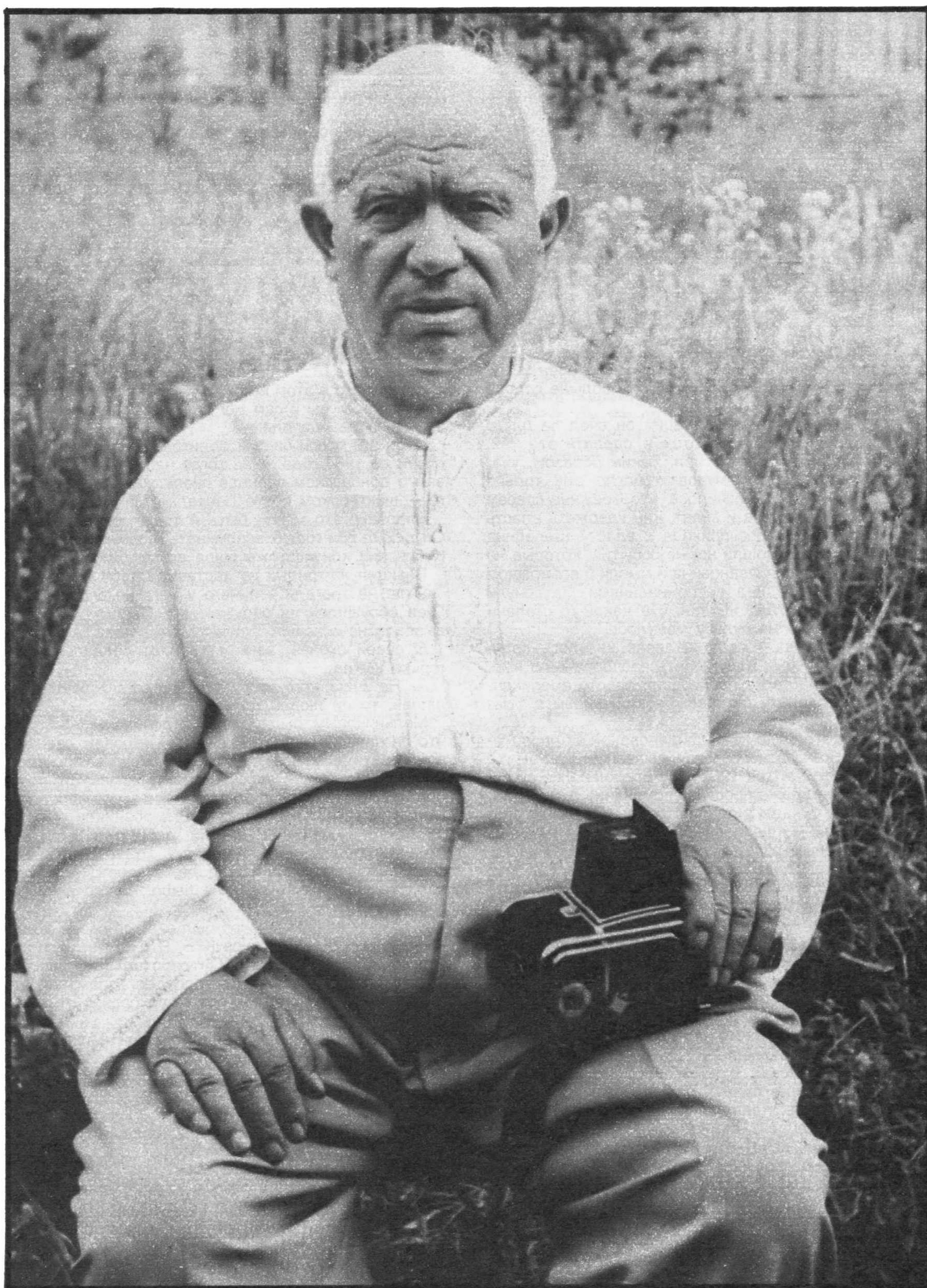
И хотя не все задуманное было реализовано, все же сделано было многое. Общее время надиктованных материалов приближается к двумстам часам. Вообще работа велась слаженно и продуктивно. Наша троица хорошо сработалась.

Ну, а куда же делись многочисленные в нашей семье журналисты? О Леве Петрове я уже говорил. Он и дальше помогал отцу. Правда, длилось это сотрудничество недолго. Он неизлечимо заболел, и вскоре его не стало. Юля занималась своими маленькими дочерьми, да и по профессиональному складу она была далека от политической журналистики.

Рада в мемуарные дела не вмешивалась. Делала вид, что их просто не существует — ни магнитофона, ни распечаток. Она всецело была занята журналом. В свои не слишком частые наезды в Петрово-Дальнее она уютно устраивалась на диване под картиной, изображающей разлив весеннего Днепра. Там она вычитывала гранки, правила статьи для «Науки и жизни». Рядом с ней блаженствовала кошка. Отец обижался на такое невнимание к его деятельности.

К тому времени я втянулся в этот прежде незнакомый мне труд, увлекся им, считал работу над мемуарами своим делом. Я постоянно думал о них, приставал к отцу с предложениями и советами. Мне мерещились красиво изданные тома.

Так что ко всякому вмешательству в мою новую

епархию я бы отнесся ревниво, как к вторжению непрошеного гостя. Потому-то индифферентность сестры меня устраивала.

Особое отношение у отца было к Алексею Ивановичу. Видимо, поначалу именно с ним он связывал свои надежды, видя в нем основного помощника. Это было вполне естественно. В недавнем прошлом Аджубей постоянно сопровождал отца в поездках, вместе с другими видными журналистами входил в рабочую группу при Первом секретаре, помогавшую отцу в составлении его выступлений, документов, проектов новых законов. Да и сам он, бывший главный редактор газеты «Известия», много писал, считался способным журналистом. Теперь они оба в опале, и кому, как не зятю, помочь тестю в его литературной деятельности.

Поначалу все шло к тому. Алексей Иванович активно поддерживал идею работы над мемуарами. Правда, сам помощи пока не предлагал, но в то время дело только начиналось. Со временем его отношение стало меняться. Упоминать о мемуарах он перестал, разговоров о них с отцом стал избегать.

Видимо, он решил проявить осторожность, поскольку развитое политическое чутье подсказывало ему опасность такого сотрудничества. В те годы, в середине шестидесятых, Алексей Иванович еще не потерял надежд на возобновление политической карьеры.

Он несколько отошел от шока после (1964 г.) Пленума ЦК и теперь искал путей возвращения к активной деятельности.

Все свои надежды он связывал с Шелепиным. Еще недавно совсем было поникший Алексей Иванович снова расправил плечи.

Приезжая в Петрово-Дальнее, он вызывал то одного, то другого на улицу и таинственно сообщал:

— Скоро все переменится. Леня долго не усидит, придет Шелепин. Шурик меня не забудет, ему без меня не обойтись. Надо только немного подождать.

Действительно, такие слухи циркулировали во множестве, и этот вариант развития событий вовсе не казался невероятным.

Аджубей подкреплял свои слова ссылками на разговоры со своими приятелями по комсомолу, кивая то на Григоряна, то на Горюнова. Однажды даже таинственно сообщил, что встречался с самим Александром Николаевичем.

Я и верил, и не верил этим словам. В одном я не сомневался: без Хрущева Аджубей Шелепину не нужен.

Можем ли мы осудить Алексея Ивановича за его стремление вернуться на политическую арену? Думаю, нет. Ведь ему тогда было чуть больше сорока лет.

Естественно, в такой ситуации он счел за благо несколько отдалиться от отца и сделать это так, чтобы этот его шаг заметили. Таким образом, участие в работе над мемуарами могло ему только навредить. Вскоре выяснилось, что Брежнев совсем не переходная фигура и знает, как удержать власть в своих руках. Вопрос прихода к власти Шелепина отпал, но тут произошли новые события, которые не оставили у Алексея Ивановича и мысли о возможном участии в работе над воспоминаниями. Затронули они всех нас, и отца, и меня, и в какой-то степени оказали влияние на судьбу мемуаров.

Летом 1967 года, когда о Хрущеве, казалось, прочно забыли, его имя вдруг опять взбудоражило мир. Ничего особенного не произошло, просто американцы решили сделать биографический фильм о бывшем советском лидере.

У нас же это было квалифицировано как провокация, почти как антисоветская вылазка.

А дело в том, что к 1967 году Брежнев уже с трудом переносил даже простое упоминание о Хрущеве. Люди такого склада, с одной стороны, добрые и слабые, с другой — тщеславные, по-особому относятся к своим дурным поступкам, по-своему переживают их. Совершив что-то подобное, они переносят всю свою ненависть на жертву, пытаясь тем самым доказать и себе, и окружающим собственную правоту.

Упоминание имени отца в какой-то степени мешало и упрочению его собственной роли в истории, ведь многое из того, что в тот момент приписывал себе Леонид Ильич, началось задолго до него, со временем все ощутимей теряя набранный поступательный ход.

Естественно, подобные настроения начальства передавались и подчиненным.

В этой обстановке и разразился скандал после выхода на Западе фильма о Хрущеве.

Фильма у нас в стране пока никто не видел, была только информация о нем. Говорили, что он построен на съемках на даче, отец в нем дает несколько интервью, одно страшнее другого. Мне удалось посмотреть этот фильм, к сожалению, уже после смерти отца.

Как и следовало ожидать, ничего сенсационного или крамольного в нем не было. Фильм построен исключительно на архивных материалах, фото- и кинодокументах.

Так начинались мемуары.

Весь сыр-бор разгорелся из-за двух-трех минут в конце: там показывают отца, сидящего в накидке у костра, рядом пес Арбат. Отец что-то рассказывает. Звучание голоса приглушено, на него наложен дикторский текст — что-то о годах юности, потом о Кубе... Я уже писал, что таких сцен у костра было множество.

Я, в свою очередь, занимался киносъемкой и постоянно таскал с собой 8-миллиметровую камеру. Многие из гостей тоже приезжали с фотоаппаратами и кинокамерами. Я уж не говорю об отдыхающих из соседнего дома отдыха: фото с отцом на память входило в «культурную программу». При желании пленки легко могли попасть за рубеж. Ничего предосудительного в этом не было. Скажем, если бы меня попросили, я бы и сам мог снять этот фрагмент. Но это были не мои пленки.

В тексте могли быть использованы фрагменты записей до 1964 года: отец тогда частенько рассказывал о донбасском периоде своей жизни, своем друге — шахтерском поэте Пантелее Махине.

Впрочем, это могли быть и современные записи. Он любил при гостях вспоминать о своей молодости. Кубинский кризис тоже была его любимая тема.

Реакция на фильм не заставила себя ждать.

Отца не трогали и ничего у него не спрашивали. Гнев обрушился на окружающих. Первым на ковер вызвали начальника охраны Мельникова.

О своей охране, изнывающей от безделья, отец горько шутил:

— Не знаю, кого от кого охраняют, то ли меня от людей, то ли людей от меня.

Мельниковым были давно недовольны. Считали, что он слишком «прохрущевский» человек, старается угодить ему во всем, в чем может, помогает, словом, делает все, чтобы скрасить жизнь. Его поведение было не в духе времени. Фильм явился хорошим поводом для расправы. Его обвинили в потере бдительности: как он мог допустить интервью отца иностранному журналисту? То, что никакого, не только иностранного, но даже советского, журналиста на даче ни разу не было, никого не интересовало.

В результате Мельников был снят со своей должности и уволен из органов КГБ. Я с ним встретился только через много лет. Он работал комендантом в доме отдыха, постарел, поседел, плохо видел. А последний раз я видел его на похоронах отца. Он пришел проститься.

Место Мельникова занял Василий Михайлович Кондрашов — совсем другой человек, более современный работник. По мелочам он старался уколоть отца, на его просьбы стандартно отвечал, что узнает у начальства.

Через несколько дней обычно следовал ответ:

— Нельзя. Вам не положено.

На огороде теперь никто, кроме нас, отцу не помогал. Кондрашов строго следил, чтобы охрана соблюдала запрет. Прогуливаясь по дорожке, он наблюдал, как отец таскает трубы и доски, пилит их, мастерит свои нехитрые сооружения.

Возможно, это и не было чертой его характера: просто он строго выполнял инструкции, памятуя о судьбе своего предшественника. Замена начальника охраны должна была, по замыслу авторов этой акции, очевидно, предостеречь отца, демонстрируя, в чьих руках сегодня и сила, и власть. Однако отец сделал вид, что происшедшие изменения его не касаются. Даже в разговорах с нами он почти не касался этой темы. На работу над мемуарами эта акция властей влияния не оказала. Отец не только не забросил диктовку, но работал с удвоенной энергией.

Пик работы над мемуарами пришелся на зиму 1967/68 года. Брежнев к тому времени уже набрал силу и начал очень внимательно следить за отражением своей личности в зеркале истории. «Малая земля» и «Возрождение» были еще, видимо, в отдаленных планах, но первые ростки нового культа уже поднимались...

Донесение, что Хрущев диктует свои мемуары, чрезвычайно обеспокоило Леонида Ильича. Оставалось неясным одно: как заставить отца прекратить работу?

Рассматривались, наверное, разные варианты.

Устроить обыск на даче? Изъять записи силой? Нельзя. Скандала не оберешься. Прославишься на весь мир держимордой, а Хрущева выставишь мучеником.

Что же делать? Оставалось встретиться с Хрущевым и убедить его прекратить писать мемуары, а что есть — отдать в ЦК. Не удастся убедить — заставить. Припугнуть в конце концов.

Самому встречаться с бывшим патроном Брежневу не хотелось. Хватило встречи в 1965 году.

Вызвать к себе Хрущева, провести с ним беседу и попытаться покончить с мемуарами Брежнев поручил Кириленко, своему первому заместителю в ЦК. Этот спуску никому не даст. К нему присоединили Пельше, председателя КПК, чтобы он оказал давление одним своим присутствием: с Комитетом партийного контроля не шутят. Третьим был Демичев. Он в прошлом был близок Хрущеву, так что при необходимости сможет разрядить обстановку, а то и убедить Хрущева не делать глупостей.

Примерно такое решение было принято весной 1968 года. Оставалось действовать.

В апреле 1968 года, накануне дня рождения отца, я, как всегда, на выходные приехал в Петрово-Дальнее.

Отца в доме не было. Мама сказала, что он пошел на опушку посидеть на солнышке.

— Отец очень расстроен. Вчера его вызывали в ЦК. Кириленко требовал прекратить работу над мемуарами, а что есть — сдать. Отец разнервничался, раскричался там, вышел большой скандал. Он сам тебе все расскажет,— продолжила она,— только ты к нему особенно не приставай. Он сильно перенервничал и плохо себя чувствует.

Расстроенный, я отправился вниз по тропинке. На лавочке сидел отец. Рядом лежал Арбат. Отец не заметил, как я подошел, а когда я молча сел рядом, не сразу повернул голову. Мы молчали. Отец выглядел усталым, лицо его посерело и постарело.

Повернувшись ко мне, он спросил:

— Ты уже знаешь? Мама тебе рассказала?
Я кивнул головой.

— Мерзавцы! Я сказал все, что о них думаю. Может быть, хватил лишнего, но ничего, это пойдет им на пользу. А то они думают, что я буду перед ними ползать на брюхе.

Я решил внести ясность.

— Мама мне практически ничего не рассказала. Только то, что тебя вызывал Кириленко и требовал прекратить работу над мемуарами.

— Так и было. Каков мерзавец,— повторил отец и начал рассказывать. По мере рассказа лицо его оживало, глаза стали злыми, видно было, что он заново переживает каждую фразу, каждую реплику.

Я помнил, что отец плохо себя чувствует, и попытался перевести разговор, как-то успокоить его.

Но отец не хотел отвлекаться. Он кипел от возмущения и пересказал мне возмутительную сцену, происшедшую в ЦК, до конца. Впоследствии он неоднократно возвращался к событиям того дня.

Я хорошо запомнил всю эту историю и даже сделал по свежим следам какие-то заметки.

Вот как выглядел его рассказ.

В кабинете Кириленко сидели, кроме хозяина кабинета, Пельше и Демичев.

Кириленко сразу перешел к делу, без обычных в таких случаях вопросов о самочувствии.

Он заявил, что Центральному Комитету стало известно, что отец уже в течение длительного времени пишет свои мемуары, в которых рассказывает о различных событиях истории нашей партии и государства. По сути дела, он переписывает историю партии. А вопросы освещения истории партии, истории нашего Советского государства — это дело Центрального Комитета, а не отдельных лиц, тем более пенсионеров.

Политбюро ЦК требует, чтобы он прекратил свою работу над мемуарами, а то, что уже надиктовано, немедленно сдал бы в ЦК.

Закончив речь, Кириленко обвел глазами присутствующих — видно было, что заявление стоило ему немалого труда. Пельше и Демичев молчали. Кириленко достаточно долго проработал с Хрущевым на Украине, в Свердловске и здесь, в Москве, будучи его первым заместителем в Бюро ЦК по РСФСР, он знал взрывной характер отца и понимал, какое оскорбление нанесено его словами человеку, четыре года назад занимавшему посты Первого секретаря ЦК и Председателя Совета Министров СССР.

Он, очевидно, надеялся, что новое положение пенсионера, даже в мелочах зависящего от них, сделает отца более покладистым и сговорчивым. Заставит подчиниться.

Отец помолчал, потом оглядел своих бывших соратников. В ответ он начал говорить спокойно, но все больше и больше распаляясь.

Он сказал, что не может понять, чего хотят от него Кириленко и те, кто его послал. В мире и в том числе в нашей стране мемуары пишет огромное количество людей. Это нормально. Мемуары являются не историей, а взглядом каждого человека на прожитую им жизнь. Они дополняют историю и могут служить хорошим материалом для будущих историков нашей страны и партии. А коли так, он считает их требование насилием над личностью советского человека, противоречащим Конституции, и отказывается подчиниться,— сухо закончил он.

— Вы можете силой запрятать меня в тюрьму или силой отобрать эти материалы. Все это вы сегодня можете со мной сделать, но я категорически протестую,— добавил он.

— Никита Сергеевич, то, что я вам передал,— решение Политбюро ЦК, и вы обязаны, как коммунист, ему подчиниться. В противном случае...— настаивал Кириленко.

Отец не дал ему договорить.

— То, что вы позволяете себе в отношении меня, не позволяло себе правительство даже в царские времена. Я помню только один подобный случай. Вы хотите поступить со мной так, как царь Николай I поступил с Тарасом Шевченко, сослав его в солдаты, запретив там писать и рисовать.

Вы можете у меня отобрать все: пенсию, дачу, квартиру. Все это в ваших силах; и я не удивлюсь, если вы это сделаете... Ничего, я себе пропитание найду. Пойду слесарить, я еще помню, как это делается. А нет, так с котомкой пойду по людям. Мне люди подадут. А вам никто и крошки не даст. С голоду подохнете.

Понимая, что Хрущев с Кириленко говорить не будет, в разговор вмешался Пельше, сказав, что решение Политбюро обязательно для всех, и для отца в том числе. Этими мемуарами могут воспользоваться враждебные силы.

Это было ошибкой со стороны Пельше.

— Вот Политбюро и выделило бы мне стенографистку и машинистку, которые записывали бы то, что я диктую. Это нормальная работа. Они могли бы делать два экземпляра — один оставался бы в ЦК, а с другим бы я работал,— более спокойно сказал отец, но, вспомнив о чем-то, с раздражением добавил: — А то, опять же в нарушение Конституции, утыкали всю дачу подслушивающими устройствами. Сортир и тот не забыли. Тратите народные деньги на то, чтобы пердеж подслушивать.

Всем стало ясно, что миссия провалилась, добровольно отец ничего не отдаст и разговор надо заканчивать.

На прощание отец сказал, что он, как гражданин СССР, имеет право писать мемуары и это право у него они отнять не могут. Его записки предназначены для ЦК, партии и всего советского народа. Он хочет, чтобы то, что он описывает, послужило на пользу советским людям, нашим руководителям и государству. Пусть события, которым он был свидетелем, послужат уроком в нашей будущей жизни.

На этом и закончился второй после отставки, но, к сожалению, не последний визит отца в ЦК.

Свидание это выбило отца из колеи. Он переживал, опять и опять возвращаясь к обстоятельствам разговора.

Диктовку отец забросил, возобновляя работу лишь эпизодически. В 1968 году он продиктовал очень мало. Так что в этом смысле Кириленко добился желаемого результата.

Снова отца мучила та же проблема: зачем все это?

В наших разговорах во время прогулок вдали от микрофонов, фиксирующих каждое слово, он опять стал повторять:

— Бессмысленное занятие. Они не успокоятся. Я их знаю. Сейчас не посмеют, а умру — все заберут и уничтожат. Я же вижу, что происходит сегодня. Им правдивая история не нужна.

Я его успокаивал, но сам успокоиться не мог. Надо было отыскать способ, позволявший надежно сохранить материалы до лучших времен. Все возможные варианты хранения пленок и распечаток внутри страны не были абсолютно надежны. Как только за поиски возьмутся профессионалы, а они есть в избытке, все наши дилетантские секреты будут раскрыты.

В обсуждениях с отцом судьбы мемуаров мы вернулись к мысли о надежном укрытии рукописи за границей. Тогда же впервые возник разговор, что в случае чрезвычайных обстоятельств или изъятия материалов в качестве ответной меры их нужно будет опубликовать.

Публикация окончательно решала проблему их сохранности и, естественно, сильно уменьшила бы стремление отобрать и уничтожить материалы. Что, спрашивается, искать, если книгу можно просто купить в магазине? Ведь весь тираж не скупишь. Никаких секретных фондов не хватит — на Западе дефицита с бумагой нет.

Несколько успокоившись после бурной беседы в ЦК, отец принялся за огород. Приближался май, пора было готовиться к посевной.

Тем временем мне удалось нащупать пути передачи копии материалов за рубеж. Дело оказалось проще, чем я представлял себе.

Однако, кроме технического, был и моральный аспект. Шел уже не 1958 год, но еще далеко не 1988-й.

Всего десять лет назад метались молнии в Пастернака, передавшего свою рукопись итальянскому издателю. Недавно осудили Синявского и Даниэля. Отец не одобрял этого судилища, но... В голову приходили и более далекие события, вспоминалось письмо Раскольникова, обнажившее ужасы сталинского режима. Не будь оно опубликовано во Франции, мы бы многого тогда не узнали.

Ну, а письма и статьи В. И. Ленина? Они ведь тоже часто публиковались за границей.

Тем не менее стереотип был силен: коль скоро книга опубликована на Западе — это жест враждебный.

Отец был смелее меня, считая, что мемуары Первого секретаря ЦК — это исповедь человека, отдавшего свою жизнь борьбе за Советскую власть, за коммунистическое общество.

В них правда жизни, предостережения, факты... Они должны дойти до людей. Пусть сначала там, но когда-нибудь и здесь. Конечно, наоборот было бы лучше, но как дожить до этих времен?..

Решившись на этот шаг, мы фактически переходили от легальной деятельности к нелегальной. Мне было немного не по себе. Неизвестно, чем это могло кончиться: арестом, ссылкой? Думать о последствиях не хотелось, надо было действовать.

Многие из тех, кто принимал участие в этом деле, живы, и я сейчас еще не могу опубликовать детали, подробности, назвать имена наших добровольных помощников. Хочу только выразить искреннюю признательность всем, кто помог и сохранить, и опубликовать воспоминания моего отца.

...Итак, материалы — пленки и распечатки — пересекли несколько границ и нашли надежное пристанище за стальными дверцами сейфа.

Следом встал новый вопрос. Материалы там в сохранности, но, если что-то случится с нами, добраться до них не будет никакой возможности, и они могут пролежать без всякой пользы столетия.

А ведь диктуются они не впрок, в них размышления о наших победах и поражениях, наших успехах и наших ошибках, и предназначены они для наших современников. Это «товар» скоропортящийся, не подлежащий длительному хранению. Сказанное там принесет пользу, если люди прочитают заметки сейчас, в наших условиях. Так думал я в то время и оказался не прав. Период застоя вычеркнул из нашей жизни целые десятилетия. Недавно я еще раз перечитал воспоминания отца. Разоружение, сокращение армии — об этом говорил Горбачев в ООН. Мысли эти созвучны тому, что писал отец. Или перевод военной промышленности на выпуск мирной продукции — такой проект уже был, но в 1964 году его тихо похоронили.

Сегодняшний арендный подряд на селе — отец называл его иначе. Я уже не говорю о разоблачении сталинизма, жилищном строительстве, мирном сосуществовании, материальной заинтересованности и других широко известных принципах, на которых основывалась внутренняя и внешняя политика, проводившаяся отцом.

...В очередной выходной я поделился своими опасениями с отцом. Он тоже думал об этом.

— Все может случиться,— сказал отец,— не исключено, что не только ты, но никто не сможет добраться до сейфа. Хорошо бы договориться условно с каким-нибудь солидным издательством о том, что они опубликуют книгу, но не к конкретному сроку, а после того как мы отсюда дадим знак.

Он замолчал. Мы медленно шагали по дорожке. Потом он сказал, что нам надо быть ко всему готовыми. Они на этом не остановятся. Можно ожидать любой гадости — или тайно похитят материалы, или так отберут. Арестовать они не рискнут. И время не то, и кишка тонка. А отобрать постараются.

К концу года была достигнута предварительная договоренность о возможности опубликования воспоминаний в издательстве «Литтл, Браун». Однако появилось условие: изъять из текста упоминания, способные вызвать слишком большое раздражение властей. Таких мест было немного, в основном отступления, и отец согласился.

Шли дни, месяцы, годы — материалов становилось все больше. Мы работали спокойно: что бы ни случилось, книга будет сохранена.

Вспоминаю один курьезный случай. Издательство засомневалось: не фальшивку ли ему подсунули? Очень уж неправдоподобно все выглядело. Издатели опасались провокации. Встал вопрос, как подтвердить подлинность материалов.

Писать мы им не хотели, считая, что опасность провала слишком велика. Тогда наши помощники нашли выход. Решили прибегнуть к помощи фотоаппарата.

Из Вены отцу передали две шляпы — ярко-алую и черную с огромными полями. В подтверждение авторства отца и его согласия на публикацию просили прислать фотографии отца в этих шляпах. Когда я привез шляпы в Петрово-Дальнее, они своей экстравагантностью привлекли всеобщее внимание. Я объяснил, что это сувенир от одного из зарубежных поклонников отца.

Мама удивилась:

— Неужто он думает, что отец будет их носить?

Отправившись гулять, мы остались одни, я рассказал отцу, в чем дело. Он долго смеялся. Выдумка пришлась ему по душе — он любил остроумных людей, и, когда мы вернулись с прогулки, он сам вступил в игру. Присев на скамейку перед домом, отец громко попросил меня:

— Ну-ка, принеси мне эти шляпы. Хочу примерить.

Мама была в ужасе:

— Неужели ты собираешься их носить?

— А почему бы и нет? — подначил ее отец.

— Слишком яркие,— пожала плечами мама.

Я принес шляпы. Заодно захватил и фотоаппарат.

Отец надел шляпу и сказал:

— Сфотографируй меня, интересно, как это получится?

Так он и сфотографировался с одной шляпой на голове, а с другой — в руке.

Вскоре издатели получили снимки, теперь они видели, что их не водят за нос.

Впрочем, несмотря на все приготовления, я очень надеялся, что к последнему средству — публикации книги на Западе — прибегать не придется.

Лето было занято сельскохозяйственными работами, они практически поглощали все время. На мемуары времени оставалось мало, да и браться за эту работу отцу не хотелось. Для такого дела нужен настрой, желание.

А сейчас при одной мысли о мемуарах всплывала физиономия Кириленко, слышались его слова. И поскольку из разговора с отцом ничего хорошего не вышло, «доброжелатели» решили действовать иначе...

Продолжение следует.

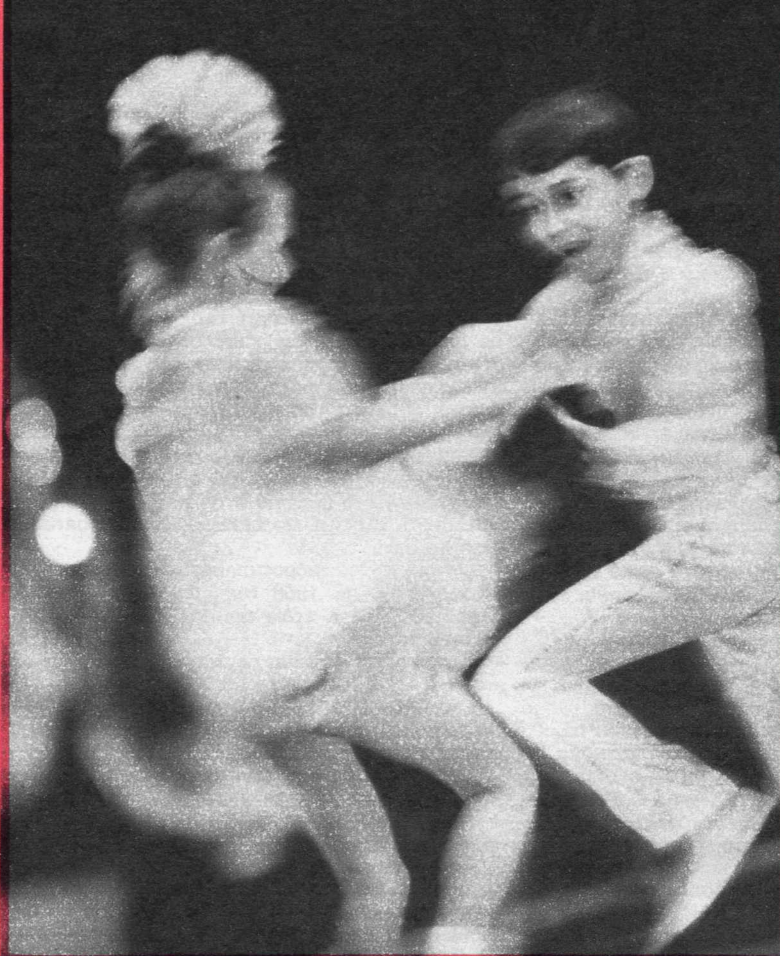
ФОТОКОНКУРС

Земля у нас одна

Фото
Олега КУЦКОГО
(Одесса).

Вячеслава КАРГАПОЛОВА
(Кустанай).

Александра МАТВЕЕВА
(Балашиха Московской области).

«ГОЛУБАЯ КРОВЬ» — ПАТЕНТ НА «ДЖЕНТЛЬМЕНСТВО»

ИМЕНЕМ РСФСР 2—18 января 1990 г. Свердловский районный народный суд г. Москвы в составе: председательствующего народного судьи Троицкой И. А., народных заседателей Пальцева Е. И., Марченко В. Г., при секретаре Бителевой В. В., рассмотрев в открытом служебном заседании гражданское дело по иску Яковлева А. Ю. к редакции журнала «Огонек» и Рыскину А. В. о защите чести и достоинства,

РЕШИЛ:

Обязать редакцию журнала «Огонек» в течение месяца со дня вступления решения в законную силу опубликовать опровержение о том, что в статье Рыскина А. В. "Голубая кровь» — открытый «финал» не соответствуют действительности сведения о том, что следователь Яковлев Андрей Юрьевич «передергивает факты», «преуспел в этом «неджентльменском» занятии», ни при каких обстоятельствах не откажется от версии обвинения при рассмотрении уголовного дела.

Один из старейших наших генетиков, Владимир Павлович Эфроимсон, впервые услышав о трагической истории «голубой крови», сказал мне:

— Это тот редкий случай, когда правду не надо доказывать ни в каком суде. «Голубая кровь» будет в СССР, несмотря ни на чьи амбиции.

— Почему? — спросил я, не разделяя такого оптимизма.

— Потому что надвигается СПИД,— отрезал мой собеседник.

Разговор происходил в начале 1987 года. И вот страшная эпидемия приблизилась к нам вплотную. Уже не праздной риторикой все чаще звучит вопрос, рожденный нашей тревогой: могут ли руководители советской медицины с чистой совестью сказать согражданам: «Товарищи, мы сегодня делаем все, чтобы предотвратить эпидемию!»? Сказать-то могут, конечно. А вот делают ли? Сомнительно. Ведь профилактика СПИДа не сводится к участию в благотворительных акциях. И если даже благодаря деятельности фонда «АнтиСПИД», благодаря пожертвованиям тысяч людей мы построим наконец заводы для выпуска одноразовой медтехники, у нас все равно не будет гарантии, что трагедия Элисты и Волгограда не повторится. Почему? Потому что в СССР, как, впрочем, и во всем мире, нет пока стопроцентно надежных тестов на обнаружение вируса СПИДа в крови доноров.

А значит, учитывая количество переливаний донорской крови, ежедневно совершаемых в клиниках страны, можно с большой вероятностью говорить о том, что рано или поздно это приведет к новым вспышкам эпидемии...

Грустно об этом писать. Грустно потому, что мы опять отстаем. А речь ведь на этот раз идет не о тряпках. О нашей с вами жизни. В последние годы в западных научных журналах и прессе все чаще стали мелькать сообщения о блестящих результатах применения фторуглеродных заменителей крови в клиниках Запада и цивилизованного Востока. Переход западной медицины на искусственные кровезаменители в довольно близком будущем позволит спасти множество жизней уже хотя бы одним тем, что будет полностью исключена опасность заражения СПИДом в реанимациях.

На сегодня уже и Китай удачно применил фторуглеродные заменители крови в условиях военного госпиталя. В Японии давно уже создан препарат на основе перфторуглеродов «Флюозол ДА», который в последние годы широко применяется в клиниках. На Западе две крупнейшие фирмы — «Коби-витрум» (Швеция) и Дюпон (США) — создали совместное предприятие по выпуску другого фторуглеродного кровезаменителя, «Оксиферола». В публикациях 3-го международного симпозиума по кровезаменителям, содержащих 94 доклада, представленных США, Великобританией, Италией, ФРГ, Францией и Китаем, был воспроизведен доклад доктора Р. Мооре о создании нового коммерческого препарата — «Адамонтан». Это фторуглеродный кровезаменитель уже второго поколения, который превосходит все созданные ранее как за рубежом, так и в СССР.

Абсурдность истории заключается в том, что на сей раз Запад повторяет спустя пять лет советские результаты. Пять лет назад мы были первой страной, имевшей уникальный, успешно испытанный в клиниках кровезаменитель с функцией переноса кислорода. Реаниматологический препарат перфторан, созданный в начале восьмидесятых годов в Пущинском институте биофизики лабораторией Феликса Федоровича Белоярцева, обладал рядом преимуществ по отношению к донорской крови, не имея ее многих недостатков. С легкой руки профессора Белоярцева он получил название «голубая кровь». История, происшедшая с этим препаратом, и судьба, постигшая врачей и ученых, причастных к его созданию, уже не раз описана в прессе, освещена в передачах «Прожектор перестройки», киностудией «Центрнаучфильм» в прошлом году снят фильм «Другая кровь», недавно вышедший на экраны.

Дважды я писал в «Огоньке» о «голубой крови» (№ 36, 1988 г.; № 12, 1989 г.) и, честно говоря, не собирался писать третью статью, полагая, что все уже сказано достаточно ясно... Однако ряд событий последних месяцев заставляет меня возвращаться к проблеме. Почти детективная запутанность сюжета, обилие лиц, втянутых в эту историю, сложность самой темы вынуждают меня напомнить читателю некоторые основные моменты.

В 1985 году препарат перфторан был рекомендован Фармкомитетом МЗ СССР для клинической апробации в реанимациях. Едва «голубую кровь» стали применять в клиниках, как хирур-

ги столкнулись со многими поистине чудесными ее свойствами. Больные, сутками находящиеся без сознания, приходили в себя через час после вливания перфторана. Тяжелейшие, неизлечимые поражения рук, ног, пальцев, грозящие ампутацией конечностей, нередко полностью исчезали у больных после применения «голубой крови»; лечение ишемии сердца и почек, снятие отеков мозга после черепно-мозговых травм, преодоление жировой эмболии с полным восстановлением кровотока в сосудах, тромбированных обрывками костного мозга, почти стопроцентная приживаемость почек при пересадке — врачи реанимаций знают, ЧТО это за перечень. Но был и есть другой, трагический перечень, забывать о котором мы не имеем права.

В том же 1985 году была начата последовательная кампания травли, направленная против директора Пущинского центра, члена-корреспондента АН СССР Г. Р. Иваницкого, возглавлявшего вместе с профессором Ф. Ф. Белоярцевым биофизическую часть работ. В трагической цепи событий существенную роль сыграл вице-президент АН СССР Ю. А. Овчинников. Главному создателю препарата Белоярцеву досталась роль заложника.

Очень быстро история приобретала криминальную окраску. В дело втянулись сотрудники Серпуховского КГБ, а затем и Серпуховской межрайонной прокуратуры, обвинившие Белоярцева в недостаче спирта. Профессор все отрицал. Последовали пять обысков, проведенных в течение суток. Не выдержав травли, Белоярцев повесился в ночь после отъезда следователей межрайонной прокуратуры, проводивших очередной безрезультатный обыск. Профессор Белоярцев погиб, будучи не в силах другим способом защитить свою честь и доброе имя. Его потрясенные коллеги обратились в Прокуратуру СССР и в КГБ, требуя расследования обстоятельств, приведших Белоярцева к самоубийству. Прокуратура СССР, расследовавшая дело, не обнаружила доказательств, дающих повод к предъявлению обвинений сотрудникам опекаемых ими органов. «Дело» было передано в архив.

Зато началось и быстро распухло новое уголовное «дело». «Дело врачей и ученых», причастных к созданию и разработке нового препарата. Дело «по факту нарушения» инструкций Минздрава в ходе клинических испытаний перфторана. А вскоре появились разгромные статьи корреспондента В. Долматова в газете «Советская Россия», наводящие на грустные параллели с известными периодами нашей истории, где со ссылкой на материалы следствия говорилось о человеческой и научной недобросовестности медиков, применявших перфторан в клинике. Говорились дикие и страшные вещи. Чего стоит только пассаж о «проведении опытов на людях»!

В результате Г. Р. Иваницкий ошельмован публично, снят с должности директора Пущинского центра и директора Института биологической физики, а также исключен из партии на бюро Серпуховского ГК КПСС. Исключен, несмотря на то, что на общем партсобрании института больше ста человек высказались против его исключения и только пять — за. Оклеветаны через газету многие известные врачи и ученые. Остановлены клинические испытания препарата, разрушен созданный Белоярцевым коллектив лаборатории, деморализован Институт биофизики, один из лучших институтов АН СССР. Целая группа следователей по особо важным делам, не найдя — это в наши-то дни! — никакого другого особо важного дела, занялась «делом врачей». Чем же столько лет занимаются наши криминалисты?

На моем письменном столе лежат два текста — две цитаты из официальных документов. Первая: отрывок из письма, осенью 1988 года посланного следственной группой Прокуратуры СССР на имя сегодня уже бывшего члена Политбюро тов. В. М. Чебрикова. В своем письме следователи по особо важным делам доводят до сведения высоких инстанций итог многолетней работы группы, в течение трех лет собиравшей материал о злоупотреблениях врачей и ученых, причастных к созданию «голубой крови». В частности, сообщается, что препарат, упакованный в пластиковые пакеты при отправке в Афганистан, был токсичен.

Оказывается, «в массу препарата из пластика в больших количествах попадает диоктилфтолат — органическое вещество, отнесенное к группе токсичных». И далее по тексту письма следователей: «Должно быть ясно, что такие действия несут прямую угрозу жизни и здоровью людей». Так утверждают следователи, предлагая члену Политбюро самому составить мнение о личности врачей, допустивших такие действия. Но если речь идет об «угрозе жизни», то должны быть данные токсикологов, подтверждающие это. Есть ли они у следствия?

Обратимся ко второму документу, хорошо известному следователям, поскольку этот документ приобщен к материалам дела. Тридцатого апреля 1988 года отделом токсикологических исследований ВНИИМТ было выдано заключение, согласно которому диоктилфтолат, попадающий из пластика контейнера в перфторан, не влияет на биологические свойства препарата, гибели животных не вызывает. То есть токсикологи утверждают обратное тому, что говорят следователи. Кому верить?

Известно, что вопрос о вредности, а тем более «реальной угрозе жизни и здоровью людей» правомочны решать эксперты-токсикологи. В СССР только одна лаборатория — лаборатория профессора В. Г. Лаппо — имеет право выдавать такие заключения. Именно ей доверяет Фармкомитет МЗ СССР, выдавая паспорт на каждый новый медпрепарат. Заключение именно этой лаборатории было в руках следователей — авторов письма Чебрикову. Значит, очевидна сознательная дезинформация члена Политбюро, а также нескольких миллионов читателей «Советской России», ибо в газете со ссылкой на материалы следствия приводятся те же страшные слова об «угрозе жизни и здоровью людей». Письмо Чебрикову и статья в «Советской России» появились на свет почти в один день. Прав ли я был, написав в статье «Голубая кровь» — открытый «финал» (№ 12, 1989 г.), что такое поведение нельзя назвать джентльменским, что имеет место сокрытие важного документа, а значит, передергивание фактов налицо?

В результате я оказался под судом, а заодно и редакция «Огонька», которую обвинили в публикации материала, «порочащего честь и достоинство» следователей Прокуратуры СССР.

Дело в том, что в статье мною была допущена формальная неточность. Я назвал уже известное читателю заключение, переданное токсикологами в Прокуратуру СССР, «собственной экспертизой следствия». Действительно, существует юридическая тонкость, относящаяся к оформлению документа. Научное заключение превращается в экспертизу только при взятии с ученых — его авторов — подписки об уголовной ответственности за дачу ложной информации, а также за разглашение предоставленных следствию сведений.

К счастью, такая подписка с токсикологов ВНИИМТ не была взята, и этих ученых не привлекли к суду за разглашение в журнале «секретных» сведений.

К суду был привлечен я как автор статьи. Фактически — за неточное употребление слова «экспертиза». Документ назывался иначе, значит, авторы письма Чебрикову, по их логике, не скрывали документа с таким названием, следовательно, передергивания фактов не было. Что ж, правильно, нет «экспертизы ВНИИМТ», а есть «заключение ВНИИМТ».

А что делать суду? С одной стороны, суд знает, что препарат токсичным не является, ибо судом были допрошены специалисты, истребованы все материалы по этому вопросу, имеющиеся в уголовном деле. Обнаружилась там, кстати, еще одна, уже официальная, сделанная по всем правилам следственная токсикологическая экспертиза. Результат ее тот же. Препарат не токсичен, я говорю это сегодня, имея подтверждение действительной следственной экспертизы. Но суд обязан заниматься лишь узким предметом иска. А в иске не говорится о токсичности — только о том, что «Огонек», написавший о «собственной экспертизе следствия», был не прав, так как документ называется иначе и следствие не могло ссылаться на документ с таким названием. И вот итог: я продолжаю считать, что следствие исказило действительное положение дел, фактически оговорив людей, работавших с «голубой кровью»; но суду, исходя из узких требований иска, приходится удовлетворить претензии истца.

Я довожу до сведения читателей «Огонька», что в моей статье «Голубая кровь» — открытый «финал» по недосмотру автора допущен ряд опрометчивых высказываний.

Грустно думать, что напиши я тогда одну фразу иначе — и не было бы многомесячной судебной нервотрепки, ничего не меняющей в тягостной истории «голубой крови», а только уводящей в сторону от сути. Потерян еще год, пятый после гибели Белоярцева, пятый год судебных и следственных мытарств, и конца этому не видно.

Вместо нового препарата, вместо множества спасенных жизней судебный процесс против редакции «Огонька» — единственный итог...

И как посмертный памятник профессору Белоярцеву — сотни и тысячи страниц разного рода экспертиз, заключений и протоколов допросов. Белоярцев погиб, но «дело» его живет.

Что мы имеем? По существу, разрушенный, ошельмованный коллектив лаборатории. А еще — тысячи писем читателей «Огонька», которые спрашивают, что происходит, которые возмущены этой историей. А происходит вот что. Возможно, следователи сами уже не рады, что связались с «голубой кровью», но как признать, что столько лет потрачено напрасно, и кто в таком случае будет отвечать за ущерб, нанесенный стране? Следователи могут возразить: мы никому не предъявляли обвинений, все разработчики и ученые проходят по делу как свидетели. Да, это так. Но, посудите сами, что значит тот факт, что за четыре года следствия никому не предъявлено никаких обвинений? Он означает либо отсутствие самого события преступления, либо отсутствие доказательных обвинений. Руководствуясь здравым смыслом, можно сказать: за четыре года нет видимых результатов работы следственной группы. Но это будет грубой ошибкой. «Результаты» есть. В «Советской России» трижды за эти годы опубликован компромат на уважаемых людей — врачей и ученых. Врачи и ученые названы в газете недобросовестными людьми, лишенными чести, им выдвинуты страшные для любого врача обвинения в проведении «опытов на людях»...

Очень это несложно — морально раздавить одного, потом другого, третьему испортить карьеру, ошельмовать их в миллионах экземпляров газеты. А потом вызывать одного за другим потрясенных, растерянных людей на допросы, записывать в протокол их путаные объяснения, раскладывать пасьянсы из «опытов на людях», выстраивая версию нового «дела врачей».

Но, глубокоуважаемые джентльмены, не мне напоминать вам о том, что такие заявления-обвинения надо доказывать. И не на страницах печатного органа, а в суде. Объясните, как согласуется с вашим профессиональным и джентльменским кодексом факт разглашения через сотрудника прессы материалов незавершенного следствия, тиражирование компромата против людей, начатое буквально с первых дней следствия?

Как согласуются с вашим джентльменством сведения, порочащие честь и достоинство уважаемого ученого, члена-корреспондента АН СССР Г. Р. Иваницкого, уволенного со всех постов и исключенного из партии по письму, составленному вами в стенах Прокуратуры СССР? Мне всегда казалось, что такие письма и действия порочат честь и достоинство людей, одетых в мундиры советников юстиции... Простите за назойливость, но я спрошу: вы доказали, что хоть одно преступление Иваницкого, хоть одно преступление кого бы то ни было в этой истории действительно существует? Нет? Тогда кто дал право чернить невинных людей?

В прошлой статье я высказал опасение, что никогда, ни при каких обстоятельствах следственная группа Прокуратуры СССР не откажется от версии обвинения. Суд решил, что я должен извиниться. И хоть прошел год, а следствие твердо стоит на своих позициях — я от души рад решению суда, оно дает мне надежду, что рано или поздно следствие откажется от каких-либо криминальных версий на тему «голубой крови». Поэтому я приношу извинения следственной группе Прокуратуры СССР за эту опрометчивую фразу и, извиняясь, очень рассчитываю, что следователи впредь воздержатся от публикации версий своего расследования, дабы не давать повод доверчивым читателям строить умозаключения о его обвинительном уклоне...

Вернемся к существу дела. Будет ли у нас когда-нибудь «голубая кровь»? Честно скажу: не знаю... Мне грустно, вновь и вновь возобновляя разговор, возвращаться к самоочевидной мысли, что недопустимо в фундаментальной науке жить по принципу «догоним», сделав сначала все, чтобы отстать. Мы теряем на этом не просто годы, мы лишаем народ необходимых следствий научного прогресса. Так ясно все, что и убеждать некого. Стыдно с запланированным отставанием догонять западные фирмы, покупая у них то, что могли иметь сами, раньше и гораздо дешевле. Но с неумолимым постоянством продолжает действовать в советской науке трагический «алгоритм успеха», когда очередную выдающуюся работу вместе с первой удачей настигает шквальный огонь недоброжелательности. Потом — по сценарию — следует «поиск виновных». Потом — наказание невиновных. И потом, если в этом месте сценария новатор проявит «благоразумие» и вовремя отдаст богу душу, наступает счастливый миг «катарсиса»: награждение всевозможного начальства, которое под фанфары откровенно обнаруживает свой истинный интерес, имеющий мало общего с интересом к истине.

И я думаю, что в истории с «голубой кровью» речь идет о трагической судьбе не отдельных лиц, а нашей страны. Страны, где люди, подобные Белоярцеву, гибнут в борьбе с вязкими мафиозными силами, а мы вновь и вновь теряем вместе с выдающимися людьми и наш нравственный генофонд, постепенно утрачивая способность защищать добро и восставать против зла... Эта история вновь доказывает нам, что по-прежнему многие из нас молчаливо готовы считать нормой привычные репрессии и преследования, «содействие» различным «органам». Эта готовность «способствовать» им, готовность молчать, когда травят ближнего и дальнего, готовность потерять лицо стала почти уже генетической, создающей губительное для всего ЖИВОГО давление ИНЕРТНОЙ СРЕДЫ. И нечего мне сказать здесь вместо ожидаемого эпилога.

Лишь одно, пожалуй: «За державу обидно»...

Александр РЫСКИН

ОГОНЁК

Юрий КАРАБЧИЕВСКИЙ

* * *

Распадаются мысли, и каждый осколок
застревает и ноет в сознанье моем.
Я живу на пригорке, и этот поселок
словно Брейгелем врезан в оконный проем.

Эти бледно-холодные, близкие дали,
эти ребусы птиц, и людей, и собак —
как бы сами зовут, чтобы их разгадали,
и пророчат: едва ли и как бы не так!

Птица — глупая тварь, и душа ее птичья
вместе с телом парит, без особых примет.
И она не свихнется, постигнув величье
и ничтожество мира в единый момент.

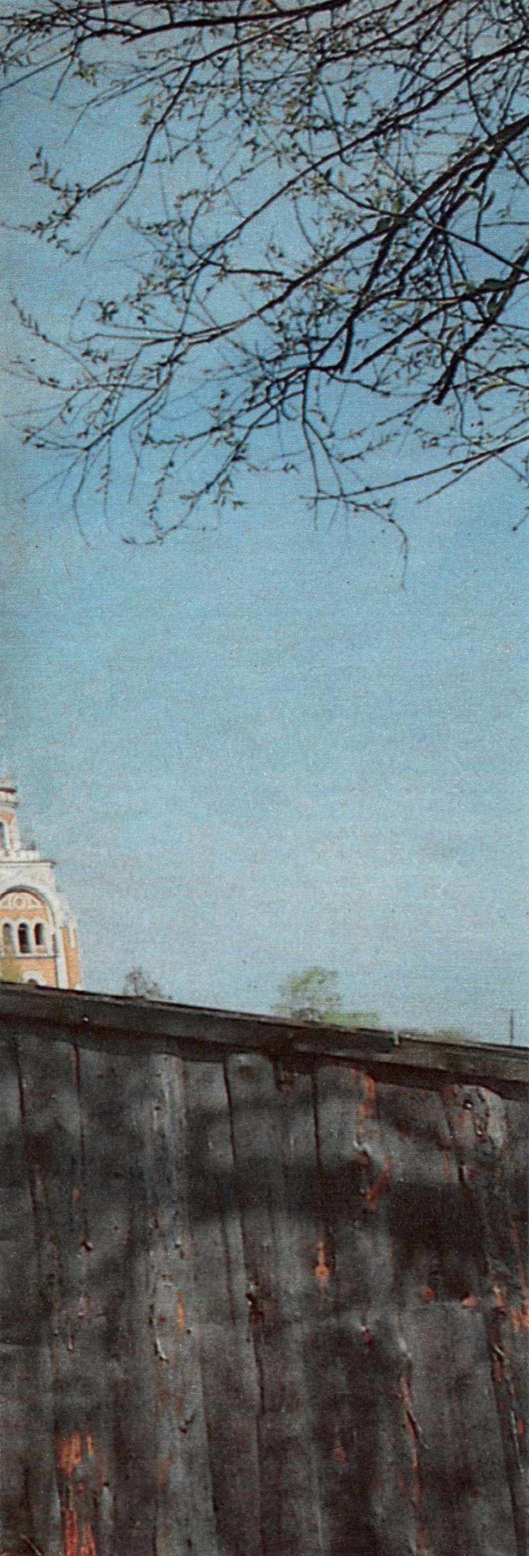
Но Господь бережет наш изнеженный разум,
опекает, ведет, опускает на дно:
«Вот собаки, и люди, и птицы, а разом,
целиком этот мир — вам познать не дано».

И не надо. И верно: вершинами елок
ограничен простор и реальность сама.
Но зачем же так ноет в сознанье осколок?
Так мы сходим с ума. И не сходим с ума.

* * *

Над новыми детьми, играющими в «классы»,
возносятся дома, не знающие крыш.
Чем, город мой, живешь, какие точишь лясы,
какие речи говоришь?

Что молодость твоя — все так же ли хранима?
Все так же ли душа невинностью грешит?
Не знаю, может быть, у движущихся мимо
не сводит кисти рук и в горле не першит.

Но для таких, как я,— пугающихся звука
шагов своих, для тех, кто так и не привык,
все праздники твои — одна большая мука,
все улицы твои — один большой тупик!

* * *

Огромные гири ползут, отмеряя века.
В огромной квартире четыре живут старика.
Три, впрочем, старухи, один же и точно,
старик.
Ничто их, ни мухи, ни стук не тревожит,
ни вскрик.
А в комнате каждой впечатаны в пол сундуки.
И тяжкой поклажей полны от доски до доски.
И каждый окован, и каждый оправлен в металл.
А сколько там комнат, никто никогда не считал.
А я в закуточке сижу, не снимая пальто.
Дошедший до точки чужак, самозванец, никто.
Огромную книгу держу в потрясенных руках.
И к этому мигу другой не прибавлю никак.
Ах, только б украдкой его оттянуть, этот миг.
Когда на площадку сойдет попрощаться старик.
И я, обреченный, растаю, тумана верней.
В толпе отрешенной, в мелькании серых теней.

Эдвард РАДЗИНСКИЙ

РАССТРЕЛ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

(Из книги «Николай II: жизнь и смерть»)

Мост через Москва-реку. С моста хорошо виден крутой склон, спускающийся к реке, по склону — высокий забор и за забором — сквозь деревья старинная церковь.

Тогда, в конце XIX века, шла здесь шумная жизнь.

Знаменитое подмосковное имение Ильинское принадлежало московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу и его жене Элле (великой княгине Елизавете Федоровне).

Елизавета Федоровна, сестра последней русской императрицы,— одна из пленительнейших женщин того, ушедшего времени.

Вот как описал ее французский посол Морис Палеолог:

«Родившись в Дармштадте 1 ноября 1864 года, распустилась она очаровательным цветком, когда 20-летней девушкой была выдана замуж за четвертого сына Александра II... Мне вспоминается, как я обедал вместе с ней в Париже несколько лет спустя, около 1891 года. Я так и вижу ее, какой она тогда была: высокой, строгой, со светлыми глубокими и наивными глазами, с нежным ртом, мягкими чертами лица, прямым тонким носом, с гармоническими очертаниями фигуры, с чарующим ритмом походки и движений. В ее разговоре угадывался прелестный женский ум — естественный, серьезный и полный скрытой доброты».

А потом будет гибель мужа, она станет настоятельницей Марфо-Мариинской обители. И все завершится ее смертью в 1918 году на дне грязной шахты в Алапаевске.

Но сейчас — 1990 год, и я хочу (а точнее, пытаюсь) осмотреть усадьбу Ильинское, где у сестры Эллы так часто гостили герои моей книги — Николай и Александра.

Я подхожу к таинственному высокому забору, из-за забора теперь уже совсем близко — старинная церковь с облупившейся краской.

Ворота раскрываются, впускают машины. И закрываются. Рядом — проходная.

В проходной милый ясноглазый вахтер терпеливо объясняет мне, что усадьбу осмотреть нельзя и вообще нету здесь никакой усадьбы.

— А что же здесь есть?

— Есть объект, — говорит он.

После слова «объект» он добавляет какое-то птичье название, состоящее, видимо, из начальных букв нескольких сокращенных слов.

После размышлений о жизни минувшего века мне трудно воспринять его пояснение. И тогда какой-то человек, сидящий тут же, в проходной, приходит мне на помощь.

— Короче, здесь живут московские секретари. — И добавляет, улыбнувшись моей тупости: — Гришин, может, слыхали?

Вот это я уже понимаю.

Генерал-губернатора Москвы в царствование Николая II сменил здесь другой жилец?

Любопытно, что тот и другой губернаторы считались ретроградами.

Но если сравнить того ретрограда с этим... Впрочем, ведь была у нас светлая мечта «о кухарке, которая во что бы то ни стало должна научиться управлять государством». И научилась. И управила...

И все-таки я хочу увидеть ту усадьбу. Так сказать, «подышать воздусями ушедшего». И я приезжаю на другой день, чтобы побеседовать с начальством.

Естественно, к нему меня не допустили. Но разрешили побеседовать по телефону.

Начальство объясняет, что никакой усадьбы здесь нет. И Гришина нет. И не было. И никаких секретарей здесь нет... Все давным-давно разъехались. И живут теперь в этой огромной усадьбе только сотрудники.

...Ворота открывались и закрывались — и, как «Летучие голландцы», скользили черные «Волги».

Объект продолжал жить: видимо, тени давно уехавших секретарей продолжали ездить в своих машинах.

И я иду прочь от проходной — от этого вечного парадного подъезда. От нашего холопского «парадного подъезда».

Впрочем, может быть, это и хорошо. Я не увижу, во что они превратили Ильинское.

ПИСТОЛЕТ, ИЗ КОТОРОГО БЫЛ УБИТ ПОСЛЕДНИЙ ЦАРЬ?

Я продолжаю искать документы. Вот уже полгода веду я телефонный диалог с Центральным Партархивом. Там есть интересующие меня (и, поверь, тебя, читатель) документы о гибели царской семьи.

После моего выступления в программе «Взгляд» наш диалог несколько изменился. Прежняя формула «Эта группа документов у нас не выдается» перешла в обнадеживающее «Позвоните в конце недели».

Звоню! Звоню, дорогой читатель. Да-да, все, как ты предполагаешь.

— Нет, ваш вопрос пока не решился. Но, может быть, он скоро решится.

— Когда! Когда?! Ведь он уже полгода решается, ровно полгода. Полгода мы говорим с вами об этих документах!

— Знаете что... Оставьте-ка ваш номер телефона!

Я оставляю (в который раз) свой номер телефона. Я знаю, что они мне никогда не позвонят. И они знают, что я это знаю.

Отечественный Кафка эпохи перестройки.

А может быть, нам все-таки предать гласности наши отношения? К примеру, я официально обращаюсь в этой статье с заявлением: «В дирекцию Центрального Партархива. Дорогие товарищи. Убедительно прошу вас разрешить мне ознакомиться с находящимися в вашем архиве документами о конце династии Романовых. С искренним уважением Э. Радзинский». А они мне отвечают через редакцию журнала.

Может быть, теперь мне разрешат? Впрочем, даже если и не разрешат... Есть странная, почти мистическая закономерность: охраняемые (по-прежнему охраняемые во времена перестройки и гласности) от исследователей документы таинственно появляются из вечной мерзлоты спецхранов. Как булгаковское «рукописи не горят»... Так и документы — «документы не исчезают».

Вот один из таких документов.

В 1927 году на имя директора Музея Революции поступило заявление:

«В Музей Революции.

Директору музея товарищу Мицкевичу.

Имея в виду приближающуюся 10-ю годовщину Октябрьской революции и вероятный интерес для молодого поколения видеть вещественные доказательства (орудия казни бывшего царя Николая II, его семьи и остатков верной им до гроба челяди), считаю необходимым передать музею для хранения находившиеся у меня до сих пор два револьвера: один системы кольт номер 71905 с обоймой и семью патронами и второй системы маузер за номером 167177 с деревянным чехлом-ложей и обоймой патронов 10 штук. Причины того, почему два револьвера, следующие — из кольта мною был наповал убит Николай, остальные патроны одной имеющейся заряженной обоймы кольта, а также заряженного маузера ушли на достреливание дочерей Николая, которые были забронированы в лифчики из сплошной массы крупных бриллиантов и странную живучесть наследника, на которую мой помощник [Г. Никулин. — *Прим. Э. Р.]* израсходовал целую обойму патронов (причину странной живучести наследника нужно, вероятно, отнести к слабому владению оружием или неизбежной нервности, вызванной долгой возней с бронированными дочерьми).

Бывший комендант дома особого назначения в городе Екатеринбурге, где сидел бывший царь Николай II с семьей в 1918 году (до расстрела его в том же году 16.07), Яков Михайлович Юровский и помощник коменданта Григорий Петрович Никулин свидетельствуют вышеизложенное:

Я. М. Юровский, член партии с 1905 года, номер партбилета 1500. Краснопресненская организация.

Г. П. Никулин, член ВКП(б) с 1917 года, номер 128185. Краснопресненская организация».

«Имея в виду... вероятный интерес для молодого поколения к орудиям казни!»

Какие слова! Вся эпоха — в этих словах.

Причем удивительно: Юровский не может написать просто заявление. Апокалипсис в Ипатьевском доме будто преследует его — «бронированные девицы»... мальчик, которого «достреливают». Он вновь возвращается к этому ужасу. Нет-нет, это не угрызения совести, совсем наоборот — в этом пафос, ощущение звездного часа своей жизни.

До конца своих дней будет находиться Юровский во власти главной своей идеи — маниакальной идеи «священной классовой ненависти».

«Ничто так не искажает человеческую природу, как маниакальные идеи. Если человеком овладевает идея, что все мировое зло в евреях, масонах, большевиках, еретиках и буржуазии и т. д., то самый добрый человек превращается в дикого зверя...» (Н. Бердяев).

Однако вернемся к документу.

Как возникло, а точнее, зачем возникло в 1927 году это заявление Юровского в Музее Революции?

Ответ вроде прост, и он — в самом документе. «Десятилетие Октябрьской Революции». И, следовательно, грядущее «десятилетие казни Романовых» (тоже юбилей!).

Как мы уже писали, Юровский мечтал широко отметить «юбилей казни». Он решил подготовить обширный сборник документов, сдает в музей «орудия казни» и т. д.

Впрочем, готовились к этому юбилею и в Свердловске. Тоже мечтали широко отметить. Было поручено В. Н. Пчелину, известному художнику, автору многих исторических полотен, ученику Маковского и Репина, написать картину о приезде арестованных Романовых в Екатеринбург.

Как положено художнику-реалисту, В. Н. Пчелин беседует с очевидцами. Он даже оставил запись в своем архиве, где со слов участников событий пытается передать атмосферу того апрельского дня в 1918 году, когда на платформу в Екатеринбурге сошли бывший царь, бывшая царица и бывшая великая княжна.

«Природа... Вдали лесок. Два барака на песочной площадке с травкой... И уходящий поезд — паровоз с дымком...

Присутствовали: передавали Романовых, окруженных 40 красноармейцами,— комиссар Яковлев и его помощник...

...Принимали — (члены Уралсовета) тов. Белобородов, тов. Голощекин, тов. Дидковский...».

Картина называлась «Передача Романовых Уральскому Совету».

Но, хотя и картина была готова, юбилей не состоялся. Как мы уже писали [1], последовало сталинское «помалкивать».

Но почему?

Внешних причин для этого, конечно, было достаточно. Но была еще и внутренняя причина (и, может быть, самая важная).

Уже тогда, в 1927 году, Иосиф Сталин не хотел воспоминаний. Гибель царской семьи была связана с множеством имен — имен, которые должны были быть навсегда забыты. (На предполагавшемся суде над Романовыми главным обвинителем должен был быть Троцкий, председатель Уралсовета Белобородов был троцкист,— пусть и раскаявшийся, и т. д.) И, кроме того, уже тогда, в 27-м году, Вождь и Учитель смотрел далеко вперед.

И действительно, все «принимавшие Романовых»: Белобородов — председатель исполкома Уралсовета, Голощекин — секретарь Уральского обкома партии, Дидковский — член президиума Уралсовета — все они будут расстреляны. А сама картина будет «арестована». Директор музея, сохранявший эту картину, исключен из партии в 34-м году.

Но уже тогда существовала наша знаменитая двойная бухгалтерия. И потому одно указание, внутреннее — было «помалкивать», но другое, внешнее, для международного рабочего движения — совсем наоборот. Здесь все оставалось по-прежнему: «убийство кровавого деспота», «весь мир насилья мы разрушим до основанья» и т. д.

Вот почему, когда в 30-х годах в городе Свердлов-

[1] **«Огонек» № 2, 1990 год.**

ске появляется иностранец — журналист Ричард Хэллибуртен, с ним запросто, словоохотливо беседует один из главных убийц романовской семьи — Петр Ермаков. Мы еще помним (и долго будем помнить), что подобные беседы с иностранцами разрешались у нас только очень высокими инстанциями.

И Хэллибуртен, пораженный его откровенностью (Ермаков объяснил ее журналисту раком горла — так сказать, предсмертная исповедь!.. Что особенно смешно, ибо после этого Ермаков жил в течение 20 лет), подробно записывает детали убийства романовской семьи.

О книге, которую написал после встреч с Ермаковым Ричард Хэллибуртен, рассказал в своем письме из Будапешта политический обозреватель венгерского радио И. Кульчар.

Еще об одной встрече Ермакова с иностранным журналистом в тридцатых годах рассказала мне в своем письме В. Г. Алексеева из Владивостока (она не называет фамилии журналиста, возможно, это и был все тот же Хэллибуртен). Письмо ее особенно ценно, ибо она подробно записала часть беседы.

Однако вернемся к бумаге Юровского. Своему заявлению Юровский будто силится придать официальнейший характер — вес документа.

Он как будто борется с кем-то невидимым за право считаться цареубийцей.

Да, именно так оно и было. Потому что в 1927 году, кроме Юровского, появились еще двое, претендовавших на «честь расстрела» последнего царя.

Об одном из них мы уже писали [2] — это чекист Михаил Медведев. Но тогда, в 1927 году, возникла еще одна фигура. Куда более грозная для Юровского. Это и был тот самый Петр Ермаков, который в Свердловске беседовал с Ричардом Хэллибуртеном.

ТРЕТИЙ ЦАРЕУБИЙЦА

О Петре Ермакове написал сам Юровский в своей «Памятной записке» [3]. В ночь с 16 на 17 июля Петр Ермаков привел в Ипатьевский дом тот самый грузовик, на котором будут увезены трупы царской семьи.

[2] Там же.

[3] «Огонек» № 21, 1989 год.

Ермаков принимает участие и в самом расстреле. Во время расстрела, по показаниям стрелка Александра Стрекотина, Петр Ермаков, забрав у него штык, добивает на полу этим штыком недостреленных несчастных царских дочерей. И он же сопровождает тела убитых к месту первого погребения.

Петр Захарович Ермаков (1884—1952). Его именем названа одна из улиц города Свердловска. Боевик, участник трех революций, организатор красногвардейского отряда на Верх-Исетском заводе, военный комиссар.

За непримиримую ненависть к врагам революции его прозвали «Товарищ маузер».

«Товарищ маузер» работал в ЧК, с 20-го года сотрудник НКВД.

В середине 30-х он уходит на пенсию и почти два десятка лет, как писалось о нем в одной из многочисленных статей, «активно участвует в общественной жизни, встречается с пионерами, рассказывает подрастающему поколению о славном революционном прошлом». Ермаков умер в 52-м году. Он не дожил всего год до смерти Сталина — всего год не дожил «Товарищ маузер» до конца своей эпохи.

И вот в 1927 году (в том же 1927-м!) Петр Ермаков сдает в уральский областной музей революции свой знаменитый, свой легендарный маузер. Впоследствии об этом маузере будут написаны целые статьи. Ибо верх-исетский военный комиссар утверждал, что из этого маузера был убит... царь! А также — Александра Федоровна и Алексей.

В. Г. Алексеева пишет в своем письме: «...Потом Ермаков читал журналисту отрывок из своих «Воспоминаний», где были такие слова: «я себе взял самого Николая, Александру, Алексея... У меня у одного был маузер, у остальной команды были наганы».

До последних дней не расставался верх-исетский «Товарищ маузер» с этим утверждением. И охотно рассказывал о расстреле царя, царицы, беззащитных дочерей и мальчика на многочисленных пионерских кострах.

Вот описание одной из таких встреч П. Ермакова с пионерами.

Из письма А. Л. Карелина (Магнитогорск):

«Я имел возможность видеть и слушать одного из «героев», участвовавших в расстреле царской семьи, П. Ермакова. Это было в 1934 или в 1935 году в пионерском лагере «ЧТЗ» на озере близ Челябинска. Мне тогда было 12—13 лет, моя детская память отлично сохранила все услышанное и увиденное на встрече с Ермаковым у пионерского костра. Его нам представили как героя. Ермаков с достоинством, гордостью, во всех подробностях рассказывал об этом акте вандализма. Ему дарили цветы. Я ведь и впрямь смотрел на Ермакова с завистью... Свою «лекцию» Ермаков закончил особо торжественными словами: «Я собственноручно расстрелял царя». Затем он перечислял всех по имени-отчеству членов царской семьи и какого-то придворного дядьку... [Видимо, этот «придворный дядька» — Нагорный, который был при Алексее. Арестован и расстрелян в Екатеринбурге.— *Прим. **Э. Р.***], которых он якобы тоже собственноручно расстрелял.

...Ермаков говорил, что основанием для расстрела было личное распоряжение Ленина...»

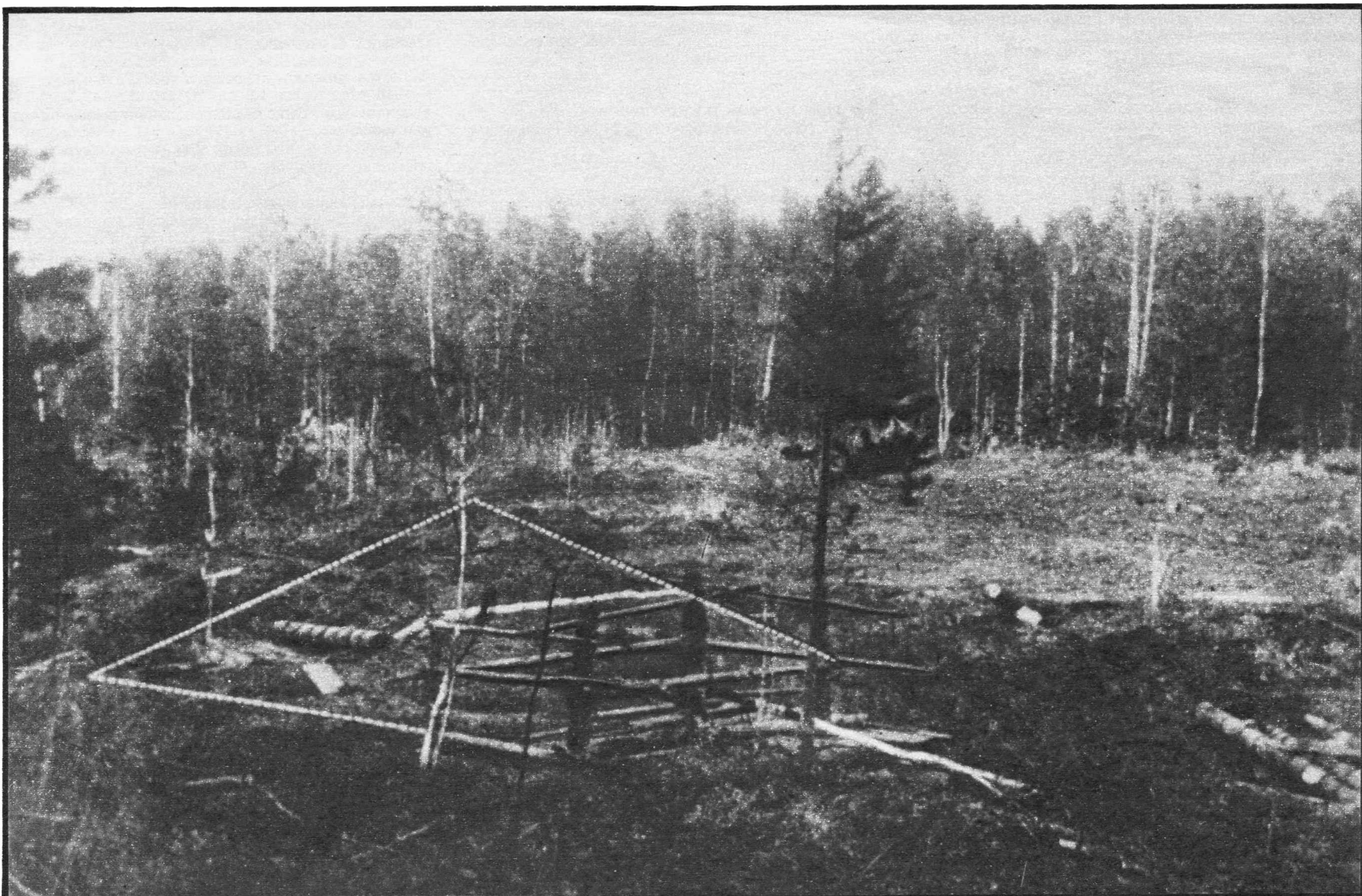
Но в своей беседе с иностранным журналистом, как пишет Алексеева, Ермаков уже утверждал другое: «...что основанием для расстрела было «согласие за подписью Свердлова»... но о семье не говорилось ничего». И что согласие это было дано в ответ на «требование Екатеринбургского Совета о расстреле».

Итак, Юровский, Медведев и Ермаков... Список претендовавших на «честь расстрела» вырос до трех... Когда ко мне пришел этот человек, он был одет в какую-то поношенную, потерявшую всякий цвет кожаную куртку, галифе с малиновым кантом и сапоги. Был он очень стар. Человек этот пришел ко мне не сразу. Сначала он написал мне письмо в редакцию. Просил выслать ему мой адрес. Я ему выслал. Он позвонил. И только после этого он опять написал мне письмо и пришел.

Письма читателей. Сотни писем. После публикации первой статьи «Расстрел в Екатеринбурге» этот поток увеличился. Мне были даны тобой, щедрый читатель, новые источники, документы, которые, казалось, навсегда погребены в наших архивах. И вот они — на моем столе. И принужден я был многое начать писать вновь. И о многом задуматься поиному.

И все благодаря тебе, читатель. Письма, письма...

Шахта, в которой было первое захоронение трупов царской семьи.

Сколько удивительных, я бы даже сказал, фантастических сведений. И какие поразительные биографии.

Женщина — ей 94 года. Она помнит Алексея Романова. Она жила тогда в Царском Селе вместе со своим маленьким братиком — сверстником царевича. Она была старше (!) Алексея на несколько лет, и вот она мне рассказывает... она описывает его глаза... Ушедшая эпоха — это ее молодость, это ее жизнь.

Пишет из-за границы внук царского генерала, потомок знаменитых русских дворянских родов. Сообщает об удивительной книге «Я, Алексей, правнук царя». Оказывается, ее автор (обратите внимание на титул автора — Алексей Васильевич Де Анжу, князь Дуразе Романов-Долгорукий) рассказывает в этой самой книге, что его матерью была... уцелевшая от расстрела Мария Романова!

А сколько корреспондентов просят сообщить или сами сообщают странную историю о знаменитой Анастасии.

История эта началась в 20-м году в Берлине, когда некая девушка пыталась покончить с собою и оказалась в госпитале. Она не говорила по-русски (впоследствии это объяснили тем, что у нее был шок — ужас от картины убийства семьи вытеснил русские слова, родной язык из ее сознания). При этом она понимала по-русски.

И вот эта спасенная девушка и объявила себя Анастасией. В течение шести десятилетий (до ее смерти в 1984 году) история эта волновала всю Европу. Она была удивительно похожа (изданы альбомы с ее фотографиями и фотографиями маленькой Анастасии в Царском Селе) на Анастасию. Великий князь Андрей Владимирович, Матильда Кшесинская, дочь доктора Боткина, погибшего вместе с царской семьей, поражались сходству.

Она судилась, пытаясь отстоять свое происхождение, но потерпела поражение. После смерти она была похоронена в родовом склепе родственников Романовых — герцогов Лейхтенбергских...

Кто она была? Самозванка? Или психически больная, истинно поверившая? Или?

Впрочем, при чем тут «или»? Мы помним фразу, которую сказал один из главных участников убийства — Г. П. Никулин: «Погибли все».

А вот еще одна история, уже наша, отечественная. Из письма Д. Кауфман:

«Речь пойдет о человеке, который некоторое время находился на лечении в психиатрической больнице г. Петрозаводска, где я работала ординатором с сентября 1946 года по октябрь 1949 года после окончания 2-го Ленинградского мединститута.

...Контингент наших больных состоял как из гражданских лиц, так и из заключенных, которых нам присылали в эти годы для лечения или для прохождения судебно-психиатрической экспертизы.

...В 1947 или 48-м году в зимнее время к нам поступил очередной больной из заключенных. У него было состояние острого психоза по типу истерической психогенной реакции. Сознание его было неясным, он не ориентировался в обстановке, не понимал, где находится... Размахивал руками, порывался бежать... В бессвязных высказываниях наряду с массой других выразительных восклицаний два или три раза промелькнула фамилия Белобородова, на которую мы вначале не обратили внимания, так как она ни о чем нам не говорила. Из сопроводительных документов... стало известно, что в лагере он находится уже давно, что состояние психоза у него развилось внезапно, когда он пытался защитить женщину (заключенную) от побоев охранника. Его связали и, естественно, «обработали». Хотя видимых телесных повреждений при поступлении в больницу, насколько помню, у него не было отмечено. В документах был указан его год рождения — 1904-й, что же касается его имени и фамилии, я их не могу вспомнить точно. Варианты, которые я припоминаю, следующие: Филиппов Семен Григорьевич или Семенов Филипп Григорьевич. Через один — три дня, как это обычно бывает в таких случаях, проявление острого психоза полностью исчезло. Больной стал спокоен, вполне контактен. Ясное сознание и правильное поведение сохранялись впоследствии в течение всего срока его пребывания в психбольнице. Внешность, насколько сумею передать, у него была такая: человек довольно высокого роста, полноватый, плечи покатые, сутуловат и так далее. Лицо удлиненное, бледное, глаза голубые или серые, слегка выпуклые, лоб высокий, переходящий в лысину, остатки волос каштановые с проседью...»

(Далее она рассказывает, как больной стал откровенен с нею.)

«...Итак, нам стало известно, что он был наследником короны, что во время поспешного расстрела в Екатеринбурге отец его обнял и прижал лицом к себе, чтобы он не видел наведенных на него стволов. По-моему, он даже не успел осознать, что происходит нечто страшное, поскольку команды о расстреле прозвучали неожиданно, а чтение приговора он не слышал. Он запомнил только фамилию Белобородова, который не то руководил расстрелом, не то в нем активно участвовал.

...Прозвучали выстрелы, он был ранен в ягодицу, потерял сознание и свалился в общую кучу тел. Когда он очнулся, оказалось, что его спас, вытащил из подвала, вынес на себе и долго лечил какой-то человек...»

Далее Д. Кауфман рассказывает историю его дальнейшей жизни и как он попал в лагерь. Но самое интересное — в конце ее длинного письма:

«Постепенно мы стали смотреть на него другими глазами. Стойкая гематурия, которой он страдал, находила себе объяснение. У наследника была гемофилия. На ягодице у больного был старый крестообразный рубец... Наконец мы поняли, кого нам смутно напоминала внешность больного — известные портреты Николая, только не Второго, а Первого. И не в гусарском мундире, а в ватнике и полосатых пижамных штанах поверх валенок.

...В то время к нам раз в полтора-два месяца приезжал консультант из Ленинграда... Тогда нас консультировал С. И. Генделевич. Лучший психиатр-практик, которого я встречала на своем веку. Естественно, мы представили ему нашего больного... В течение двух-трех часов он «гонял» его по вопросам, которые мы не могли задать, так как были несведущи, и в которых Генделевич оказался компетентным. Так, например, консультант знал расположение и назначение всех покоев Зимнего дворца и загородных резиденций в начале века. Знал имена и титулы всех членов царской семьи и разветвленной сети династии, все придворные должности... и т. д. Консультант знал также протокол всех церемоний и ритуалов, принятых при дворце, даты разных тезоименитств и других торжеств, отмечаемых в семейном кругу Романовых. На все эти вопросы больной отвечал совершенно точно и без малейших раздумий. Для него это было элементарной азбукой... Из некоторых ответов было видно, что он обладает более широкими познаниями в этой сфере... Держался он, как всегда: спокойно и достойно. Затем консультант попросил женщин выйти и осмотрел больного ниже пояса, спереди и сзади. Когда мы вошли (больного отпустили), консультант был явно обескуражен, оказалось, что у больного крипторхизм (неопущение одного яичка), который, как было известно консультанту, отмечался у погибшего наследника Алексея. Мы этого не знали...

...Консультант разъяснил нам ситуацию: существует дилемма, и нужно принять общее решение — либо поставить диагноз «паранойя» в стадии хорошей ремиссии с возможностью использовать больного на прежних работах по месту заключения, либо признать случай неясным, требующим дополнительного обследования в больнице. Но в этом случае мы обязаны тщательно мотивировать свое решение в органах прокурорского надзора, который непременно пришлет следователя по особо важным делам из Москвы... Взвесив эти возможности, мы сочли за благо для больного выставить окончательный диагноз — паранойя, в котором не были уверены, и вернуть его в лагерь... Больной был согласен с нашим решением о возвращении в лагерь (разумеется, диагноз ему не сообщили), и мы расстались друзьями...»

Но по-прежнему давайте помнить фразу Г. П. Никулина: «Погибли все».

Потому что не могли не погибнуть.

И все-таки, начиная наше исследование, мы должны были быть готовы ко всему. Шекспировское «есть многое на свете, друг Горацио, чего не снилось нашим мудрецам» должно было стать девизом.

Именно об этом я думал, когда от меня уже уходил тот странный человек в кожаной куртке и в галифе с малиновым кантом... Детектив — не жанр для этого повествования. Но пространство статьи мало для рассказа, который довелось мне услышать.

На этой таинственной ноте позвольте завершить эту серию очерков.

Так что простимся. До выхода книги, дорогой читатель.

Зачем я писал эту книгу.

В Ипатьевском доме уже после гибели Романовых нашли стихотворение, переписанное рукой великой княгини Ольги.

Вот его последние строки:

«...И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов».

Писал эту книгу в надежде, что слова эти наконец-то — наконец-то! — станут понятны.

Гонорар за статью «Расстрел в Екатеринбурге» автор просит перевести на счет одного из детских домов города Свердловска.

■

Более полугода наблюдаю за политической игрой, которая ведется вокруг вопроса об уровне прожиточного минимума в СССР. Позволю себе некоторые цитаты.

Г. ЯВЛИНСКИЙ, начальник Управления социального развития и народонаселения Госкомтруда СССР: «...ну, и каков же сейчас в нашей стране минимальный бюджет? Увы, этого не знает никто. Никому в мире не приходилось подсчитывать минимальный бюджет в условиях дефицита» («Неделя» № 36).

И. КИРИЛЛОВ, начальник сводно-экономического отдела Управления социальной статистики Госкомстата СССР:

«Согласно расчетам, из 41 миллиона человек с доходом ниже прожиточного минимума треть составляют молодые семьи» («Правда», 7.01.1990 г.).

А. ЛАПИН, главный эксперт сводного отдела государственных доходов и налогов Министерства финансов СССР (говоря о проекте Закона СССР «Об изменении порядка и размеров налогообложения населения»): «В частности, в нем установлен необлагаемый минимум заработной платы, близкий к прожиточному, так как пока еще в стране нет необходимых методологических основ для определения такого минимума. Использован больше прагматический размер — 80 руб.» («Аргументы и факты» № 3, 1990 г.).

Цитирование могу продолжить.

Итак, кружатся в хороводе безответственности ответственные товарищи из высших эшелонов законодательной и исполнительной власти, путаясь в цифрах, не выполняя поручений... Случайно ли все это? По моему глубокому убеждению — далеко нет. Ведь пока существует «прагматический» минимум из расчета минимальной зарплаты, удобный лишь аппарату, нет нужды ни определять его истинную величину, ни поднимать этот самый минимум зарплаты. Если сегодня «останавливают» у черты бедности больше 40 миллионов человек, то какой же будет лавина бедных и у какой черты их придется останавливать, когда подсчитают истинный уровень прожиточного минимума, который уже сегодня едва ли не в два раза выше «прагматического»?

Но тогда разве останутся в стране поголовной нищеты хоть какие-то моральные оправдания для огромных прибавок к жалованью партгосаппарату, тщательно перепрятываемых под другие статьи и ярлыки привилегий, персонального автотранспорта с его 10—15-миллиардными издержками и «Внуково-2» с его персональными самолетами для далеко не первых лиц в государстве, «мимикрии» министерств и ведомств, «снижающих» расходы на управление ловким переодеванием в одежды НПО, фирм, консорциумов и т. д.?

В. КОЧЕГАРОВ,
рабочий
Минск

НИЩИЕ

Людмила САЛЬНИКОВА

Любой москвич, да и наблюдательный приезжий, не может не заметить: в расхристанном, запущенном облике нынешней столицы появилась экзотическая деталь — многочисленные нищие. Фигуру с протянутой рукой теперь можно встретить повсюду: в подземных переходах, на вокзалах, у больших универмагов, просто на улице. Кто эти люди и откуда взялись? Действительно ли в наше время кто-то стоит на грани голодной смерти? Или смягчились нравы, повернувшись к милосердию?

...Анна Кузьминична — тихая, вежливая старушка. Дело у нее поставлено продуманно и надежно. В будние дни она ходит на Белорусский вокзал. Публика там все больше приличная, обеспеченная, раскошеливается щедро. Ну, а по выходным и религиозным праздникам, разумеется, идет к церкви. К своей церкви и на свое место — выкупленное, отвоеванное у конкурентов (и тут нужен «патент на индивидуальную трудовую деятельность»!). В иной удачный день Анна Кузьминична доверху набивает обе свои потрепанные хозяйственные сумки выручённым заработком, и приходится просить каких-нибудь дюжих молодцев дотащить неподъемные эти баулы до ближайшего гастронома, дабы поменять монеты на бумажные купюры.

Ночует Анна Кузьминична на Ленинградском вокзале. По ее наблюдениям, он самый удобный. Камеры хранения расположены в стороне от толпы, и никто не видит, как ежевечерне извлекает маленькая старушка из металлического сейфа раскладушку, матрас, постельное белье — все честь по чести! — и как устраивается на ночлег в укромном теплом закутке. В соседних камерах хранения покоятся четыре внушительных чемодана Анны Кузьминичны, где собрано все ее имущество, включая приготовленные вещи на смерть.

Такую хлопотную долю выбрала наша старушка сознательно. «Приписана» она к одному забытому богом и людьми дому престарелых, но жить там категорически отказывается. Разве дело, когда сидишь в грязи и запустении, когда сотрудники, призванные о тебе заботиться, хамят и открыто воруют, когда весь день напролет слышишь стоны и жалобы соседей! Тут любой захиреет...

К сожалению, пока служба социального обеспечения в нашей стране может предложить одиноким беспомощным старикам единственный вид помощи —

интернаты для престарелых. Их население сегодня составляет 340 тысяч человек. Около 30 тысяч ждут сюда путевки. Вообще же в таких заведениях нуждается более полумиллиона пожилых людей. Точных данных нет, поскольку никто не брался за подсчет одиноких ветеранов, лишенных опеки. С уверенностью можно сказать только то, что процесс старения населения, захвативший многие страны, не минул и нас. Уже теперь пятая часть наших сограждан — пенсионеры. «То ли еще будет!» — предупреждают демографы. Но на их предупреждения, похоже, не обращают внимания. У нас господствует культ молодости, напора, крепких мускулов, старость же малоинтересна, непрестижна. Вот и остаются на местах не освоенными почти наполовину даже те скудные средства, что выделяются на социальные нужды. Кому охота строить интернат для престарелых, когда можно отгрохать сияющий стеклянными витринами универмаг или нарядный детский сад. Даже существующие интернаты, порой похожие на карцеры, с пятью метрами жизненного пространства на человека, отремонтировать и переоборудовать почти неразрешимая проблема: то рабочих не дают, то стройматериалов не завозят. Ну их, эти богадельни...

А у иных стариков в ответ собственная гордость. Почему должны они заточать себя в этих резервациях, как нарочно спрятанных где-нибудь на отшибе, подальше от людских глаз? Вот и начинают самые независимые и свободолюбивые искать, как теперь принято говорить, альтернативные пути решения своей судьбы. Один из путей — участь бродяги и попрошайки.

Не придумает ли государство для строптивых стариков еще какую-нибудь альтернативу — поприличнее вокзальной скамейки? Ответ готовы дать в Главном управлении социального обеспечения Госкомтруда СССР. Не успел этот главк родиться (хорошо, что он все-таки появился), как предложил в корне поменять политику в деле социального обеспечения.

Одинокий пожилой человек для продления физического и морального здоровья должен как можно дольше пребывать в привычных домашних условиях — доказано наукой во всем мире. А посему все виды помощи следует максимально приближать к месту его проживания. Начать с помощи на дому: прибраться в квартире, сбегать в магазин, сдать белье в прачечную может приходящий к ветерану социальный работник. Сейчас таким новым видом обслуживания охвачено по стране 400 тысяч человек, к концу года будет полмиллиона, а к концу следующей пятилетки обещают взять под опеку миллион стариков.

Дома сидеть, конечно, хорошо, но и без общения не проживешь. Специалисты из Госкомтруда СССР предлагают создавать на местах территориальные центры для пожилых с гибким, многопрофильным набором услуг. Тогда появится возможность перейти от унифицированного, обезличенного обслуживания к индивидуальной работе с каждым.

Кого-то вполне устроит дневное отделение центра, куда можно прийти пообедать, почитать газеты, пе-

Фото Владимира МАШАТИНА

рекинуться парой слов со знакомыми. Другой предпочтет неделю, месяц пожить в отделении временного пребывания. Третий захочет поселиться в специализированном доме для ветеранов, где под боком вся сфера быта. Наконец, совсем немощный отправится в интернат.

Такова Комплексная программа перестройки соцобеспечения на 13-ю пятилетку. Однако возникает извечный вопрос: какими ресурсами она подкреплена? Мы так привыкли, что на социальные нужды средств всегда не хватает...

На строительство домов-интернатов и территориальных центров, по предварительным прикидкам, потребуется 2,5 миллиарда рублей, на организацию сети надомного обслуживания — еще 1,4 миллиарда. Пока неясно, будут ли субсидии идти централизованно или через местные бюджеты, не захочется ли их кому-нибудь «скорректировать». Поживем — увидим.

Не менее проблематично положение с кадрами. Вот один из многочисленных наших парадоксов: имея государственную службу социального обеспечения, наша страна не готовит специалистов для работы в ней. Само словосочетание «социальный работник» многим в диковинку. Кто это? Служитель сервиса или медик? Делопроизводитель или психолог? Юрист или сиделка?

Во всем мире социальный патронаж осуществляют широко образованные, с высшим образованием, хорошо подготовленные к выполнению многообразных функций специалисты, у нас же в лучшем случае энтузиасты, ну, а в худшем — проштрафившиеся на других участках трудового фронта. «Знаю, что директор дома престарелых — пьяница и жуликоват. А где найти другого? — жалуется заведующий отделом соцобеспечения облисполкома. — Его уволю — кто будет накладные подписывать?»

Есть еще одна редкая для нас профессия — геронтолог. Выражаясь русским языком, врач, разбирающийся в особенностях, связанных со старением человека. Естественно предположить, что такой нужный специалист просто обязан вести прием в каждой районной поликлинике. Ан нет. В год медицинские вузы дают нам меньше сотни дипломированных геронтологов. Для справки: одних только домов престарелых в нашем отечестве 1200.

А почему, собственно, компетенция геронтологов должна ограничиваться медициной? Как не хватает их грамотного совета ну хотя бы работникам милиции. Задерживают они, скажем, некую гражданку 1892 года рождения за систематическое бродяжничество и попрошайничество. При осмотре обнаруживается, что сей божий одуванчик опоясан широким поясом, под который как попало рассованы денежные купюры на сумму две тысячи восемьсот рублей. От долгого пребывания в столь хитром тайнике бумажки слиплись, окаменели и в качестве денег использованы быть не могут. Но старушка, давно не помня про свои сокровища, заталкивает в пояс все новые и новые рубли.

К каким мерам в отношении нее целесообразно прибегнуть?

Или вот: красивый, благообразный старец с роскошной седой бородой — достопримечательность микрорайона — днем сидит на лавочке подле метро, читает газеты, а в час пик спускается в подземный переход и бросает у ног кепку. Все бы ничего, да сын у дедушки — военный начальник, положительный во всех смыслах человек, опекает родителя лучше не придумаешь, в доме полный достаток...

Но вернемся к Анне Кузьминичне. Назовешь ли ее нищей поневоле? С «благосостоянием» у старушки не так уж плохо. Всему виной ее свободолюбивый, независимый характер. Вот и живет как ей удобнее.

У московской милиции головоломка посерьезнее. В центре столицы, на улице Горького, в пешеходных переходах стали появляться странные женщины, просящие подаяние. Стоит такая нищенка, согнувшись в три погибели, лицо черным платком до глаз укутано, бормочет под нос что-то невразумительное. А рядом ребеночек вьется — черноглазый, любознательный. Трогательно, в общем. Народу по полутемному тоннелю пробегает уйма, иностранцы попадаются. Монеты в протянутую ладонь сыплются непрерывно, и не только советского происхождения. Но некогда пешеходам приглядываться к просящей руке, иначе заметили бы, что рука эта вполне молодая и сильная. Трудоспособная, иными словами. Если же проявить некоторую назойливость и, изловчась, заглянуть под черный платок, надвинутый до бровей, то обнаружится такое же молодое, вполне миловидное лицо.

И таких «мадонн с младенцами» по одной на каждом переходе наверняка. А в самых горячих точках — возле интуристовских гостиниц, рядом с Красной площадью — и по нескольку.

Начали представители правопорядка выяснять личность просительниц, однако неожиданно натолкнулись на протест общественности. «Вы чего к бедной женщине пристаете? Не нравится — проходите мимо. А мы будем подавать, и попробуйте запретить!» Виновница же перепалки под шумок собирает сумки, берет под мышку дитя и семенит к троллейбусной остановке. На следующий день ее можно встретить на прежнем месте.

Напрасны нападки на нынешнюю милицию. Она стала заметно мягче и снисходительнее. Посидели бы раньше попрошайки под носом у иностранцев! Но существует, граждане, закон, по которому проживать в столице более трех суток без прописки нельзя. За нарушение паспортного режима полагается «привлекать» нарушителей и брать с них подписку. Так что со всеми просящими милостыню матерями сотрудникам ближайшего отделения милиции познакомиться все-таки пришлось.

Что же выяснилось?

Много любопытного. Оказывается, попрошайничество числится весьма доходным промыслом. А быстро и много заработать кто не хочет? Снялась одна молдавская деревня дружно с места да и двинула в богатую Москву. Румяные черноглазые односельчанки с детьми оккупировали подземные переходы на улице Горького. Хорошо дело у них пошло, с размахом, жаль, быстро кончились отпуска...

До такой формы заработка иные додумываются и в одиночку. Как, например, жительница одного города в Западной Украине. И тоже с ребенком. Дети, особенно плохо одетые и неумытые, очень трогают чувствительные сердца прохожих, использование их при собирании милостыни существенно повышает сумму выручки. (Хорошо, если под рукой имеется собственное чадо, в противном случае его приходится где-то добывать. Одна «находчивая» особа, к примеру, похитила двенадцать (!) детей. Теперь сидит в тюрьме.)

Вид у просящей матери с ребенком получился жалостливый. Сидели они в длинном переходе метро прямо на хлюпающем от грязной жижи каменном полу, неподалеку от урны неопрятного вида. И мать, и дочка, прибывшие из теплых краев, одеты были явно не по слякотной московской погоде, а потому отчаянно чихали и кашляли. Понятно, что в пожертвованиях недостатка не наблюдалось.

Эта женщина является, по данным милицейского протокола, матерью шестерых детей. Зарплата мужа — двести рублей. Получает, правда, еще пособия на детей, но столь мизерные, что иначе как издевкой их назвать трудно. Что такое 12 рублей на ребенка в месяц? Сидя с протянутой рукой в метро, она имеет тридцать рублей в час!

Когда на страницах печати промелькнуло, что прожиточный минимум сегодня — семьдесят пять рублей в месяц на человека, во всевозможные инстанции полетели письма: «С какого потолка взята эта величина?», «Пусть сами попробуют прожить на такие деньги!»

Возмущение очень даже понятно, да вот ответить по существу, со знанием дела трудно. Никто не считал, сколько и чего нам нужно для нормальной жизни, каковы научно обоснованные нормы потребления различных благ, а следовательно, и минимальный потребительский бюджет советской семьи. Вернее, кто-то знает, где-то в солидных диссертациях все подсчитано и доказано, но достоянием гласности эти любопытные цифры почему-то не стали. Даже журналисту добыть их — целая проблема!

Появилась, правда, надежда, что информация рассекретится благодаря созданию в Госкомтруде СССР еще одного структурного звена (непонятно, как без него можно было существовать до сих пор?) — Управления уровня жизни и демографии. Первое, что сделали сотрудники нового ведомства, так это предложили свою величину прожиточного минимума. По самым осторожным подсчетам, она составляет около 100 рублей на человека.

Названная сумма несколько уточнила картину благосостояния народа. Около 81 миллиона граждан сразу оказались за чертой бедности, поскольку их доход на человека менее 100 рублей в месяц. Из них половина, то есть 41 миллион, имеют в месяц менее 75 рублей. Для всей этой части наших соотечественников, составляющей 28 процентов населения, так и хочется подыскать более сильное определение, чем «бедность».

Кто эти люди? Около половины, или 35 миллионов,— многодетные семьи; примерно 30 миллионов — пенсионеры; 8 миллионов — одинокие матери вместе со своими детьми; 8 миллионов — молодые семьи с одним кормильцем (жена в декретном отпуске или сидит дома с малышом).

Может, этим миллионам малоимущих тоже выйти на улицу просить милостыню, то есть сделать очевидным то, что принято стыдливо замалчивать?

Помните, сколько было разговоров, когда на десятку увеличили размеры минимальных пенсий? А что дальше? По мнению специалистов Управления уровня жизни и демографии, такими разовыми мелкими доплатами проблемы не решить. Необходима государственная программа помощи малообеспеченным лицам на следующую пятилетку. Скажем, предлагается индексация доходов, пропорциональная росту стоимости жизни. Пересмотр и упорядочение розничных цен с упором на доведение товаров по социально низким ценам до самых неимущих граждан. Введение единой справедливой системы льгот.

Почему персональный пенсионер у нас получает лекарства бесплатно, а «простой» платит свои кровные? Почему ветеран войны оплачивает половину стоимости квартиры, а его ровесник, лишенный ветеранского удостоверения, вносит полную квартплату? Страшная неразбериха в льготах для малообеспеченных семей (с доходом до 50 рублей на человека), одна льгота может подменяться или перечеркивать другую. Предлагается ввести для всех детей из таких семей бесплатную школьную и спортивную форму, завтраки, а для детей-инвалидов установить ежегодный бесплатный проезд к месту лечения и обратно. Вообще давно пора официально провести границу бедности и дать гарантии, что опускаться ниже этой линии государство своим гражданам не позволит.

На реализацию такой программы Госкомтруд СССР просит не менее 2 миллиардов рублей. Хотя предложения уже поступили на рассмотрение правительства, полной уверенности в их одобрении нет. Слишком настойчиво повторяет Минфин: «Не надейтесь, денег в казне нет и в ближайшее время не предвидится!»

Постойте, да есть ли у нашей страны сейчас более важная задача, чем помощь самым бедным слоям общества? Почему в который раз нет денег на стариков и многодетных, но есть на повышение окладов партийным функционерам и аппаратчикам?

Неудивительно, что определенная категория наших сограждан приходит к выводу, что нет смысла в этой жизни «упираться». Сторонники такой философии встречаются, например, на трех вокзалах. Место это знаменито в столице ничуть не меньше, чем улица Горького. А по количеству нищих и бродяг, пожалуй, составит конкуренцию центру города. У здешних обитателей «дна» свой колорит. Взять хотя бы Настю. Лет двадцать кормится она подаянием. Уж и не помнит никто, как появилась она на «плешке» — этой всесоюзной бирже бродяг, где работает беспроволочный телеграф между отбывающими заключение в разных лагерях, где совершаются невидимые постороннему сделки, покупается и продается все, что можно оценить в деньгах, где бесприютному найдется и «заработок», и убежище. Прибыла Настя в столицу якобы в гости к сестре, а про себя решила бросить неблагодарную работу проводницы в поездах дальнего следования и как-нибудь закрепиться в сердце нашей Родины.

Сестра Настю жить у себя не оставила и попросила больше не тревожить визитами. Тогда и началась у Насти бродяжья жизнь. У трех вокзалов нашлись подружки, быстро научившие, как молодой женщине устроить свою судьбу.

Прошли годы. Какое-то время жила Настя по холостяцким квартирам: жена не жена, скорее домработница. Всякого натерпелась, состарилась, подурнела. Захотелось сменить род деятельности. Пробовала скупать и перепродавать вещи, но тут особый талант нужен, иначе себе в убыток получится. Зато милостыню просить — как раз для нее.

Не сказать, чтобы милиция была безразлична к Настиному житью-бытью. Попала она в разряд закоренелых «чердачников», то есть тех, кто неоднократно привлекался по статье 198 УК РСФСР за нарушение паспортного режима. После освобождения Настя неизбежно возвращалась на «плешку» — до следующего задержания.

Настю давно никто не трогает. Кто будет связываться с уже немолодой, вконец больной женщиной? Когда она попадает в отделение милиции, то, ни слова не говоря, начинает разматывать полиэтиленовые пакеты, коими обкручены ее распухшие, бесформенные ноги. Вид незаживающих трофических язв плюс крепкий дух, исходящий от несвежих промокших пакетов,— такого не выдерживает даже выносливая нервная система дежурного. Задержанную спешно отпускают.

Настя не может оформить инвалидность, потому что у нее нет прописки. Периодически ей выдают паспорт и отправляют из Москвы к указанному месту проживания. Настя обязательно теряет паспорт. Без него удобнее. Ведь у нас как? Нет паспорта — нет человека. Нет человека — нет с него и спроса. Многие обитатели трех вокзалов живут по этому принципу.

У Кольки-косого с глазами все в порядке. Неясно,

за что Николай Иванович в свое время получил такую кличку. Настолько срослась она со своим обладателем, что тот с трудом вспоминает свое полное имя. Зато биографию любит рассказывать, особенно когда пропустит стаканчик-другой. Он коренной москвич, квартиру имел, жену. Сдуру полез в драку и получил срок. Ну, а дальше события покатились по тысячу раз проигранному сценарию. Через шесть месяцев лишился Николай Иванович московской прописки (вот вам и гарантированное Конституцией право на жилище!), еще через два года жена вышла замуж за другого, прописала нового мужа в квартиру. Вышел Николай Иванович на свободу — ни кола ни двора. К тому же со званием «ранее судимый». Будет оно сохраняться за ним годами, следовательно, сохранится и запрет на прописку в Москве, за которым автоматически следует запрет на работу.

В последнее время, правда, кое-кого из отбывших срок наказания прописывают. В прошлом году, например, 7 тысяч граждан с непогашенной судимостью смогли вновь стать москвичами. В порядке исключения. А вот во времена Николая Ивановича ни на какие исключения рассчитывать не приходилось. Дали ему направление в Калининскую область, чтобы там жил и честно трудился. Поехал. Тамошний участковый инспектор едва в документы глянул и отрезал: «Не надейся, не пропишем. У нас своих бандюг хоть косой коси!» Крепко уяснил себе Николай Иванович, что он отныне человек второго, а то и третьего сорта. Пробовал еще несколько раз где-нибудь корни пустить. Всякий раз упирался в одну и ту же неразрешимую проблему: жилье. Рабочие руки требуются позарез, но резерва жилья — ни малейшего. Как дашь дефицитную койку в общежитии пришлому человеку, да еще с подмоченной репутацией, когда свои кадровые рабочие по десять — пятнадцать лет из общаги выехать не могут! Выход один — частный сектор. Даже если оставить в стороне дороговизну такого удовольствия (а по выходе из зоны в карманах ветер гуляет), кто, скажите, пустит к себе в дом бывшего зека? А бездомный всегда и безработный.

Помыкался так Николай Иванович некоторое время, пока не понял: не вернуться ему на ту ступеньку, с которой когда-то неосторожно слетел, не жить, как все нормальные люди,— доля такая. Превратился Николай Иванович в Кольку-косого.

Режим у него такой: три дня сидит с кепкой возле Казанского вокзала, три дня пьет. Спасибо, что рядом универмаг «Московский» выстроили, а в нем с раннего утра дешевый одеколон иногда дают. Тут же «коллеги» всегда крутятся, есть с кем компанию поддержать. Много среди них товарищей по несчастью, вышвырнутых из родного города, но попадаются и такие, кто с официальной московской пропиской, но все равно приходит побираться на выпивку. Им так больше нравится, они не хотят и не умеют работать. Однако в основном народ, конечно, иногородний. Один прямо с места заключения, другой приехал в столицу за продуктами, да передумал возвращаться, третий сознательно решил затеряться в многолюдном городе.

Старожилы трех вокзалов отмечают, что бомжей развелось на удивление много, конкуренция среди попрошаек острейшая. Все потому, что найти нормальную работу становится трудно. Хозрасчет-батюшка сделал трудовые коллективы несговорчивыми, в невыгодные работники попали пенсионеры, женщины с маленькими детьми, инвалиды, молодежь. Кто посильнее — борется за место под солнцем.

Существует статья 209 УК РСФСР, предусматривающая наказание до нескольких лет лишения свободы за занятие бродяжничеством или попрошайничеством либо за ведение паразитического образа жизни. В прошлом году столичными правоохранительными органами было возбуждено за бродяжничество 63 уголовных дела. А за попрошайничество — ни одного!

Любой милиционер расскажет, как непросто задержать попрошайку, сколько бумажек надо для этого оформить. Попробуй, к примеру, взять заявления у двух прохожих, подтверждающие факт попрошайничества данным лицом. Тебе в непарламентских выражениях напомнят о совести и милосердии. А у кого поднимется рука изъять собранные нищим гривенники и пятаки, составив при этом подробную опись: сколько монет и какого достоинства отобрано у гражданина? В конце концов жалко тратить время на подобную ерунду, когда не успеваешь заниматься куда более серьезными преступлениями.

Тем не менее участь обитателей «дна» решать как-то нужно, хоть задача эта непростая. Как обществу впускать изгоев в свое лоно, уравнивать с остальными? Очень уж тяжелый контингент. Многих надо лечить от алкоголизма, других заново учить трудиться, окончательно недееспособным самое место в интернате для престарелых, да потеряли они простейшие навыки человеческого общежития. Для такой публики требуются всевозможные спецзаведения. Органы соцобеспечения вынуждены были открыть 6 специнтернатов для престарелых с уголовным прошлым, планируется довести их число только в РСФСР до 20. Принято решение об организации силами органов милиции и местных исполкомов спецпредприятий с использованием труда бывших заключенных, не нашедших себя в жизни.

Давайте представим, что когда-нибудь всех социальных аутсайдеров удастся пристроить в соответствующие учреждения. Перевоспитаются ли они дружно как один в благопристойных, законопослушных граждан? Слабо верится, не правда ли? Тогда наберемся смелости и заявим, что бездомные и попрошайки были и будут всегда, независимо от политического устройства общества.

Обратите внимание: что-то общее есть между каскадерами, альпинистами, мотогонщиками. Рисковать жизнью — их профессия, а вернее, внутренняя потребность, дающая чувство полноты жизни. Точно так же близки по внутреннему устройству путешественники, открыватели новых земель, геологи и... бродяги. Охота к перемене мест заставляет их быть всегда в пути. Они тяготятся размеренной, однообразной жизнью, ежедневным хождением на службу, аккуратным соблюдением ритуалов, принятых в «свете».

Наши деды и прадеды не додумались до прописки и паспортной системы, зато были очень терпимы к ближнему, живущему на свой, необычный манер. Для одиноких путников, странников, скитальцев всегда были открыты двери монастырей, приютов, странноприимных домов, где их ждали не только кров и пища, но и доброе слово.

Современный вариант странноприимного дома — приемник-распределитель. В столице таких четыре — два мужских и два женских. За год через каждый из них проходит до тысячи человек. Порядки в таком заведении тюремные: на окнах решетки, двери на засовах, по коридору ходит милиционер, на оправку и в столовую выводят под наблюдением.

Сюда доставляются те, кто задержан без документов. После выяснения личности их отправляют по месту последней прописки. Бывает, что клиента приемника-распределителя приходится передавать с рук на руки прокуратуре, поскольку за ним числится преступление. Но в девяти случаях из десяти народ здесь неопасный: у одной в поезде украли деньги вместе с документами, другая, никого не предупредив в своем доме для престарелых, отправилась на экскурсию в Москву, третий попрошайничал. Не слишком ли сурово наказывать таких карцером с голыми, ободранными банкетками, кишащими вшами?

Тем не менее голодная смерть им явно не грозит. А есть ли все-таки в нашей обширной столице истинная нищета и неподдельные нищие?

Загляните в старую московскую коммуналку — и вы там почти наверняка найдете пожилую одинокую вдову, живущую на пособие, или старушку из бывших домработниц, вовсе не получающую пенсию. Таких, по статистике, всего несколько процентов населения. Но как они существуют? Как придется. Навещают мусорные бачки, собирают у магазинов стеклотару (пустая бутылка стоит дороже батона хлеба!). Время от времени соседи прикармливают остатками со сковородки, а то и рублик дадут за то, что цветы в их комнате полила или за ребеночком приглядела. Однако встретить такую с протянутой рукой не удастся. Ей легче умереть, чем просить!

Неужто побираются только те, кто напрочь лишен чувства собственного достоинства? Ефросинья Егоровна, что часто стоит возле маленькой церквушки на окраине города, с этим утверждением не согласна. На такой заработок она пошла с легким сердцем. Родители у нее были староверами, она с детства привыкла за людей молиться. Всякому доброму человеку, который ей поможет, она сполна отплатит — помянет перед алтарем.

Милостыня для Ефросиньи Егоровны не блажь, не корысть, а способ выжить, потому как до последнего времени пенсия была у нее 41 рубль — столько ей полагается за сорокалетний колхозный труд. (Сейчас, правда, забрали документы на пересмотр, говорят, будет повышение пенсии, да пока вовсе ничего не платят.)

Похожа ли семидесятилетняя Ефросинья Егоровна на тех старушек-богомолок, что в прежние времена ходили по России, напоминая людям о доброте и сострадании? Возможно, кому-то подобное сравнение сегодня покажется натянутым. Однако, согласитесь, такая нищенка — живая память о традиционном российском милосердии, которое славилось на весь мир, поскольку в отличие от западной благотворительности, замешенной на коммерции, оно всегда было бескорыстным, пронизанным высоким духовным смыслом. Вспомним Толстого и Достоевского. Больницу для «бесприютных» доктора Гааза, Марфо-Мариинскую обитель, созданную великой княгиней Елизаветой Федоровной.

Кстати, нынешний настоятель храма «Всех скорбящих радости», что на Ордынке, Борис Кузьмич Гузняков ратует за возрождение традиций Марфо-Мариинской обители, при которой в начале века существовало московское общество добровольцев, отправлявшихся в госпитали, ночлежки, инвалидные дома. Среди них были известные деятели культуры и искусства, городская знать.

Уже несколько лет Борис Кузьмич и сто пятьдесят его прихожан посещают стариков в домах престарелых, умственно неполноценных детей в интернатах, бывают в больницах. Они возвращают нас к забытым отношениям между людьми: родственной любви друг к другу, когда чужое страдание нарушает общую гармонию жизни.

Гузняков хочет создать Марфо-Мариинское благотворительное общество, которое будет готовить патронажных сестер для ухода за одинокими стариками и инвалидами. Еще одно важное дело — помощь алкоголикам и наркоманам. Побеседовал Борис Кузьмич с пациентами наркологической больницы и убедился, что священник может пойти дальше психотерапевта и затронуть самые сокровенные душевные струны человека, разбудить в нем желание измениться. Одна беда — после выздоровления трудно вернуться к полноценной жизни. Клеймо бывшего алкоголика или наркомана вызывает у окружающих отчуждение, мешает устроиться на любимую работу.

По соседству с Ордынкой при Николо-Кузнецкой церкви решено открыть первую в городе богадельню. Настоятелю церкви протоиерею Владимиру Степановичу Рожкову есть что рассказать о том, как добивалась церковная община освобождения здания на территории храма, где расположено строительное управление. К счастью, после долгих тяжб и мытарств ордер на помещение получен. Служащие управления еще только упаковываются, подготавливаясь к выезду, а в церковь уже идут с заявлениями старики и старушки — хотят попасть в богадельню.

Много в районе одиноких стариков — несколько тысяч. Мест же в богадельне будет поначалу тридцать — сорок. Кому отдать предпочтение? Тем, кому помощь нужнее всего, считает Владимир Степанович. Есть среди прихожан такие, что состарились при церкви и, даже получив новые квартиры за тридевять земель, продолжают ездить сюда, на Новокузнецкую улицу, в свой храм. Многим поездки через весь город уже не под силу, но связь с батюшкой, с церковной общиной — главное, чем они живут. Собрать бы этих прихожан вместе да поселить рядом с церковью — большей радости для них и не придумаешь. А ухаживать за стариками будет молодежь. Тут и нравственное воспитание, про дефицит которого теперь столько разговоров, и профориентация — может, кто потом врачом станет.

Начала-таки медленно очеловечиваться наша жизнь. От абстрактных, выхолощенных формул всеобщего счастья мы заново учимся конкретной помощи конкретному человеку. Появился Фонд милосердия, где нуждающийся может получить небольшое денежное пособие, бесплатные талоны на обед. Кооператоры открывают столовые для бедных. Разворачивает благотворительность церковь. Значимость этой чистой струи в бурном, пенистом водовороте перестройки трудно переоценить. И все же вопрос: достаточно ли благородных, но разовых, разрозненных деяний для облегчения участи малоимущих наших сограждан?

Время нынче такое, что и тот, кто всегда чувствовал себя достаточно уверенно, теперь с тревогой заглядывает в завтрашний день. Того и гляди на грань нищеты поставят его инфляция, рост цен, разгул рыночной стихии. На что же рассчитывать нищим, неспособным прокормить себя и сегодня?

Весьма знаменательно, что одним из первых актов нашего Президента стало послание Верховному Совету СССР, в котором предлагалось принять экстренные меры по улучшению положения женщин, охране материнства и детства, укреплению семьи. Радует, что парламент страны незамедлительно принял соответствующее постановление. Первый шаг сделан. Хочется, чтобы за ним без промедления последовали следующие и в поле зрения органов высшей власти попали и другие категории остро нуждающихся в поддержке и социальной защите соотечественников. Милосердие должно быть возведено в ранг государственной политики, только тогда мы сможем назвать себя цивилизованным обществом.

Ну, а пока деловые, целеустремленные, благополучные москвичи на бегу открывают кошельки, чтобы бросить монету в протянутую к ним руку. Чем еще они могут помочь?

ДЕТСКИЙ УГОЛ

Рубрику ведет Григорий ОСТЁР.

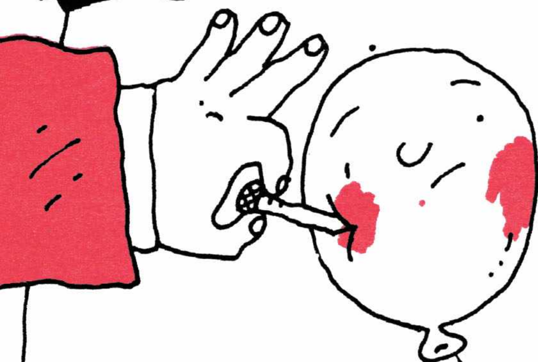
Рисовал Валерий ДМИТРЮК.

Когда-то Аркадий Гайдар написал: мы только притворяемся детскими писателями, а на самом деле мы готовим краснозвездную армию. Наверно, именно поэтому на многих из нас, сегодняшних детских писателей, часто смотрели с подозрением и выискивали в наших строчках то зашифрованное обращение к взрослым, то просто фигу в кармане.

«Знаем, знаем, что вы хотите этим сказать»,— шептали нам редакторы и откладывали наши книги в сторону. И было даже как-то нечестно упрекать редакторов в трусости, потому что те из них, кто был посмелей, немедленно попадали под удар и пулей вылетали из издательства, а наши попытки защитить их всегда кончались ничем. Между тем мы вовсе не стремились под видом детских произведений «проталкивать взрослую крамолу». Просто любое живое, честное общение писателя с читателями выглядело крамолой. А с детьми нечестно нельзя. Не получается. Это взрослые способны с вдумчивым видом вслушиваться в тоскливые «пра-

Генрих САПГИР

ПЛАНЕТА ШАРОВ

Гуляли шары-приятели,
И было приятелей пятеро.

Эта песенка очень грустная,
Очень грустная — даже печальная,
Эта песня такая печальная,
Что бедовая — даже отчаянная.

Один зацепился за гвоздик,
Остался от шарика хвостик.

Эта песенка очень страшная,
Очень страшная — даже ужасная,
Эта песня такая ужасная,
Что почти что невыносимая.

Второй заклевали галки —
И стал он вроде мочалки.

Эта песенка — знать не хочется,
Знать не хочется — слушать
не нравится,
Эту песню так слушать
не нравится,
Что уж петь совершенно
немыслимо.

Третий хлопнул — был камешек
меткий.
А четвертый прижгли сигареткой.

Эта песенка — кто поет ее,
Кто поет ее, не поздоровится —
Заболеет он свинкой, ангиною,
А микстура такая невкусная!

Но пятый, представьте, и жив, и
здоров,
Он улетел на Планету Шаров.

Эта песенка очень славная,
Очень славная — даже красивая,
Эта песня такая красивая —
Совершенно неправдоподобная!

Тим СОБАКИН

ВОЕННЫЙ ПРИКАЗ

Автобусный двигатель
громко гудит.
Старушка в автобусе
тихо сидит.
В кармане
автобусный спрятан билет,
а рядом
железный лежит пистолет.
Висит на плече
дорогой автомат.
Два танка тяжелых
в авоське гремят.
В руках у старушки —
ручной пулемет.
Зачем ей игрушки?
Никто не поймет...

Но есть у старушки
единственный внук —
он юный любитель
военных наук.
И бабушке внук
поутру приказал
пополнить
его
боевой
арсенал!

Галина ПОГОЖЕВА

ПРО КРОКОДИЛА

Крокодил однажды к речке бежал.
Он бежал, бежал, бежал — и устал.
Вот и лег он полежать. Полежал.
Потянулся. Повернулся. Привстал...
«Ой, кого-то я толкнул. Виноват!
Это кто это тут рядом лежит?»
Он понюхал. Говорит: «Аромат!»
Потолкал, потормошил — не бежит!
Неизвестно, кто его посадил,
Только вырос у реки огурец.
И сидел у огурца крокодил.
Все сидел. И говорил: «Молодец!
Несомненно, мы с тобою родня —
Посмотри, как ты похож на меня!
Не похожи мы длиной, высотой,
Ну так это ты еще молодой,
А пупырышки похожи. И цвет.
Только, жаль, у тебя ножек нет.
Ну да ладно,— говорит,— на двоих
Хватит нам с тобой и моих.
Я тебе теперь буду отцом,
Познакомившись с тобой, молодцом.
Потому как я был так одинок,
Что не надо мне ни рук и ни ног...»
Обнимал он огурец, целовал.
Целый час с ним танцевал,
не присел.
И нечаянно его оторвал.
И совсем уже не помнит, как съел.
И пошел он. И виднелся вдали.
Грустно плелся по дороге к реке.
И отчаянные слезы текли
По зеленой крокодиловой щеке.

Э. УСПЕНСКИЙ

ВОСПЕВАТЕЛЬНЫЕ СТИХИ ПРО БАБУШКУ ЛЕТЧИКОВУ

На улице летчика Бабушкина
Жила-была бабушка Летчикова.
Нет, она не летала,
Она у плиты хлопотала.
Ее блины потрясали,
О них в газетах писали.
Что это большое искусство
Не хуже картин Левитана,
Когда в середине капуста,
А по краям сметана.

В Милане был конкурс супа,
Туда полетела группа,

В ней было двое поваров
И четверо инструкторов.

И в этом самом Милане
Летчиковой Меланье
Сказал президент супов:
— Вот, дорогая бабуля,
Вам золотая кастрюля
И пять золотых зубов.

Вы скоро от нас уйдете,
Но память о вашей работе
Останется жить в веках.
И понял даже ребенок,
Что такое цыпленок,
Когда он в хороших руках.

На конкурсе рыбы под маринадом,
Который проводится под
Ленинградом,
Все говорили с тоской:
— Нам ни за что не угнаться,
Мы даже не будем пытаться,
За этой прекрасной треской.

В южной Англии этим летом
Был симпозиум по котлетам,
Летчикова там была.
Она вышла веселой походкой
С начищенной сковородкой
И первое место взяла.

И я уверен,
в Москве
Вместе с улицей
летчика Бабушкина
Будет улица
бабушки Летчиковой
С котлетой
на белой доске.

вильные» стихи, а потом аплодировать, потому что надо аплодировать. Детей не надуешь: они зевают — и все.

И еще одно, что не могло простить нам «начальство от литературы»: мы писали не для тех детей, которые навсегда останутся сюсюкающими малышами (таких в природе не бывает). Ведь ребенок — это не состояние, это процесс. Процесс превращения человеческого детеныша в гражданина своей страны.

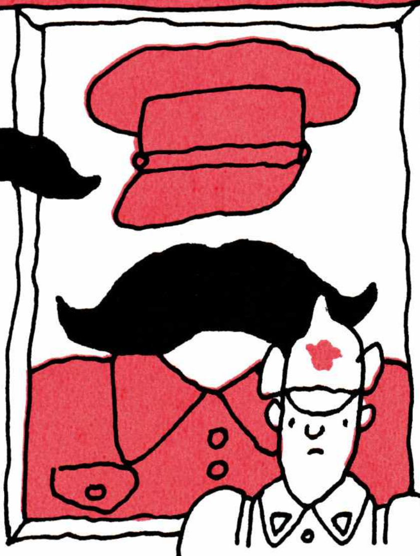
Когда наши произведения нам удавались и удавалось их опубликовать, они становились своеобразными прививками детям против навязываемых им дурных стереотипов мышления и поведения, помогали стать раскованными, самостоятельно думающими, свободными от калечащих юные души идеологических схем. По крайней мере мы к тому стремились.

Сегодня на этой странице мы предлагаем произведения, которые до сих пор не удавалось донести до детей.

Григорий ОСТЁР

УСЫ

Рассказ

Рассказывают, было время, когда Лавровым переулком и городом, да и всей страной, правил жестокий усатый вождь по имени Сталин. Люди смотрели на его красивые портреты с усами и верили, что он великий вождь и друг детей, а сам он никому не верил, мог на любого показать пальцем, сказать: «Это шпион». В ту же ночь человека хватали, запихивали в тюрьму. Многие по ночам боялись спать, сидели на кроватях и ждали, когда за ними придут.

В Лавровый переулок тоже приходили по ночам. И часто уводили чью-нибудь папу или маму. А наутро глупые, доверчивые дети говорили во дворе: «Представляете, наш папа оказался шпион. Как здорово, что его наконец поймали».

Однажды ночью пришли за папой маленького Вовчи. Маму тоже увели, а Вовча спрятался под диваном, и его не нашли.

На следующий день был праздник. Усатый вождь стоял на трибуне, смотрел парад, а из толпы выбегали маленькие дети и приносили ему букеты цветов. Таков был в те времена обычай. Вовча тоже раздобыл букет, вместе с другими детьми прибежал на трибуну, подошел к вождю и попросил:

— Скажи, чтобы папу и маму отпустили прямо сейчас!

Усатый вождь погладил Вовчу по голове и улыбнулся.

— Твои родители,— сказал он ласково,— шпионы и враги народа. Забудь их навсегда.

— Нет,— крикнул Вовча,— я папу хорошо знаю, а маму еще лучше! Это чепуха!

— Ай-яй-яй, мальчик,— еще ласковей сказал вождь.— Никто лучше меня — великого Сталина — не знает, кто шпион, а кто нет. Ты должен верить мне, потому что я самый лучший друг детей.

— А я,— всхлипнул Вовча,— тебе не верю. Не отпустишь маму и папу — начну стирать усы со всех твоих портретов.

Усатый вождь помрачнел. В те времена его портреты висели на каждом шагу, в любом городе, на улицах, площадях.

— Сейчас,— тихо сказал вождь,— я схвачу тебя за ухо и отшлепаю.

Но тут вождь вспомнил, что на него глядят тысячи людей. Конечно, усатый вождь никого не боялся, наоборот, его боялись все, но прямо на трибуне хватать за уши и шлепать маленьких мальчиков... Тогда бы все сразу увидели, какой он друг детей.

А Вовча сбежал с трибуны и спрятался в толпе. В тот же вечер усатому вождю доложили, что на некоторых его портретах пропали усы.

— Но вы не огорчайтесь,— сказали вождю,— еще много осталось с усами. Подавляющее большинство. А без усов только четыре штуки.

— Что? — возмутился вождь.— Целых четыре портрета без усов?! Немедленно подрисовать. И поставить по часовому к каждому портрету. Пусть охраняют усы с оружием в руках.

Но на следующий день пропало еще семь усов.

— Как? — гневно спросил вождь.— Разве я не велел поставить по часовому к каждым усам?

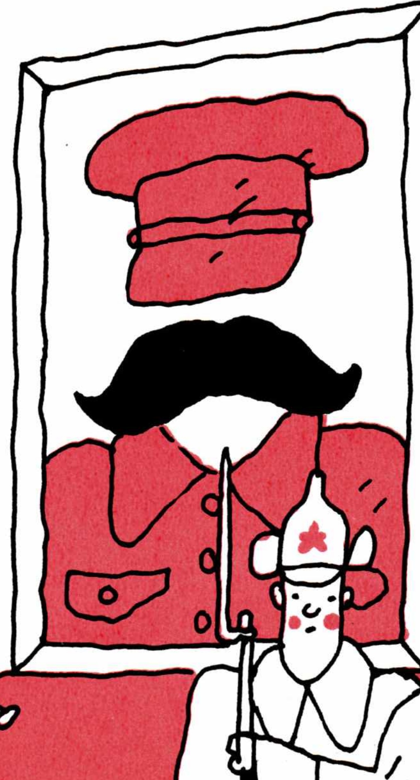
— Велели. Но ваших портретов в стране в пять раз больше, чем солдат в армии. Мы и мобилизацию провели, и пограничников с границ позвали, а все равно не хватает.

— Пограничников? — растерялся вождь.— Кто же границы бережет?

— Никто.

— А если враг нападет?! Немедленно верните пограничников на место. И армию тоже. И выпустите из тюрьмы маму и папу этого бессовестного мальчишки...— Вождь помолчал и добавил: — Я так приказываю, потому что мне — великому Сталину — безопасность наших границ дороже всего остального.

На самом деле он, конечно, врал. Дороже всего остального ему были собственные усы.

АНЕКДОТЫ ОТ НИКУЛИНА

Ученик пришел из школы, бабушка его спрашивает:

— Ну и чем вы, Петенька, сегодня занимались в школе?

— Ах, бабушка, мы на уроке химии делали опыты со взрывчатыми веществами.

— А что же у вас завтра будет в школе?

— В какой школе, бабушка?

• • •

Молодые супруги первого сентября провожают сына в первый класс. Новая форма, цветы... После уроков встречают сына, он бросает портфель на диван и говорит:

— Что же вы меня не предупредили, что эта волынка на десять лет?

• • •

— Тетя, скушай эту конфетку.

— Спасибо, милый.

— Вкусно?

— Очень.

— Странно, почему тогда и собака, и кошка все время ее выплевывали.

• • •

— Петя, кем бы ты хотел быть, когда вырастешь?

— Генералом.

— Но ведь тогда тебя на войне могут убить.

— Кто?

— Неприятель.

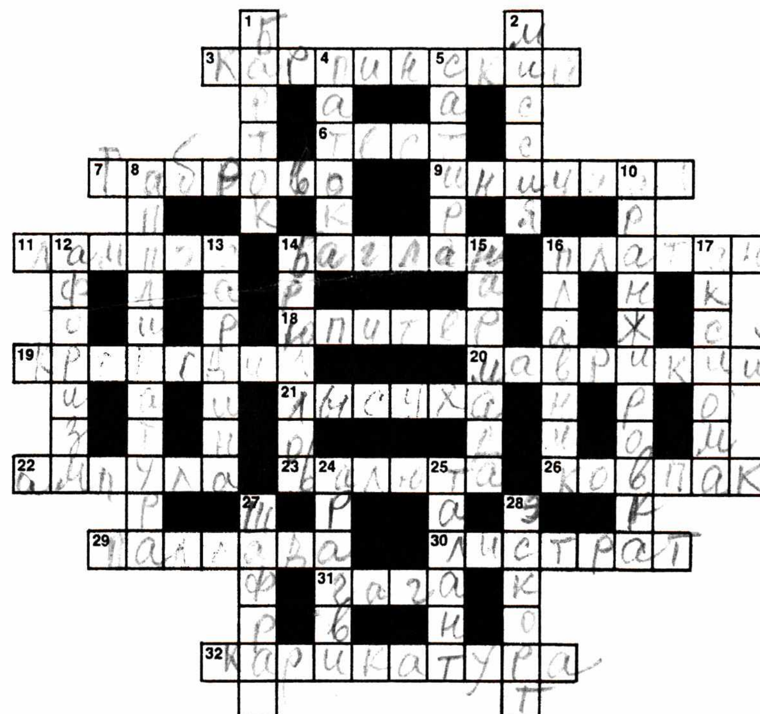
— Тогда я буду лучше неприятелем.

• • •

Мать спрашивает сына:

— Что-то я не вижу твоего школьного дневника.

— А у меня его Васька взял, чтобы родителей попугать.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Советский академик, основатель русской геологической научной школы. 6. Контрольная задача для проверки правильной работы цифровой вычислительной машины. 7. Город в Болгарии, в котором проводятся фестивали юмора. 9. Начальная буква имени, отчества, фамилии. 11. Цветная полоса, нашивка на форменных брюках. 14. Город в Афганистане. 16. Крупное листопадное дерево. 18. Планета. 19. Советский сатирический журнал. 20. Остров в Индийском океане. 21. Водоплавающая птица семейства пастушковых. 22. Герметически запаянный сосуд для хранения лекарств, растворов. 23. Денежная единица страны. 26. Командир партизанского соединения, дважды Герой Советского Союза. 29. Одна из крупнейших малых планет. 30. Действующее лицо в опере Т. Н. Хренникова «В бурю». 31. Полярная морская утка, обитающая колониями. 32. Комическое или сатирическое изображение.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Венгерский композитор, пианист. 2. Дипломатическая делегация специального назначения. 4. Густое сладкое вещество, получаемое из крахмала. 5. Обличающая, бичующая ирония. 8. Способ расположения и порядок чередования пальцев при игре на музыкальном инструменте. 10. Переложение музыкального произведения для исполнения на другом инструменте. 12. Краткое выразительное изречение. 13. Промысловая морская рыбка. 14. Русский живописец XIX века. 15. Река в Индии. 16. Орган движения водных животных. 17. Положение, принимаемое без доказательств. 24. Река в Грузии. 25. Высокая степень одаренности. 27. Сорт яблок. 28. Военный конвой, охрана, сопровождение.

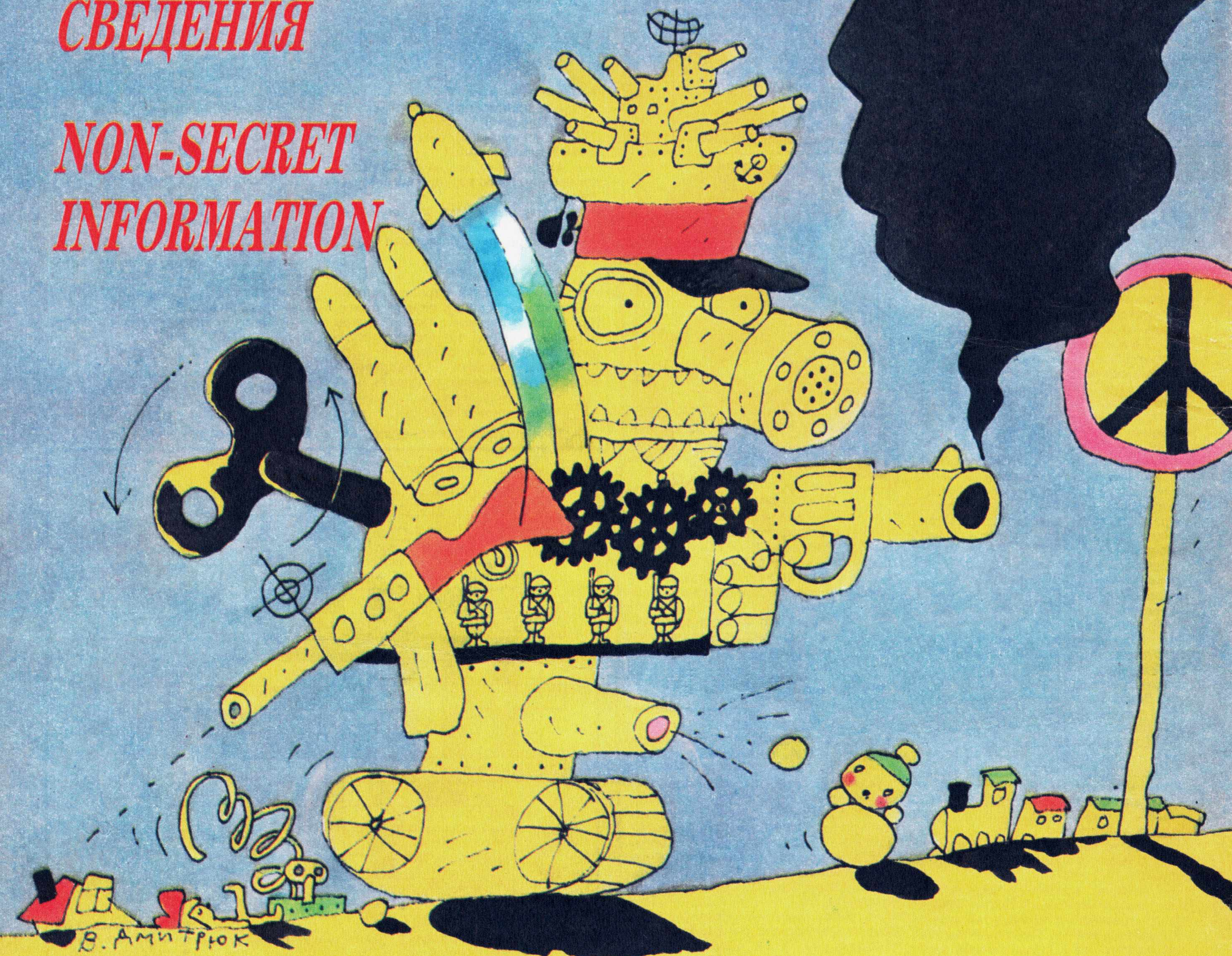
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Картинг. 8. Креозот. 9. Отава. 10. Скотинин. 11. «Бармалей». 12. Дрофа. 13. Тембр. 15. Язьва. 17. Славков. 19. Элита. 20. Кайма. 21. Кульминация. 22. Индер. 24. Антиб. 26. «Разлука». 28. Рожок. 30. Сайра. 31. Сенна. 32. Анаконда. 33. Ковалева. 34. Десна. 35. Вычегда. 36. Лыньков.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Шагомер. 2. «Пионер». 3. Благотворительность. 4. Теория. 5. Топливо. 7. Гондола. 8. Кабачок. 14. Бельканто. 16. Земляника. 17. Столпер. 18. Вакцина. 23. Рассада. 24. Аксакал. 25. Вожатый. 27. «Орленок». 29. «Коняга». 30. Савина.

НЕСЕКРЕТНЫЕ СВЕДЕНИЯ

NON-SECRET INFORMATION

Сегодня на вооружении у советских детей более 247 385 613 танков, боевых самолетов, кораблей, пушек, ракет, автоматов, пистолетов и других единиц игрушечного оружия.

Немало военных игрушек и у детей других стран.

Мы предлагаем детям планеты вместо военных игр играть в Международное Игрушечное Разоружение. В М.И.Р.

Детские дипломатические переговоры пройдут в городах Европы, Америки, Азии, Африки, Австралии и островных государств.

Средства массовой информации будут подробно освещать переговоры и публиковать заключенные детьми договоры.

Уважаемый Ребенок!

Если вы согласны подписать предварительный ДОГОВОР № 1, вы можете принять участие в дальнейших переговорах после того, как сообщите о себе по адресу: Москва, Бумажный пр., 14. В центр «Детское Разоружение» при редакции журнала «Огонек».

ДОГОВОР № 1 О ДЕТСКОМ РАЗОРУЖЕНИИ

Мы, дети разных стран, владеющие игрушечным оружием, договариваемся:

1. Не просить у родителей новых военных игрушек.

2. Начать переговоры друг с другом о постепенном взаимном сокращении тех военных игрушек, которые у нас уже есть.

3. Продолжать наши переговоры даже когда вырастем, до тех пор пока на планете не останется никакого оружия, ни игрушечного, ни настоящего, и война навсегда покинет наш мир.

Подпись ребенка ______________________

Имя ____________ Фамилия ____________ Адрес ____________

Today Soviet children are armed with more than 247 385 613 tanks, combat planes, ships, cannons, missiles, machine-guns, pistols and other types of toy weapons.

Children of other countries have many military toys as well.

We suggest that instead of war games, children of this planet play the game of International Toy Disarmament.

Children's diplomatic negotiations will be held in the cities of Europe, America, Asia, Africa, Australia and the island states.

The media will cover the negotiations in detail and publish the treaties concluded by the children.

Dear Child!

If you agree to sign the preliminary TREATY N° 1, you will be able to participate in further negotiations after you have provided us with information about yourself at the following adress: 101456, Moscow, Bumazhnyi proezd, 14. To the "Ogonyok" magazine "Children's Disarmament" centre

TREATY N° 1 ON CHILDREN'S DISARMAMENT

We, the children of different countries, possessing toy weapons, agree

1. Not to ask our parents for new military toys.

2. To start negotiations with each other on the gradual and mutual reduction of those toy weapons which we already have.

3. To continue our negotiations even when we grow up, until there are no weapons, neither toy nor real, left on this planet and war leaves the world forever.

Child's signature ______________________

Name ____________ Surname ____________ Adress ____________